

Александр Мишади

Депутатский мандат

Ульяновск
«Печатный двор»
2005

5-7572-0127-4

Александр Мишади, 2005

*«Сознание честно выдержанной борьбы
едва ли не выше торжества победы»
Рудин,
герой тургеневского романа.*

Эту историю мне рассказал мой приятель, с которым мы когда-то учились в Горьковской Высшей партийной школе. Живет он сейчас в небольшом волжском городке, и ежегодно наши встречи оставляют в моей памяти добрые воспоминания. Когда он закончил свой очередной рассказ, спросил меня:

– А как обстоят дела у вас?

– В наших краях выборные кампании проходят спокойно, без конфликтов и эксцессов, – ответил я ему, и он недоуменно покачал головой.

Но его рассказ меня настолько заинтересовал, что попросил его разрешения использовать его сюжет в своей будущей книге. Он охотно согласился.

Дело в том, что я давно задумал написать книгу о Николае Герасимовиче Абрамове, человеке со сложным характером, талантливом организаторе, неукротимом в достижении цели, для которого служение народу является главной целью жизни. О нем написаны десятки очерков и статей, мне с ним рука об руку посчастливилось бороться на выборном фронте и лучше узнать его характер. Я не стал ломать голову над фабулой – в основу положил сюжет друга. Так что действия в романе к нашей губернии не относятся, имена все вымышлены, и лишь один персонаж – герой книги Николай Абрамов представляет реальный образ в жизни.

Эта книга – о сложной борьбе за депутатский мандат, о борьбе добра и зла, о противостоянии здоровых сил общества беззаконию и произволу.

*«Глаза первыми начинают любовную схватку»
Брантом,
французский писатель*

Потеряв надежду найти агитатора, Боровинский устало брел по улицам села. Стояла теплая осенняя погода. Под ногами шуршала тополиная листва. В огородах сжигали картофельную ботву – деревенская страда готовилась к последнему рывку. Только в садах пламенели поздние сорта яблок, да из ближнего леса загадочно выглядывала красная рябина.

– Ходить по домам нас отучили, – сказала учительница местной школы. – Сейчас не те времена, когда каждая семья охотно открывала двери. В каждом дворе собака, да и калитка закрывается наглухо, словно живем в средневековом замке. Вы сходите к бывшему директору школы Седову Виталию Ивановичу. Прикован к постели, но его советы вам могут пригодиться.

«Как же сам не смог догадаться, – признался себе по дороге Боровинский. – Надо всегда начинать с человека, которого ты знаешь – золотое правило организатора. Седов – не рядовой человек, а учитель учителей».

Виталий Иванович принял Боровинского с распростертыми руками. Сколько лет, сколько зим?! Действительно, прошло почти двадцать лет, как разошлись их пути. Оба хорошо помнят, как близлежащие села присоединяли тогда к городу. До этого они входили в состав Свияжского района и дышали сельским воздухом. Хождения по мукам, сходы граждан, длинная переписка дали наконец долгожданный результат – Ольховка вошла в список сел, получивших городскую прописку. «Мы – городские жители, – голосили громко ольховцы и ходили по улицам с гордо поднятыми головами. Но в среде городских обитателей они растворялись в общей массе, хотя девушки изо всех сил старались придать своей походке изящество и красоту. В остальном Ольховка не изменила своим традициям и считалась селом самой высокой концентрации сплетниц и завистниц. Но городские власти эти отрицательные качества на учет не брали, а социальная сфера здесь считалась на порядок выше, чем даже в самом центре. Школа, медпункт, асфальт по широким улицам и площадям, современный клуб и библиотека с читальным залом. Кружки, секции, коллектив художественной самодеятельности и его слава не нуждались ни в подборках, ни в рекламе. Но это было давно, еще в советские времена.

– Остались одни воспоминания, – вздыхает Виталий Иванович и смотрит бесцветными глазами. – В школе нет даже телефона – отрезали за долги, а клуб замерзает в холоде. Стыдно показываться на людях – чувствуешь какую-то косвенную вину.

Боровинскому показалось, что бывший директор полон энергии. Правда, впалые щеки и мутные глаза – явные признаки перенесенной болезни, но держится он бодро и предложил даже отметить встречу.

– Мне нужна от тебя помощь, – произнес гость, поблагодарив за приглашение к столу. – А встречу мы отметим в следующий раз.

Седов не стал настаивать и, выслушав просьбу, ответил кратко:

– В селе нужных людей не найдешь. Педагоги совершенно оторваны от общественных дел и напоминают людей в футляре. Беседы с ними убедят тебя, что я прав. Вся работа записана в школе, варятся, как говорится, в своем котле и то от звонка до звонка, а семья с боку припеку. Ты хорошо помнишь – мы все делали бесплатно и считали это своим долгом.

– А за деньги? – вырвалось у гостя. – За деньги могут они согласиться?

– За какие, – застрял хозяин на полуслове, – если, конечно, не шутите?

Глаза его загорелись, словно угольки после сильного поддува, и он еле перевел дыхание.

– За обыкновенные, но не за доллары, конечно.

Седов встал и медленно направился на кухню, а Боровинский задумался. «Как я плохо знал их, директоров школ, думал он, глядя вслед. Работали, а в душу не заглядывали. Пленумы, совещания, знамена, а душа оставалась в потемках». Гость направил взгляд на стену, откуда в деревянных рамках смотрели пожелтевшие от времени фотокарточки. Скрипнула дверь, и на пороге появился хозяин.

– Прошу, – заявил он бодро. – Бог не простит, если мы с тобой не пропустим по рюмке.

– Право, мне неудобно, но если настаиваете, то...

– Да, да, настаиваю. Сколько лет, сколько зим!

– А что, если я попрошу тебя быть агитатором? – вдруг заявил Боровинский, когда у обоих во рту захрустели соленые огурцы.

Седов ждал этого предложения, но делал вид, будто оно прозвучало неожиданно.

– Да что ты, Максим Васильевич, разве мне под силу такая работа? Я ведь живу только на таблетках. Вчера вот жена привезла из города почти на триста рублей. Должны выдавать бесплатно, но нет – сдирают три шкуры. Я ведь отношусь теперь к третьему сословию.

– Не понимаю.

– Что тут не понять. Есть пенсионеры, как говорят сейчас, федерального значения, регионального, а я оказался за чертой, – вздыхает бывший директор школы. – Тридцать лет тянул лямку, а медали не заслужил. Одни выговора. Такие вот пироги. К третьему сословию приписали. Говорят, хотя бы медаль какую имел, мы тебя к местному значению притерли.

– Неужели никакой зацепки нет?

– Имеются, конечно. Но стыдно ходить по кабинетам. Слово милостыню просишь. Да, были времена, одной ногой в коммунизме стояли, но нет – все пошло под откос. Надо было лечить болезнь, а они вырвали с корнем. Сколько лет, сколько зим?

– Нет-нет, больше не будем, – произнес гость, накрыв рюмку ладонью. – Придет время, пропустим не по одному разу. Ну как, старина, по рукам?

Хозяин делает удивленный вид, но в глубине губ искрится улыбка.

– А каковы мои обязанности?

– Мизерные. В первую очередь пойдешь к директору школы. Нужно договориться о встрече кандидата с учительским коллективом. Какие связи у тебя со школой?

– Часто бываю. Не сомневаюсь – встречу организуем.

– Второе поручение более серьезное, но оно тебе под силу. О нем поговорим при следующей встрече. О, кей?

Хозяин хотел спросить, сколько стоит сие предприятие, но счел не совсем удобным. Боровинский понял его намерение и, чуть улыбнувшись, добавил: «Не беспокойся, не обижу».

Клуб в Ольховке расположен на краю села. Окна на всю стену, из легких дюралевых рам. К удивлению, дверь почему-то открыта, хотя Седов утверждал, что очаг культуры постоянно держится на замке.

– Интересно, – обмолвился Боровинский и нахлобучил на голову шапку. – Заглянем?

Шофер пожал плечами.

В фойе запахло сыростью и мышиным пометом. Защекотало ноздри. Боровинский съезжился и подошел к первой двери, на которой висел распорядок работы клуба и огромный замок. А дальше была вторая дверь. «Ольховская библиотека», – прочитал посетитель и дернул ручку на себя.

Гость не почувствовал, что вошел в помещение. Ему показалось, что в библиотеке намного холоднее, чем на улице. За витриной стояла женщина лет тридцати, в красном пальто, окутанная шерстяным платком. Глаза карие, крупные, злые.

– Здравствуйте, – ответила она холодно на приветствие пришельца и перевела центр тяжести на другую ногу. – Какая сила притащила вас сюда?

– Прав директор: не клуб, а северный полюс, – произнес Боровинский.

– Ошибаетесь, – прозвучало неожиданное возражение, и на лице женщины проскользнула улыбка, в которой, как показалось гостю, было больше ухмылочки, чем искренности.

– Как тепло? Откуда оно?

– Хотите убедиться? Пожалуйста!

Библиотекарша исчезла за стеллажами и появилась со связкой ключей. Боровинским овладело любопытство, и он молча последовал за ней. «Барышня-крестьянка, – подумал Максим Васильевич, глядя на ее крупные шаги. – Однако не лишена изящества. Тонкая фигура, гордая осанка, а лицо изваяно словно из бронзы. Нос чуточку с горбинкой, под глазами синие линии. Губы не намалеваны, нижнюю часто поджимает зубами. Пальтишко сидит на ней словно мешок».

– Вы мне не ответили на мой вопрос, – нарушает она ход его мыслей и, вытянув правую ногу, изо всех сил трахает в дверь. – По какому поводу явились сюда?

Дверь не поддается. Тогда на помощь приходит вся мощь ее туловища.

– А вы как думаете?

– Сейчас все заняты одним делом – выборами. Будь они прокляты!

– Угадали.

– От какого кандидата? Случайно не от Абрамова?

Боровинский остановился в недоумении. Библиотекарша повернулась к нему лицом и, не глядя, бросила ему ключи.

– Что же вы остановились? Откройте!

Гость подошел к двери и стал перебирать ключи.

– Однако не могу понять – почему в библиотеке холодно, а в клубе тепло.

– Сейчас поймете.

Боровинский дернул на себя дверь – из помещения вырвался теплый воздух. Библиотекарша засеменила по залу и, как показалось гостю, походка ее не такая уж неказистая, какая бывает присуща провинциалке.

– Видите, какой калорифер поставили, а мне не хотят. Им, значит, траля-валя, дискотеки нужно проводить...

– А почему вам сюда не переходить?

– А читатели? Они должны выбирать книги.

– Выберут и сюда прибегут. Читательские карточки можно заполнять тут.

Библиотекарша направила пронзительные глаза на гостя. Они, как стрелы, вонзились ему в сердце. Он подумал, что, видимо, не то сказал. Она подумала, как она до сих пор не смогла додуматься до такой простой вещи – пришел умный человек и, спасибо, подсказал. Но хозяйка библиотеки в третий раз возвращается к вопросу, который ее волнует.

– Вы почему уклоняетесь от вопроса? Или это большой секрет? Вы от Абрамова?

– Да. Но почему это вас интересует? Как мне сообщили в штабе, в Ольховке нет от него агитатора.

– А я? – крикнула женщина в истерике, и глаза ее застряли на пришельце. Смотрели умоляюще, устало, с тайной обидой. – Я приеду к нему и выложу на стол деньги. Я ночами не сплю, что получила их незаслуженно. Мне до глубины души обидно, что дали скверную оценку. Я работала, я старалась...

– Перестаньте тараторить, – решительно прервал ее начальник штаба. – Я ничего не пойму. Мне действительно сообщили, что в Ольховке нет агитаторов. А тут...

– Я знаю, почему вам дали ложную информацию. Потому что меня не считают агитатором. Я для них ничего не стою. Но хочу задать вам один вопрос – чем вы мне помогли? Ни разу нас не собирали, не интересовались, как идут наши дела. Он был у меня...как его...кажется, Баранов. В первый раз привез кипу газет, бросил и уехал. Во второй раз привез деньги за работу, а когда я расписалась и сунула их в карман, заявляет, что получила я деньги задарма. У меня слезы накатились на глаза. Хотела бросить эти проклятые бумажки ему в лицо, но не успела – он быстро сел в машину и укатил.

Да, его фамилия Баранов. Боровинский видел его лишь однажды. Когда он пришел в штаб и заявил, что отказывается работать начальником штаба. Но сейчас нового начальника штаба не интересовала личность предшественника. Он обрадовался, что в Ольховке нашелся агитатор, на которого можно положиться. У нее струится важное качество – желание. Остальные черты приложатся или их можно развить. Из ее рассказа и по тому, как она держится, можно понять, что она пользуется доверием сельчан. Авторитет – штука серьезная, его не завоеешь в один день. Язык, кажется, подвешен удачно, владеет искусством общения. Ну а злости у нее хватает. Остается лишь одно – изучить и пропустить через сердце программу кандидата, которую она наверняка не держала в руке. Тогда она станет ярым сторонником кандидата. Но это уже зависит от него, от начальника штаба. А пока он мысленно прикидывает, на что способна эта щупленькая на вид пигалица, которой трудно отказать в мужестве и искренности. Она еще долго тараторила, но Боровинский мало ее слушал.

– Вы согласны продолжить работу? – прервал ее рассказ начальник штаба, протягивая ей ключи.

Она в упор стрельнула карими глазами и устало свалилась на стул. Невозможно было понять, чего было больше в ее взгляде – то ли благодарности, то ли удивления, то ли другого чувства, в котором Боровинский не разбирался. Она перевела дыхание и чуть слышно промолвила:

– А вы мне верите?

– Верю и потому предлагаю.

– Честно?

– Знаете, какое у вас отрицательное качество? Вы много говорите. Нужно научиться кратко излагать свои мысли. Это мой вам совет.

Но Боровинский хотел сказать ей совсем другое. Он хотел ей сказать, что она потеряла веру. Нельзя жить без веры. Потеряем веру – потеряем все на свете. Но от этих слов он почему-то отказался.

– Извините, – промолвила она тем временем, – но у меня накипело. Мне надо кому-то излить свою душу. Вы подвернулись под горячую руку, я обрадовалась и выложила все, что лежало на сердце. Теперь мне стало легче.

– Я вам верю и предлагаю от чистого сердца.

– Ой, спасибо вам! Вы меня обрадовали, вы меня успокоили. Я вас не подведу. Меня знает все село. Раньше я работала почтальонкой. Я вас не подведу, я постараюсь...

И тут она подняла голову и встретила строгий взгляд, который постепенно изменил свой оттенок и перешел даже в добрую улыбку – продолжай, мол, чего остановилась. Но библиотекарьша словно не поняла намека и промолвила лишь одно слово:

– Извините.

– Как вас звать?

– Екатерина Петровна Черевичкина.

– Можно, я буду звать вас Катэриной?

– Как вам угодно.

– Вот что, Катэрина. Готовьтесь к серьезной и трудной работе. Власти готовят диктат. А пока изучайте программу кандидата, – начал он свои наставления, вынимая из дипломата небольшую брошюру. – Без программы мы – пешки. Кстати, я очень строг.

– Я этого не боюсь. Лишь бы было справедливо.

Она вышла его провожать. Стоя на крыльце, она снова заявила:

– Я вас не подведу.

Боровинский с переднего сиденья открыл боковое стекло и жестом руки пригласил ее подойти поближе. Надо же, даже духами не пахнет. Губы обветрены. Брови не накрашены.

– Знаете, что самое главное в выборной кампании? – прозвучал из его уст неожиданный вопрос.

Она пожала плечами:

– Наверное, агитация.

– Нет! Главное – личность кандидата. Понятно я сказал?

Черевичкина в знак согласия кивнула головой, хотя мало смыслила в том, что он сказал.

ПОВЕСТКА

«Всякая злость происходит от бессилия»

*Руссо,
французский философ.*

В почтовом ящике лежало извещение – Боровинского приглашали в качестве свидетеля. Держа в руке повестку, Максим Васильевич стал медленно подниматься на третий этаж. Остановился перед своей квартирой, развернул бумагу. Он старался вспомнить – где и когда мог оказаться свидетелем события, которое стало объектом расследования районной милиции. Перебирал в памяти моменты минувших дней, но в голову ничего не приходило. Правда, в начале недели на его глазах произошла крупная авария, но никакого опроса граждан не было – милиция отцепила место столкновения двух легковушек и не обращала внимания на любопытные взгляды стоявших за бордюрной преградой граждан. Да и происшествие совершилось не на дорогах района, а в самом городе.

Хозяин сделал один поворот ключом и невольно среагировал на скрип противоположной двери – на площадке выросла фигура соседки. Она стояла в цветастом халате из мягкой ткани и в домашних тапочках. Они жили на одной площадке пятый год, но общались редко. С началом смутных времен люди как-то стали держаться в стороне друг от друга, словно подозревали друг друга в каких-то грехах. Будто не в кремлевских хоромах, а он или она виноваты в том, что живем за железной решеткой, а квартиры на первых этажах превратились в тюремные камеры. Если хозяин или хозяйка собирается в магазин за покупкой или хочет подышать свежим воздухом, прежде чем открыть дверь, прислушивается – нет ли посторонних звуков на площадке. Если до слуха доходят подозрительные звуки, не открывает дверь до тех пор, пока не смолкнут на лестнице шаги.

Соседка уже в годах, но цвет крашенных волос придает ей свежесть лица, а в глазах так и искрится задорная юность. Чувствуется, в молодые годы Зоя Геннадьевна была непревзойденной кокеткой.

– Знаете что, Максим Васильевич, – начала она таинственно, – днем приходили два милиционера – один высокий, как жердь, второй пониже и упитанный. Оба в офицерских погонах. Они искали вас. Я слышала, как долго они нажимали на кнопку.

Боровинский слушал рассказ соседки, не повернув головы. Он должен сделать второй поворот ключом и скрыться в своей комнате, но тревожный голос соседки заставил его повернуться к ней лицом. Цвет ее лица напоминал высохшую кору дерева, а в глазах ее трепетал страх, что происходит только с людьми, пережившими сильное потрясение.

– Я знаю, – произнес сосед спокойно и почувствовал себя неловко.

– Нет, вы не все знаете, Максим Васильевич, – украдкой посмотрела соседка на нижнюю площадку и почти над его ухом прошептала: – Я смотрела в глазное отверстие и следила за их поведением. Поверьте моему чутью – они затеяли против вас недоброе дело.

– Вы склонны к преувеличению, Зоя Геннадьевна, – с улыбкой ответил сосед. – Я ни в каких темных делишках не замешен. Я чист, как стекло.

При этих словах Максим Васильевич демонстративно развел руками и несколько секунд держал их в таком положении – смотрите, мол, на меня, соседка: разве я похож на человека, который может творить позорный поступок.

– Не думайте, что я о вас дурного мнения, но сейчас такие времена, так-и-е времена, что грязь липнет даже к благородному человеку.

Максим Васильевич, стоявший до этого спокойно, сделал движение левой рукой, и соседка заметила торчащий меж пальцев лист бумаги.

– Повестка? – удивилась она.

– Повестка, – выплеснул сосед, дав понять, что она не имеет никакого отношения к тому, о чем говорила Зоя Геннадьевна. Он уверен, что вызывают его, как свидетеля, и он явится в милицию точно в указанное время.

«Чует мое сердце, чует недоброе дело», – пробормотала соседка себе под нос и удалилась.

Боровинский сделал второй оборот ключом. Войдя в квартиру, небрежно бросил повестку на стол и устало свалился в кресло. Бесконечные поездки по населенным пунктам окончательно измотали его, и он частенько ругал себя за то, что согласился на просьбу. Выборная борьба повсеместно превратилась в грязную игру. Лицемерие, ханжество, подкуп, запугивание, обман стали обычным явлением. Честные люди в недоумении, а проходимцы, рвачи, лгуны, воры и льстецы потирали руки. Наивные кандидаты на заседаниях штаба громко заявляли, что получили поддержку у самого главы района, а на второе утро газеты сообщали, что он, глава района, поддержал другого кандидата. Директор мелкого предприятия или фермер крестьянского хозяйства, хлопая кандидата по плечу, заверял о своей преданности ему, а за спиной вел переговоры с другим кандидатом. «А вы уверены, что он искренен в своих словах?» – спрашивали выдавшие виды агитаторы Буриданова, когда тот заявлял, что в советские времена они десять лет проработали вместе душа в душу. Разве может он обмануть? «При мне он собрал свое окружение и сообщил, что лучшего кандидата, чем я, не видит, – восторженно восклицает Буриданов и самодовольно потирает руки. – Я ему верю».

Наивные кандидаты! Они забывают, в какое время мы живем. Все продается, все покупается – это сказано о нашем времени.

За окном лютует зима. Длинные снега носятся по улицам и площадям города и сооружают сугробы. Солнце не успеет подняться над трубами заводских корпусов, как исчезает за горизонтом. Осень стонет под буйными ветрами. Снегу выпало мало, но судьба урожая не тревожит власти. Запад поможет. Иногда Боровинскому кажется, что власти больше заинтересованы в том, чтобы урожая в крае не было. Политику их объяснить трудно. Производим отечественные самолеты, а покупаем за границей. Свои стоят как на смотре. Зерно гниет в амбарах фермеров и коллективных хозяйств, а руки протягиваем за океан.

Пришла жена и, натолкнувшись на повестку, ахнула.

– Тебе повестка? Что натворил, признайся!

– Разве я могу что-нибудь натворить? – старается придать хозяин своей фигуре достойный вид.

– Нет, конечно. Но в такой суматохе и неразберихе всякое может случиться. Признайся, что натворил, – наступает на него жена.

– Я же четко объяснил, что со мной ничего не случилось. Ты сначала прочитай, что там написано. Свидетель.

– В повестках всегда так пишут. И делается это, к твоему сведению, для того, чтобы не спугнуть зверя.

– Да? – расширил глаза супруг. – Спасибо за открытие. Но я, эй-эй, ни в чем не замешен.

– Ладно, садись ужинать. Утро вечера мудренее. За ночь все вспомнишь, а на рассвете доложишь – что, где, когда.

– Опять тыква, – морщится хозяин и берет за ложку. – Однообразная пища, к твоему сведению, надоедает, как и...

– Ешь и молчи. В войну мы питались только тыквенной кашей. Никто не болел, выросли все здоровыми.

«Хорошо, что в милицию нужно явиться не завтра, – думал за столом Боровинский и долго держал во рту сладкий кусок тыквы. – Рано утром отправлюсь в хутор Станционный, где ждут меня избиратели».

ХУТОР СТАНЦИОННЫЙ

«Клевета – это месья трусов».

Джонсон,

английский писатель.

Не было еще и восьми утра, как у магазина затормозила машина. Выйдя из нее, Боровинский направился на небольшую площадку, окаймленную молодыми деревьями. В прежние времена на ней, покрытой асфальтом, часто выступали приезжие артисты, а молодежь устраивала танцы и игры. Сейчас в хутор никто не приезжает, и танцплощадка с каждым годом дает трещины. Не стало и уличных фонарей – провода давно растащили, а железные столбы покрылись ржавчиной.

Все двухэтажные дома на хуторе расположены на пяточке, и народ на любое мероприятие – то ли это сход граждан или собрание – стекается в считанные минуты. Но Боровинский посчитал, что все же надежнее будет, если заранее оповестить жителей. В этих краях он когда-то сам был народным депутатом. Приезжает, бывало, на хутор, а народ окружает его со всех сторон. Проблема у хуторян была тогда одна – зимой туго приходилось с отоплением. И все оттого, что уголь привозили низкого качества. Когда пришел природный газ, ликованию не было предела. Скоро открыли начальную школу, медпункт и детский сад, и хуторяне задышали легко и свободно. Настали ельцинские времена, и детский сад отдали под квартиры. Клуб давно на замке, а скоро грозятся закрыть школу. Писали во все концы, но просьбы пропадают как эхо в глухом лесу. Люди потеряли всякую надежду и ничему не верят. Правда, с приближением выборов обещания наслаиваются как ледяные глыбы. Один кандидат привез даже машину щебня. Вывалил около магазина и крикнул: «Будете за меня голосовать – будет у вас асфальт!». Пошло брожение и расслоение. Люди есть люди – кто больше обещает, за тем и тянутся.

Хуторяне работают на городских предприятиях. Большею частью на автозаводе. Рабочий поезд ранним утром увозит их в областной центр, а в вечерние часы из вагона вываливается толпа. На зарплату не обижаются – узики считаются самым ходовым товаром на всю страну. Полки магазина ломятся от избытка продуктов, но они не залеживаются – покупательная способность хуторян высокая, и продавщицы дорожат своим местом.

Их двое в магазине – директор Анна Сердюк и продавщица Марина Ветрякова. На лице Анны Феоктистовны постоянная прописка – недовольство. Улыбается редко. Словно по заказу. Умеет угождать начальству и считает, что владеет этим искусством в совершенстве. Не лишена грации, хотя походка ее смахивает на медленные шаги стареющей савраски. Марина нрава веселого и прекрасная собеседница. «Я чистая арийка», – говорит она, широко улыбаясь, и аккуратно поправляет локоны. Ее древо жизни совсем молодое, но корнями уходит куда-то к древним кельтам. Все началось с романтической любви немецкого офицера и ее бабушки, работавшей во время войны сельской учительницей. Строили немцы железную дорогу, и молодая учительница каждое утро провожала их глазами до тех пор, пока не скрывались за околицей. Конвоя у них не было, и высокий, стройный фриц шел чуть впереди, прикрывая лицо левой рукой. В разорванной шинели и рваных башмаках. Когда однажды возвращались домой, перед фрицем неожиданно выросла фигура молодой девушки. В руках у нее были валенки. Она протянула их немцу. Он взял валенки и сильно прижал к груди. Она подняла голову и в голубых, как небо, глазах прочитала столько грусти и искренности, что потеряла сон и покой. Оттого у Марины, оказывается, глаза светлоголубые со жгучими зрачками, и нос сдернут к небу, и губы пухлые, как черешни, и грудь пышет жаром, словно свежее испеченные сдобны. Сейчас Боровинский зайдет в магазин, и Марина подарит ему красивую улыбку, показывая ровную шеренгу белых зубов.

Но побывать в магазине Боровинскому не удалось. На танцплощадке он увидел местного агитатора Тамару Михайлову, стоявшую в окружении женщин и махавшую ему

высоко поднятой рукой. Не прошло и пяти минут, как стали стекаться к месту сбора жильцы близлежащих домов.

– Можно еще немного подождать? – обратилась агитатор к начальнику штаба и сердито посмотрела в сторону магазина.

– Конечно, – ответил Боровинский. – Но мне нужно выяснить один вопрос. В прошлый приезд ко мне обратилась одна женщина. Фамилия ее...

Максим Васильевич сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда лоскуток бумаги.

– Ее фамилия Берестова, – поспешила с ответом агитатор. – Она была у меня вчера. Поблагодарила за помощь. Вон она и сама торопится сюда.

– Ой, Максим Васильевич, сколько мне пришлось обивать пороги, да все не в ту дверь, видимо, заходила, – не переводя дыхание выпрыскивала женщина. – Одно ваше слово, и котел заработал, как новый. Я приглашаю вас в гости.

– Спасибо скажите не мне, а нашему кандидату Абрамову. А в гостях у вас обязательно еще побуду.

– Пора начинать, – прозвучал голос агитатора, и начальник штаба громко произнес:

– Доброе утро, хуторяне! Мы начинаем длительный марафон по выборам депутатов, и я решил поговорить с вами о нашем кандидате в Государственную Думу. Зовут его Абрамов Николай Герасимович. Он – строитель. Строит дома для простых людей.

И Боровинский стал рассказывать, какой уникальный стоквартирный дом построил он в одном из уголков города. Нажмешь на кнопку – идет тепло, включаешь кран – течет горячая вода. Ни от властей, ни от коммунальщиков жильцы независимы. Ни теплоснабжение, ни обеспечение горячей водой не связаны с коммуникацией городского хозяйства, а плата за коммунальные услуги составляет в пять раз дешевле, чем взимают власти с горожан.

В толпе пошел легкий шумок.

– Но наш кандидат известен не только тем, что построил сказочный дом, куда приезжает как на экскурсию. Абрамов предлагает перевести весь город на автономное отопление. И дома, и школы, и больницы, и конторы.

– Конторы подождут! – крикнул кто-то из толпы. – Пусть чиновники подольше мерзнут.

Боровинский узнал в нем старого вожака станционных коммунистов Михаила Васильевича Храмцова. С красивой бородой и мягким акцентом в голосе, он стоял с высоко поднятой головой. Их глаза встретились, и оратор ответил ему доверительной улыбкой.

– Правильно! – поддержала его молодая женщина с пуховым платком на шее. – Совсем перестали с нами считаться! Куда ни кинь – всюду блин!

– Не блин, а клин! – поправил ее сосед, но женщина не обратила внимания на его слова.

– Но ничего, не все скоту масленица – будет и на нашей улице праздник!

– Не скоту, а коту, – снова поправил ее неугомонный сосед, на что женщина хмуро огрызнулась. – Я знаю, о чем толкую, и меня не перебивай! Все они превратились в скоты!

– Правильно! – ответила толпа хором, и эхо, повертевшись около дальних домов, снова вернулось на площадку, где стоял народ, который еще долго держал оратора в плену.

Артисты уже стояли на танцплощадке. Боровинский дал знак, и над селом понеслась веселая задорная мелодия. Художественный ансамбль привез с собой старинные народные песни, частушки и прибаутки. Хуторянам напомнили, как водят хоровод, как исполняются песни и пляски ушедших в историю времен. Каждый номер сопровождается с бубенцами, старинными музыкальными инструментами. Грустная мелодия Алексея Громова передает эстафету певицам Галине Яковлевой и Нине Еграшкиной. Плясовую

удаль ансамбля сменяет громовой голос Владимира Сорокина. Концерт подходит к концу, и артисты постепенно втягивают в пляску местных жителей.

Кончилась встреча, и Боровинский направляется к магазину. Агитатор Тамара Васильевна старается идти с ним в ногу, но никак не может приспособиться к его шагам. Она хочет ему что-то сообщить, но чувствует, что время упущено.

– Доброе утро, Анна! И не бойтесь простудиться?

Случай, происшедший несколько недель назад в ее владении, охладил их отношения. Нет, Боровинский ее ни в чем не винил. Он винил ее начальство, поставившее продавщиц в положение рабынь, воспитывающее в них холопские чувства. Сейчас завмагом вышла на улицу, чтобы подмести с крыльца свежий снег, мягкими хлопьями застилающий землю.

– Доброе утро, – ответила она холодно и резким движением со ступеньки вместе со снегом смела и агитлисток.

– Ба! Кто это мог сорвать биографию уважаемого кандидата? – вырвалось у гостя, и он аккуратно поднял с земли плакат.

Анна Феоктистовна встала во весь рост и в упор бросила:

– Сорвать его могли только вы, Максим Васильевич! Как это сделали в магазине в свой последний приезд, – спешно произнесла она в волнении и подняла метлу. – По вашей вине завтра, кстати, нас с Мариной приглашают в милицию.

Слова эти застряли у Боровинского в горле. Он делал усилие, чтобы не выдать внутреннего состояния. Мысленно вернулся к повестке и двум милиционерам. Тем временем директор магазина приняла независимый вид и скрылась за дверью. «Завтра, завтра, завтра», – застучало в голове начальника штаба. На завтра назначена встреча. С глазу на глаз.

– Вчера целый день торчали тут два милиционера, – осторожно произнесла Тамара Васильевна. – Даже магазин закрыли. Мол, на учет, на срочную ревизию. Марина оттуда выбежала со слезами и побежала к себе домой.

«Очная ставка, очная ставка, очная ставка», – загудела у Боровинского в голове.

– Что с вами, Максим Васильевич? – насторожилась агитатор и исподволь взглянула на шефа. – Вы чем-то озабочены?

– Ничуть. Встреча прошла, как говорят, на высоком уровне. Спасибо за организацию и до новой встречи.

– До свидания, Максим Васильевич!

Глава четвертая

ПЕРЕПОЛОХ

*«Честного человека можно преследовать,
но не обесчестить».*

*Вольтер,
французский философ.*

– Ты совершил глупый поступок, – сказала ему жена, когда он во всех подробностях рассказал о случае месячной давности в хуторе Станционный. – Ты не должен был его совершить. Ты забыл, что у тебя дочери и внуки. Ты не подумал о них, ты думал только о себе.

Боровинский молчал, а голос жены становился все суровее. Ее назидательный тон раздражал супруга, но у него не было контраргументов, чтобы с достоинством возразить ей. Жена была права, она всегда права, а он, закаленный в политических баталиях боец, умеющий анализировать факты, обладающий, как считали его, искусством предвидеть ход событий, способный маневрировать, допустил прокол, который мог совершить только близорукий и бездарный человек. Он понял, что обстоятельства, при которых он выразил

свой гнев необдуманным поступком, в расчет не принимаются. Факт – вот мерило для оценки поступка, и блюстители закона используют его в полную силу.

А дело было так. Выборная кампания только началась, и первым населенным пунктом, который посетил Боровинский, оказался хутор Станционный. Войдя в магазин, он увидел на специально отведенном месте агитлисток с портретом и биографией одного из кандидатов, которого хорошо знал по прежней работе. Ниже агитплаката на столике стоял ящичек для вопросов и наказов избирателей. «Какие молодцы, – подумал Боровинский, стоя перед агитуголком. – Оформили оперативно и со вкусом. А мы, как всегда, опаздываем». Он подошел к прилавку и вынул из дипломата свой агитматериал. В это время из боковой двери зашла завмагом.

– Здравствуйте. Вас зовут, кажется, Анна, – произнес доверительно гость и заметил на прилавке самую разнообразную агитационную продукцию. И вся о нем, о Порошкове.

– Здравствуйте, – ответила продавщица сухо. – Спасибо, что не забыли. Меня действительно зовут Анной. Анной Феоктистовной.

Свой визит в населенные пункты Боровинский всегда начинал с торговых точек. Зайдет в магазин и первые новости узнает из уст продавщиц, которые хоть и отрывисто, сообщают о том, есть ли в квартирах тепло или нет, кто бывает из начальства, как ведет себя современная молодежь. Это в том случае, если в очереди много народу. А бывают у продавщиц и свободные минуты, когда можно излить душу рассказами о важных событиях дня. А рассказывать они умеют. Особенно голосиста Марина. Улыбка никогда не сходит с ее лица. Анну отличает другой склад натуры – она суховата, как жухлая трава, немногословна и всегда что-то не договаривает. «Ее душа в потемках», – говорят о такой женщине.

– Как хорошо, что вы оформили прекрасный уголок, – начал осторожно Боровинский. – Можно, я приколю рядом вот этот материал?

– Нет, нельзя! – отрезала завмагом. И встретив недоуменный взгляд гостя, добавила: – Не велено. Таков приказ.

– Чей приказ, если не секрет? – расширились глаза у начальника штаба.

– Нам велено держать язык за зубами.

– Даже так? Но ведь тайное всегда становится явным – нужно только время.

– Не понимаю, – вмешивается в разговор Марина. – Одним разрешают, другим нет. Нужно всем предоставить равные права. Это же несправедливо, когда...

– Не наше это дело, Марина, – прервала подругу завмагом. – Без нас разберутся, где правда, где кривда.

– Конечно, не наше дело, но Максим Васильевич – не первый человек, который поднимает этот вопрос. Вчера вон какой скандал учинили, как петухи кидались друг на друга. Стыдно за наше...

– Перестань, Марина! – крикнула сурово завмагом. – Еще раз повторяю: не наше это дело!

Марина бросила на прилавок лоток и ушла в кладовую.

– Хорошо, – произнес спокойно Боровинский. – Но я все же оставлю несколько плакатов, пусть они лежат на прилавке. Своему начальству скажете, что был, мол, Боровинский. Они меня хорошо знают. На следующей неделе я снова загляну.

Боровинский покинул магазин в глубоком раздумье. «Труссы, – пришла ему в голову первая мысль. – Превратили магазин в частную лавочку. Но чья это рука – кандидата или начальника потребительского общества? Если он боится называть свою фамилию, тут явно нарушение закона».

Кандидат Порошков давно знаком Боровинскому. Знал его как порядочного человека и хорошего организатора, который частенько попадал в опалу. Он так и числился бы в списке неблагонадежных, если бы губернатор однажды всенародно не заявил: «Вот человек, которого я в свое время несправедливо обидел. Я попрошу сейчас у него извинения, что давал ему оценку, не соответствующую его вкладу в наше общее дело». Он

пригласил вечно опального работника на сцену, охарактеризовал его в возвышенных эпитетах и протянул дружескую руку. С тех пор рейтинг Порошкова неуклонно поднимался. Как термометр в жаркую погоду. Но времена меняются. За последние годы Порошков сам превратился в крупного начальника областного масштаба, и Боровинский был уверен, что без его ведома никто не мог рискнуть на авантюру. В своих догадках он все больше убеждался после того, как посетил ряд магазинов, где чувствовался один и тот же почерк на монополию агитации.

Из хутора Боровинский отправился в районный центр. Ему необходимо лично встретиться с начальником райпо и рассказать ему всю нелепость предпринятых его командой шагов, и справедливость будет восстановлена. Но на месте он никого не застал. Никто не мог сказать, когда появится начальник. Подождав около часа, Боровинский оставил в приемной записку такого содержания: «Егор Сергеевич, мне необходимо с вами повидаться по одному важному делу. Просьба назначить дату и время встречи. С уважением Боровинский». Попросив секретаршу записать в книге посетителей номер своего телефона, он покинул помещение.

Напрасно ждал Боровинский звонка, напрасно надеялся, что назревающий конфликт можно уладить без скандала. На его телефонные звонки из приемной звучал один и тот же ответ – начальника нет на месте.

Прошла неделя, и начальник штаба решил вторично посетить магазин на хуторе Станционный. Был пасмурный октябрьский день. К полудню пошел мелкий дождь, усилился ветер, гонявший пожелтевшую листву по полям и асфальтовым дорогам.

Завмагом на месте не оказалось, и Боровинский с первых слов Марины понял, что она ждала его приезда. Покупателей в магазине не было, и продавщица выложила все, что накопело у нее за эти дни.

– Ненавижу! – крикнула она изо всех сил. Потом резко понизила голос и почти шепотом, но очень четко произнесла: – Не-на-ви-жу! Они превратили магазин в ад, место драки. Позавчера схватились два начальника. Каждый твердит, что это его магазин. Что тут творилось – уму непостижимо. Один берет ящик и кидает его в угол, второй рвет на куски, как их... агитлистки. Все это принародно, на виду у всех.

Голос ее становится тверже, а мысли ее все больше убеждали Боровинского в том, что выборы с самого начала стали грязными. Не методами убеждения и буквами закона пользуются кандидаты, а грубыми приемами. Боровинский еще не способен делать далеко идущих выводов, но пройдет немного времени, и он найдет главного виновника безобразий, творимых в выборной борьбе. Этим виновником является власть. Нет никакой демократии, есть диктатура. Власть породила систему, провозгласившую на своем знамени демократию, но она, демократия, является лишь камуфляжем. Она, демократия, и провозглашена для того, чтобы затуманить мозги, чтобы скрыть истинные цели власти – подавление демократии. Нет демократии – поднимает голову диктатура. Но она, диктатура, не классическая, не хрестоматийная. Она приукрашена цветами, чтобы никто не мог понять ее суть, чтобы никто не догадался, что диктатура является главным орудием властей для подавления любого действия, наступающего на мозоли властей. «Свободная диктатура», – скажет потом Боровинский, но он пока широко улыбается Марине, благодарит ее за рассказ.

– Можно я на время сниму портрет Порошкова? – произносит он тихо. – До выяснения обстоятельств. Уж слишком они обнаглели.

Не дожидаясь согласия, он подходит к уголку, аккуратно снимает плакат и кладет рядом с ящиком для наказов. Марина стоит в оцепенении. Когда Боровинский покинул помещение, она долго еще не могла шелохнуться, словно ее приковали к паркету. Когда вышла из смутного состояния, не поняла, как оказалась у витрины – осторожно подняла листок и приклеила его на том месте, где он висел с первого дня выборной кампании. Именно в этот момент и вошла в магазин Анна Феоктистовна и оказалась за спиной подруги.

– Не надо тебе заниматься не своим делом, – сделала она Марине упрек. – Разберутся без нас. Теперь мне придется доложить по инстанции.

– Стоит ли по такому пустячному делу беспокоить начальство? – промолвила Марина. – У них и без этого забот по горло.

– Таков приказ, – с достоинством ответила завмагом. – А приказы нужно исполнять.

Жена слушала Боровинского внимательно, не перебивая и не возмущаясь. А когда супруг закончил рассказ, прошипела:

– Ты совершил противоправное дело, и за это должен отвечать по закону. Завтра поедешь в милицию и получишь то, что заслужил.

– Я и не отказываюсь. Но в моих действиях нет улики. Я не сорвал плакат, а только снял. Аккуратно, без злобы. А вот в их действиях имеется много противозаконных действия. И я им докажу.

– Не петушись. Тебе еще неизвестно, какой сюрприз они заготовили. Утро вечера мудренее. Завтра все станет ясно.

Жена покинула, оставив его наедине со своими мыслями и догадками. «Очная ставка. Очень хорошо. Завтра я явлюсь в милицию точно в указанное время. Я люблю порядок. Я им докажу, что не я, а они нарушают закон о равных правах кандидатов». Положил перед собой лист и машинально вывел: « В Свяжский отдел милиции». Отложил бумагу и задумался. Он представил картину завтрашней встречи. Сутулый, грузный начальник милиции в глубоком кресле и прерывисто дышит. Он берет объяснительную записку и медленно скользит по строчкам. Лицо его меняется по мере того, как предстает перед ним вся история, происшедшая с начальником штаба. Оказывается, Боровинский ни в чем не виноват. Главный мент улыбается и жмет ему руку – извините, мол, за недоразумение. Завмагом сидит хмурая, а Марина сияет от торжества справедливости. Начальник милиции отправляет женщин домой, на персональной машине, а Боровинскому долго еще жмет руку.

«В Свяжский отдел милиции, – еще раз прочитал Максим Васильевич, и перо его стало скользить по бумаге. – В первый раз я посетил хутор Станционный месяц тому назад...». Боровинский снова задумался. Он был уверен в своей правоте. В жизни он побывал не в таких переделках. Над ним не раз сгущались тучи, но он всегда праздновал победу.

Глава пятая

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

«Клевета – оружие более ужасное, чем шпага».

Филдинг,

английский писатель

С этими мыслями Боровинский стал засыпать в мягком кресле, где он любил отдыхать после изнурительного рабочего дня. Веки уже застилают усталые глаза, и доверенное лицо, он же начальник штаба, медленно погружается в сон. Давно он не валялся на зеленом лугу, где запах полыни щепетильно клокочет ноздри. Солнце спешит к зениту, но на западе небо захватили темные тучи и вот-вот разразится ливень. Боровинский дышит глубоко, и тут внезапно блеснула молния и за яркой стрелой, прорезавшей небосвод пополам, появилась звезда, которая приближается к нему с быстротой света. Звезда комом падает перед Боровинским и раскрывает огромные крылья.

– Полина? – удивляется Боровинский внезапному ее появлению. – Откуда ты явилась?

– Я прилетела предупредить тебя – завтра не ходи в милицию. Не ходи!

– Почему? – прогнусавил Максим Васильевич.

Он хотел раскрыть ей карты, рассказать всю правду, чтобы у нее не осталось никакого сомнения в том, что он прав. Он открыл даже рот.

– Ни о чем не спрашивай меня. Прошу тебя – не ходи!

Полина взмахнула крыльями, и все небо озарилось сказочным сиянием. Боровинский проснулся в поте лица и несколько секунд сидел без движения. Он был на грани протрации, когда человек испытывает полный упадок сил и безразличие ко всему. «Не ходи, – повторил он слова Полины и чуть подался вперед. – Но почему? Разве я совершил поступок, идущий супротив закону?»

Он встал и посмотрел на будильник. Двадцать один час семнадцать минут. Сколько же я спал? Три минуты? Ну и сон! Однако ж в милиции я обязан появиться. Я же не трус. Закон есть закон, а я послушный гражданин. Я сумею постоять за себя.

Боровинский обладал способностью снова и снова возвращаться к событиям и фактам и подвергать их к анализу. В нем развито логическое мышление, а философские выводы часто вытаскивали его, казалось бы, из безвыходного положения. А тут все было ясно, как дважды два четыре. У милиции нет улик, чтобы состряпать против него дело. Однако попробуем снова проанализировать событие. Вернемся к оценке его со всех сторон, остановимся на незначительных фактах, отвлекаясь от основного. Сначала поставим вопросы и постараемся найти на них ответы.

Итак, первый вопрос. Почему повестку привезли два милиционера? Не рядовые, а офицеры. Обычно в таких случаях посылают девушку. Во-вторых, почему действия по этому факту предприняли только через месяц, а не по свежим следам? В-третьих, почему накануне очной ставки на хуторе Станционный находились два милиционера?

Стоп! Боровинского бросило в жар. Он вскочил с кресла. Будто его ужалила оса. Стоп! Чем занимались эти менты целый день? И почему завмагом огрызнулась, когда Боровинский поинтересовался пустячным делом – кто сорвал плакат, лежавший на крыльце? Он отчетливо представил ее лицо – внешне спокойное, но злое, недовольное. Она неспроста вышла на улицу. Она обязательно должна была заявить ему о том, что плакат сорвал он, Боровинский. То, о чем он еще вчера имел смутное представление, нынче обретало ясные очертания, на место сомнений приходило озарение.

Очная ставка. Неужели женщины... Нет, не может быть, чтобы женщины пошли на сделку с совестью.

Еще раз стоп! Почему этим делом занялась милиция, а не избирательная комиссия, которая обязана следить за нарушениями? Вопросов много, но ответа пока ни на один вопрос не наклеивается. Ясно одно, – на Боровинского состряпано дело. Грязное дело!

«Этому не бывать!», – громко, но лишь для себя, крикнул Боровинский и снова повалился в кресло. Он погрузился в сумбурные мысли, усиленно искал выход из лабиринта, но не знал, с чего начать. Спонтанно поднял телефонную трубку.

– Сынок, – произнес он, стараясь не выдать внутреннего состояния. – Сынок, объясни мне, по повестке обязательно нужно явиться в милицию?

– Конечно, – прозвучал в трубке басовитый голос. – К чему ты это, папа?

– В двух словах не расскажешь, – вздохнул Максим Васильевич. – Мне завтра с тобой надобно встретиться, но ответ нужен...

– Во сколько часов явиться? Но я тебе скажу, что нет правил без исключения.

– В каких могут быть исключения? – оживился Боровинский.

– Скажем, срочно заболел или не расписался в получении повестки.

– Достаточно, сынок. Спасибо! До встречи!

На другом конце провода запиликали короткие гудки – зять положил трубку. Но Боровинский долго держал ее в руке и, глядя на нее, еще раз произнес: «Спасибо тебе, сынок».

Ранним утром следующего дня Боровинский отправился не в милицию, а по району. Перед уходом жену строго-настрого предупредил – на телефонные звонки не отвечать, в квартиру никого не пускать.

– Ты что, с ума спятил? – накинулась на него супруга. – Сам заварил кашу, сам и расхлебывай. Не будет стыдно, если назовут тебя трусом?

Но слова ее больше раздражали, чем убеждали. Супруг, к ее удивлению, был в прекрасном расположении духа.

– Самое главное, – произнес он весело и взял в руку дипломат. – Самое главное, ты с сегодняшнего дня должна выполнять мои указы.

– Ишь чего захотел, – затараторила жена. – Этому не бывать! Трус несчастный! Я вот сама...

– Запомни, – твердо произнес он, и жена застряла на полуслове. – Ты ничего не знаешь и никого не видела. Повестка лежала в почтовом ящике, и муж твой ее не получал. Сиди дома и разгадывай кроссворды. На телефонные звонки не отвечать. Понятно я говорю?

– Хватит языком чесать, трус несчастный. Какой позор! Что скажут дети?

Боровинский представил себе картину в кабинете начальника милиции. Но уже иную, не такую, как вчера. Сидят две продавщицы, которых привезли на машине. Главный мент района еще раз напоминает им, как вести себя, когда начнется очная ставка, и смотрит на ручные часы. Время подходит к восьми, а виновник почему-то не появляется. В соседней комнате скучают понятия, которые, как прилежные ученики, наизусть выучили урок и готовы подтвердить все сказанное продавщицами. А пока он не сводит с женщин своих влюбчивых глаз. «Ну как, милые мои, чувствуете себя? – произносит начальник милиции и ласково смотрит то на одну, то на другую. – Своими показаниями вы делаете большое дело. В нашем обществе никому не дозволено нарушать закон».

Женщины молчат. Они получили поучительный урок от двух милиционеров, которые целый день толковали им о правилах поведения в милиции. Мимоходом им напоминали, что работают они в престижном магазине и обязаны дорожить своим местом. О совести, правда, молчали. Откуда им взять, коли у них ее нет?

Прошло уже сорок минут, а женщин не отпускают. Лицо начальника меняется в каждую минуту. Он боится делать движение. Иногда ему кажется, что прилип к креслу. Его пугает зловещая фигура главы администрации, который не терпит провалов. Он, Кантемиров Рифкат, дал ему слово, что операция будет проедена без помарка. Как он теперь будет оправдываться перед шефом, одному аллаху известно. Тем временем женщин сажают в дежурную машину и отправляют по месту жительства. Начальник тут же собирает отборный круг лиц для обсуждения ситуации, а Боровинский бороздит по району, забыв, что он находится под мишенью районного начальства. Возвращается к обеду домой и застаёт в кресле зятя, который внимательно его выслушивает, уточняя в нужных местах смысл сказанного.

– Дело не стоит и выеденного яйца, – произнес наконец зять и высказал несколько советов. – Постарайся не показываться на глазах милиции. Если они официально не сумеют вручить повестку – а они к этому будут стремиться – можешь скрываться сколько угодно. Месяц – это срок, отпущенный им для того, чтобы словить тебя.

– Как ты думаешь, почему они затеяли грязную игру?

– Разобраться в этом входит в твою задачу. Я лишь добавлю – если они схватят тебя за руку, скажем, где-нибудь на встрече с избирателями или в подъезде дома, не сопротивляйся. Противодействие властям карается законом.

Оставшись наедине, Боровинский пустился в длинные суждения. У него окончательно рассеялись сомнения. Его хотят изолировать до конца выборов или хотя бы выбить твердую почву под ногами. Уж слишком азартно он взялся за дело. Сумел сколотить отряд агитаторов, работа которых бросила в жар районную элиту.

Но главный удар власти намерены нанести против самого кандидата. Глава района Шишкин прекрасно понимал силу Николая Абрамова. На карту поставлен его авторитет. Выиграет Порошков – авторитет главы поднимется на порядок выше. Проиграет – его трон зашатает. Порошков должен во что бы то ни стало победить, и он, Шишкин, использует силу власти для того, чтобы оправдать доверие высшего начальства.

Боровинский тоже понимал, что вступил в неравный бой. Он хорошо изучил своего кандидата и оценивал его личность высоко. Мысленно сравнивал Абрамова с Порошковым, и личность первого ему казалась легендарной. Вся программа Порошкова напичкана обещаниями. Перекачивая какую-то родниковую воду, он стал загребать баснословные прибыли, вошел в число олигархов региона и опирался на силу власти. Чувствуя, что в честной борьбе им не одолеть человека, имеющего четкую и реальную программу, власть делает ставку на силу, шантаж, клевету. Но неравная борьба еще больше придает силу помощникам Абрамова, которые работают не на деньги, а по велению своего сердца.

Николай Герасимович Абрамов родился в сказочном краю. В одной из братских республик. Дремучие леса, река, полная стерляди, ягодные места, чистый воздух напоминают тайгу. Природа воспитывала в нем незаурядные качества бойца, выносливого, мужественного, с упрямым и твердым характером. Зима в этих краях лютая. На долгие месяцы застывает изумрудная Сура. Когда разгуляется пурга, следов в деревне не увидишь – любят шумерляне сидеть у домашних печей и слушать завывание ветров. Когда затихает буря, охотники отправляются в лес и, напав на след волков, подолгу бродят по лесу. Что там волк – привычное дело для них охота на соболя. Царская шуба отсыпается прямо в дупле. Отец его Герасим Викторович был заядлым охотником, и сына уже с малых лет научил твердо стоять на лыжах. Идешь по дремучему лесу, а в голове тревожные мысли. Будто лешие идут следом за тобой. Редко возвращались они без добычи. Величественная тишина порождала в нем особые чувства. Но больше всего любил Николай предзакатную картину. Лес остается позади, но не стихает стук дятла или шум стаи синиц. Отец скользит по пушистому снегу легко и решительно. За его спиной война – финская и с немцами. Был разведчиком и, видимо, от тех времен осталась в нем гармония движения, когда каждый взмах руки словно рассчитан по секундам. Николаю тоже присуща размашистость движения. В холодном безмолвии спит Сура, а за нею растянулась их деревня – угрюмая, длинная, деревянная. Они идут навстречу вечерним сумеркам. Когда останавливаются около калитки, одна за другой в небе загорают далекие звезды. Отец смотрит на сына – молодец, не отстал, не хныкал. В его взгляде сын читает нечто важное, нужное, что не написано ни в одном учебнике.

Шумерлинский край является родиной таких талантов, как народный артист СССР, дважды лауреат Государственной премии, всемирно известный бас Максим Михайлов, замечательный советский актер, народный артист СССР, трижды лауреат Государственной и лауреат Ленинской премии Николай Мордвинов. Природа была для них первым и главным источником вдохновения. Она была источником вдохновения и для Николая Абрамова. Природа и семейные традиции воспитали в нем любовь к труду и настойчивое стремление к цели. Вот почему у Николая Абрамова такой сильный и твердый характер.

Глава шестая

НЕЗАВИСИМЫЙ КАНДИДАТ

*«Легче примкнуть к какой-нибудь партии.
Но тогда депутат будет связан обязанностями.
Депутат должен принадлежать к партии
своего убеждения».*
*Анатолий Гладилин,
советский писатель.*

– К какой партии примыкает ваш Абрамов? – задал вопрос заслуженный колхозник Ефим Кудилин и, прищурился глазами, внимательно измерил взглядом Марию Сидорчук.

Ефим Евграфович слыл на селе человеком твердой позиции, но с некоторыми странностями. Он никогда не выражал вслух свои мысли, слушал собеседника не то что с любопытством, а с вопросительным знаком. Казалось, вот-вот он разразится скандалом и учинит такой спрос, что неповадно будет даже подготовленному оратору.

Вопрос, который выпорхнул из его уст, адресован женщине, пользующейся особым уважением. Дело в том, что заслуженного колхозника все считали вне политики, а тут вот тебе – прозвучало как-то странно. Она посмотрела на него такими глазами, что не могло остаться незамеченным собеседником, который тотчас отложил в сторону валенок. Сам вопрос был для Марии Владимировны не нов – его задавали часто, и ответ у нее был готов. Но на сей раз она не торопилась, подумала, что прямой ответ может вызвать в собеседнике недоумение или еще хуже – возмущение.

– Я не знаю, к какой партии он тяготеет, – начала она протяжно. – Но мне известно, что он...

– Не тяни, скажи прямо, без вступительного слова.

– Он, дядя Ефим, независимый кандидат.

– Хм-хм, – протяжно взвыл ветеран и взял в руки валенок. – Ты думаешь, независимый кандидат – благо для народа? Нет, дорогая Мария Владимировна. Как мне помнится, независимых кандидатов не бывает. Все дело в том, от кого они независимы.

Он снова прищурил глаза и направил взгляд на собеседницу. Весь его вид говорил: «Ну, что на это скажешь, агитатор? Уж очень скоро вы забыли предостережения нашего вождя».

Мария Владимировна опешила, но от полемики отказаться не в его характере. Она почувствовала, как краснеют уши и в лицо ударила кровь, нервно дернули брови и, набрав смелости, выпалила:

– Я понимаю вас, дядя Ефим. Когда речь идет об истине, независимых кандидатов не может быть, да и времена сейчас другие.

– Времена, говоришь, другие. Нет уж, дорогая Мария Владимировна, времена тут ни при чем. Независимый кандидат – это мишень для тех, кто охотится за голосами.

Агитатор делает удивленный вид и спешит к зеркалу. Лицо – пунцовый цвет, под глазами выступили синие линии. Она поправляет волосы и произносит:

– Как это... мишень? Разве может стать мишенью независимый депутат? Нет, не понимаю вас, дядя Ефим.

Евграфович, сидя на табурете, делает полуоборот к агитатору, кладет правую руку на валенок. – Независимый, значит, без определенной позиции. Если сказать точнее, без убеждения. Или этот кандидат еще не созрел для самостоятельного мышления или притворяется простаком.

– Нет-нет, дядя Ефим, – спешит выразить свое мнение Мария Владимировна, боясь, что собеседник может высказать крамольную мысль или еще хуже – обругать кандидата крепкими словами. – Николай Герасимович не тот человек, который не созрел. Его считают человеком слова и дела, талантливым организатором, да и в политике он знает толк. А уж обвинять его в том, что он притворяется – это уж слишком.

– Не горячись. Мы же с тобой спорим, а в споре рождается истина.

– Но правда может быть только одна.

– С точки зрения философии правда может быть только одна. В этом ты совершенно права. Но в повседневной жизни она, правда, у каждого своя, – с видом ученого человека отвечает Ефим Евграфович и чуть выше обычного поднимает козлиную бороду, что вызывает у агитатора смятение чувств. «Надо же, – думает она, – никогда не приходило в голову, что дядя Ефим способен на философские рассуждения». Но она не привыкла сдаваться.

– Я с вами не согласна, – отрезала она тихо, но решительно. – Правда все равно только одна!

Ефим Евграфович чуть наклонился вперед и почесал указательным пальцем за ухом.

– Хорошо, – спокойно произнес собеседник. – Независимый депутат – это благо, по-твоему. Согласен, если он неподкупный, как Робеспьер. Такой депутат достоин всяческой похвалы и поддержки. Это вот твоя правда.

Мария Владимировна в знак согласия кивнула головой, а сама подумала, как она не могла так доходчиво и просто объяснить, как это делает дядя Ефим. Но все равно она довольна, что ее идея одержала верх. Тем временем дядя Ефим сбросил передник, отложил его в сторону и кряхтя двинулся в соседнюю комнату, приговаривая: «У каждой правды свой голос». Вернулся с газетой в руке. Сел на свое место, протянул ее Марии Владимировне и, ткнув пальцем абзац, представляющий общий интерес, принял гордый вид. Агитатор сначала окинула взглядом всю газету, потом остановилась на месте, указанном дядей Ефимом. «Депутат Ляхова Елизавета, – прочитала она про себя, – занявшая кресло Государственной Думы, как независимый депутат, два дня назад вошла в президентскую фракцию «Наш дом – Россия». На вопрос журналиста, как может оправдать она свое решение, Елизавета Петровна ответила, что она пришла к выводу, что независимых депутатов в России не может быть».

– Вот тебе и Юрьев день, – произнес ветеран. – У тебя своя правда, а Ляхова имеет свою. В отличие от нас, она меняет ее каждый день.

Тут необходимо вмешательство Боровинского. Дело в том, что он был свидетелем, как сам Абрамов отвечал на этот вопрос своим избирателям.

– Я за народ, а народ – это все партии, – заявил он на одной встрече.

Немного подумав, добавил, что пока он точно не знает, какая партия полно и реально отвечает чаяниям трудового человека. Все они выступают от имени народа и клянутся в верности народу. Даже партия дураков не оставалась в стороне. В такой обстановке не следует торопиться. Правда, наиболее ловкие дельцы, как пескари, клюют на партию власти. А сколько их было, этих партий от власти, пальцев не хватит сосчитать. Вот и прыгали летуны, как стрекозы, в поисках лучшей доли. Продолжая свою мысль, Николай Герасимович сказал: «Одно для меня ясно: я буду поддерживать любую программу, любую акцию, если она направлена на созидание, а не на разрушение».

Идя на выборы, Абрамов никогда не думал, что будет заниматься политикой. Политика для него была чужеродной кожей и считал ее пустой болтовней, отвлекающей делового человека от добрых, нужных начинаний. В беседах с коллегами и единомышленниками он частенько подчеркивал: «Я бежал от политики как мог, но она все равно меня настигала, эта проклятая политика». Он даже выбросил фразу, которая напоминала ответ Чапаева на хитрый вопрос одного крестьянина, который спросил его: «Вы за кого, Василий Иванович, за коммунистов, аль за большевиков?». Немного подумав, комдив ответил: «Я за Интернационал!». Так вот, Николаю Абрамову принадлежит не менее оригинальная фраза: «Я не за политику, я – за рабочее дело!».

Он все же надеялся, что политику можно обходить, как зверь красные флажки. Дело депутата – конкретная работа на благо людей. Однажды Боровинский будто невзначай выплеснул масло в огонь: «Если мы не будем заниматься политикой, то политика займется нами». Сказано было будто случайно, но кандидат понял, что камень брошен в его огород.

Да, Абрамов не торопился вступать в партию. Не потому, что не было желания. А потому, что ни одна не внушала доверия. Особенно не по душе ему нашдомовцы и либеральные демократы. Он не хочет разделить беспредел, творимый по вине правящей партии. Дюжину лет буксуют реформы, а громкие лозунги раздаются как на параде. С нашдомовцами в одной лодке сидят либералы. Нюх у них тонкий – знают, откуда дует ветер. Жириновский не сходит с экрана телевизоров. Почему? Потому что он не представляет властям опасности. Пусть болтает себе, покривляется, драки устраивает.

Лишим ему на месяц слова – будет урок. Не можем же мы его сажать под домашний арест. Как-никак в парламенте они дружно проголосовали за отмену льгот. Так сказать, за монетизацию. Долой бесплатный проезд, бесплатное лечение, отдых в санатории – нате вам монеты и будьте довольны, что система еще не совсем о вас забыла. А вот октябрьский праздник отменяем насовсем. Зачем это вам, если коммунизм – это утопия?

Гневное раздражение вызвало в душе независимого кандидата отношение властей к кандидатам других партий. О каких равных правах можно вести речь, коли оппоненты выброшены за борт? Абрамов на своей шкуре испытал, каковы методы давления властей. Условие одно – вступай в правящую партию. Тут демократией не пахнет. Тут голос подает диктатура. Им мало бывших партократов, толпами ринувшихся в правящую элитную партию. Такие люди кроме презрения ничего не заслуживают. Они потеряли не только лицо, но и совесть. Недаром говорят – совесть перестает существовать, когда она продается.

Боровинский стал свидетелем одного события, которое дало возможность лучше узнать Николая Абрамова. Однажды на встречу явился кандидат Федот Мазаев. Встреча организована не его командой, но он, видимо, посчитал, что ему все дозволено. Независимый кандидат проявил тут характер – он попросил попрыгунчика удалиться из зала. Мазаев когда-то состоял членом красной партии. Принимал почести и награды, а когда настали смутные времена, публично выбросил партийный билет, который его кормил, дал образование, поднимал по лестнице. Начались его скитания. Примкнул к одной партии – оказалась не та. Втерся в другую – вышла ошибочка. Долго искал себе укромное местечко, пока ему не ткнули пальцем в ту, которая поможет ему сделать карьеру. Его приютили, принародно вручили партбилет, и он облегченно вздохнул. «Вперед!». – крикнули ему в спину, и он ринулся в бой. Битву он выиграл, но совесть потерял.

Абрамов не терпит людей с двойной моралью. Он их просто не переваривает. «Он допустил просчет, удалив из зала реального начальника», – заявил Боровинскому один чиновник. «Нет, – парировал Боровинский решительно. – В этом поступке я вижу его характер, его мужество и, наконец, его мораль».

Глава седьмая

ОХОТА НАЧАЛАСЬ

*«В минуты колебания
смело следуй внутреннему голосу».*

*Дефо,
английский писатель.*

На второй день, когда в кабинете начальника раймилиции рассматривалась ситуация с провалом операции, Боровинский взял курс в село Лощину. Встреча с избирателями намечена на два часа, но он по привычке явился раньше времени, о чем чуть было не сожалел. Как только появился в сельском клубе, на другом конце коридора навстречу ему ленивой походкой шли два милиционера – один высок, как сухая жердина, другой смахивал на вечного спутника Дон-Кихота – толстый и пузатый, на плечах которого так и висит милицкий мундир. Он что-то рьяно доказывал своему начальнику, но увидев вдалеке человека, принял надлежащий вид. Боровинский хотел было повернуться обратно и прошмыгнуть в соседнюю дверь, но невидимая сила толкала ему в спину. Он чуть сбавил темп, опустил даже голову, но тут же взял себя в руки. Когда прошел полкоридора, услышал в стороне знакомый голос. Начальник штаба быстро свернул вправо и

почувствовал облегчение. У стола, где продавали книги и дискеты, стоял местный старожил Александр Синеев.

– Как хорошо, что я вас встретил, – тряс он Боровинскому руку. – Я давно хочу попросить у вас книгу о нашем крае. Знаете, случайно увидел ее на столе моего друга и был удивлен – столько в ней имен и все с фотоснимками. Не забыли и меня. Спасибо!

– Разве вам не передали книгу? – удивился Боровинский. – Не помню, у кого ее оставил... Кажется, у директора школы. Но не будем гадать.

Боровинский открыл дипломат и, достав оттуда книгу, протянул ее ветерану, который сорок лет пахал колхозное поле и награжден орденом Ленина.

– Если можно, поставьте, пожалуйста, автограф, – с некоторым смущением произнес Александр Андреевич.

– С удовольствием, – артистично произнес начальник штаба и, вынув из внутреннего кармана стержневую ручку, аккуратно вывел: «Ветерану труда Александру Андреевичу Синееву с добрыми пожеланиями. Максим Боровинский».

Как и любая книга, она имела свою историю. Инициатива исходила от бывшего губернатора Юрия Волгина, с которым Боровинского связывали отношения, напоминающие гитарные струны. То звенели они звучно и мелодично, то с надрывом, готовые лопнуть в любую минуту. Губернатор не любил Боровинского за его независимый характер, но на виду выдавал себя за человека, который относится к своему вассалу с пониманием и даже с уважением. Боровинский обладал чутьем вникать в поведение человека. Достаточно одного штриха, чтобы определить характер. Главное – делал выводы, которые со временем подтверждались. Не ошибся он и в губернаторе, которого считал умным, проницательным человеком, непревзойденным организатором, но самоуверенным. Если ему докладывали о ком-нибудь в темных красках, он мгновенно делал скороспелые выводы. По логике вещей, он должен пригласить этого запятнанного человека на очную беседу и тогда наверняка не оставалось никаких черных пятен в их отношениях. Но для него авторитетами были льстецы и подхалимы, которые досконально изучили эту его слабую черту и пользовались ей, как шпагой. О, как дорого обошлось ему это качество! Сам губернатор его словно не замечал. Но его поведение давало трещины, подобные в арктических льдах. Тут уж ничего не поделаешь – факт остается фактом. Можно дыру на рубахе залатать лоскутом, а трещину в характере невозможно заделать никаким материалом. Особенно прислушивался он к голосу главы Свияжского района, который обладал исключительным даром преподнести факты в выгодном для него виде.

Но вернемся к книге, появившейся на свет по воле Юрия Волгина, надежно сидевшего в то время в кресле губернатора. Когда в их отношениях наступило потепление, Боровинский обратился к нему с письмом, в котором он просил оказать спонсорскую помощь в издании книги. Губернатор долго думал, какой шаг предпринять и в конце концов решил пригласить Боровинского к себе.

– О, Максим Васильевич! – воскликнул губернатор, и в его голосе Боровинский уловил небывалое желание придать встрече мажорный тон. – Какая же кошка пробежала между нами, что не виделись мы с тобой целый век?

– Эта кошка называется перестройкой, – с улыбкой ответил Боровинский, протягивая губернатору руку, – которая всех нас перессорила, сделала врагами.

Губернатор, безусловно, прекрасно помнил историю разлада. Однажды он прислал своего любимчика Шишкина к Боровинскому с секретной миссией. Шишкин должен был уговорить его, чтобы он снял свою кандидатуру с выборной гонки и очистил дорогу в законодательное собрание одному близкому человеку. Послал его к нему, конечно, сам хозяин, но все же Боровинским овладело любопытство.

– Я пришел к тебе по своей инициативе, – не моргнув глазом отчеканил незваный гость и получил вежливый отказ.

Вышел он из кабинета с высоко поднятой головой, чеканя каждый шаг. Нетрудно было представить его доклад своему шефу – Шишкин обладал непревзойденным даром преподносить факты изящно, с множеством оттенков, рисуя образ человека, которого надо топить, в черных красках. Опальный Боровинский ждал, когда губернатор пригласит его на беседу. Не дождался. Не выдержал, пошел сам к нему. Позвонил с дежурного поста. Секретарша вежливо ответила: «Юрий Федорович не может вас принять». У Боовинского ослабло в ногах. Он долго держал трубку в руке. Струна лопнула, но не себя пожалел опальник в тот момент, а губернатора. «Это начало его конца», – сказал он тихо и вышел из Белого дома на площадь Ленина.

Такова история. И вспомнили мы ее только для того, чтобы напомнить – Боровинского трудно выбить из колеи. Обидно, конечно, что губернатор окружил себя подхалимами, но он, Боровинский, обиду на него не имел.

– Ну ладно, что было то было, – произнес Волгин и тут же перешел к делам, которые являются предметом особой важности. Говорил о том, как хиреют колхозы и совхозы, критиковал центр за бездушное отношение к нуждам региона, рассказал, что он делает, чтобы обойти шоковую терапию и войти в рынок без ломки и скачков. Боровинский слушал его внимательно, хотя был осведомлен о всех делах, что делали в губернии. Он с пониманием относился к взвешенным шагам губернатора и постоянно поддерживал его политику в разговоре с простыми людьми, отстаивал его линию в полемике с оппонентами. По всему было видно, что Юрий Федорович рад встрече. Время на беседу заняло почти полчаса, что раньше никогда не случалось. Тон разговора, искренность снова восстановили статус-кво в их отношениях. Когда выпили по второй чашке бразильского кофе, который приносила белокурая дамочка на высоких каблуках и миниюбке, Юрий Волгин перешел к теме, ради чего и пригласил Боровинского на беседу.

– И что за книгу сочинил ты? – спросил он серьезным тоном и не менее серьезно добавил, вызвав у гостя недоумение. – Нельзя ли посмотреть ее в рукописи?

– Цензура в нашей стране отменена, – ответил с улыбкой собеседник, – но я буду рад, если вы ее прочтете. Книга о том, как коммунисты новой волны, в новых условиях борются за возрождение партии.

Губернатор изменился в лице.

– О коммунистах, – промолвил он задумчиво. – Ну-ну, важная тема.

Боровинский делал вид, будто реплика губернатора не имеют к его книге никакого отношения, хотя знал, что коммунисты сидят у него в горле. Не раз приходилось ему держать ответ перед высоким начальством за то, что в волжском крае выборные баталии заканчивались полной победой большевиков. Знал Боровинский и о том, что при встрече с людьми он, губернатор, не забывал напомнить свою приверженность к идеям марксизма. «В душе я коммунист», – признавался он прилюдно, хотя его об этом никто не спрашивал. Но чем глубже уходила перестройка, чем реже звучали в его устах идеи коммунизма. Зюганова ругал беспощадно, но это говорило не о его смелости и мужестве.

– А почему не написать книгу о нашем районе, о том, как мы дружно работали в свое время и гремели на всю страну? – выложил он на одном дыхании и подошел к столу, где сидел гость. Уперся руками о край стола и направил испытующий взор на собеседника – ну, что скажешь, мол, на мое предложение, мой бывший соратник по партийной работе? Спонсора тебе не надо искать – он пока надежно чувствует себя в роли областного лидера.

– Не было социального заказа, – ответил Максим Васильевич и тоже уставился на хозяина Белого дома.

– Считай, заказ получен, – отошел от стола Волгин и повернулся. – По рукам?

– По рукам.

Эти воспоминания надолго задержали Боровинского около киоска. Он осторожно оглянулся и увидел у двери, ведущей в актовЫй зал, Марию Владимировну Сидорчук. Сельская учительница числилась у начальника штаба на особом счету. Агитацию она

вела, не оглядываясь по сторонам. Начальству говорила открыто о своей позиции. Сельчане ее уважали за беспокойную душу и за то, что никого и никогда в беде не оставит. Женщина с удивительно живыми глазами и мужественным характером. Она пружинисто подошла к нему, взяла под руку и потащила подальше от киоска. Оглянулась и, убедившись, что поблизости никого нет, встала на цыпочки и шепнула:

– У меня секрет. Я стала невольной свидетельницей одного разговора. Только что посетили нас два милиционера. Даже по вызову их не вытащишь, а тут добровольно явились. Думала, что прислали за порядком следить. Оказывается, у них совсем другие цели. Какие – выяснить не удалось. Только отчетливо услышала их разговор с главой администрации. « Это он?» – задал вопрос один, когда вы стояли у киоска. Глава кивнула головой, и милиционеры пошли к выходу. Что они затеяли против вас?

– У тебя слишком повышенное любопытство, – произнес Боровинский. – Они приехали сюда по своим делам.

– Тогда почему они тотчас сели в машину и укатили?

Если бы Мария Владимировна посмотрела на него чуть раньше, то увидела бы на его лице удивление. Но она опоздала. Когда направила свои большие глаза на начальника районного штаба, на лице его был полный порядок. Он тут же изменил тему:

– Кандидат приехал?

– Пока его нет. Да и время еще не подошло.

«Не могу понять, – думал Боровинский, когда остался наедине и занял место в третьем ряду, – почему они удалились, если я нужен им по горло. Был у них в лапах – подойди, схвати за руки и надень на них наручники. Узнавали обо мне. Значит, они меня в лицо не знали. Теперь знают. Могли хотя бы подойти ко мне и вручить повестку. Значит, у них что-то не стыкуется. Значит, дело они не закрыли и игра в кошки-мышки будет продолжаться».

– Ты что там спрятался, Максим Васильевич?

Голос кандидата вернул его к реальности, и Боровинский буквально вскочил, издав глухой скрип. Когда кончилась встреча. Николай Герасимович предложил ехать домой на одной машине. Начальник штаба охотно согласился.

Глава восьмая

М А Н Е В Р

*« Храбрец избегает опасности,
а трус устремляется к пропасти».*

*Дидро,
французский философ.*

Боровинский проснулся от стука в дверь. Быстро натянул брюки, накинул на себя халат, а когда жена направилась в прихожую, шепнул:

– Не открывай.

Супруга движением руки дала понять, что учить ее не надо. Остановилась в двух шагах от порога и ждала. Стук в дверь повторился, но более настойчиво и решительно.

– Кто там?

Голос хозяйки спокойный и уверенный.

– Откройте, мы из милиции. Мы должны вручить вам повестку.

– Кому это...вам?

Пауза. Видимо, совещаются.

– Вашему супругу Боровинскому Максиму Васильевичу.

– Оставьте повестку в почтовом ящике.

– Не положено. Мы обязаны вручить ему лично.

– Вам не повезло. Мой муж уехал вчера в деревню и вернется только к концу недели.

Снова пауза. Хозяйка квартиры стоит без движения. Адская тишина. У нее нет сомнения, что за дверью проходит короткое совещание.

– Откройте. Иначе мы пригласим соседей.

– Не пугайте. В такую рань я никого не намерена пускать в дом.

– Мы, к вашему сведению, в милицейской форме. – Нашли чем хвастаться. Лучше бы занялись делом. На каждом углу убивают, а вы торчите здесь. Я не уверена, что вы настоящие милиционеры. Разве мало проникают в дома по д видом мильтонов и совершают грабежи и убийства?

– Тогда мы вынуждены разбудить соседей.

– Это ваше право.

Она знает, что все соседи в отъезде, кроме одной, которая живет напротив. Прошло минут десять, пока они добрались по адресу. О чем они ведут разговор, ей не слышно. Наконец раздался певучий голос соседки.

– Татьяна Макаровна, вы меня слышите?

– Очень хорошо слышу, Зоя Геннадьевна. Я вас слушаю.

– Милиционеры просят, чтобы вы открыли дверь.

– Вот что, Зоя Геннадьевна. У меня к вам большая просьба. Получите от кавалеров в мундире повестку и не забудьте расписаться. В девять утра я сама за ней приду.

– Но она предназначена вашему мужу, – повысила голос соседка.

– Милиционеры, видимо, не поняли, что мужа нет дома. Какая им разница – кому будет вручена повестка. Прошу меня больше не беспокоить.

Снова пауза, которая, к удивлению, длилась совсем недолго.

– Я выполнила вашу просьбу, соседка, – произнесла Зоя Геннадьевна прежним тоном, и щелчок в соседней квартире извещал о том, что гости, исполнив свой долг, удалились.

Хозяйка вошла в комнату, села в кресло и закрыла руками лицо. Она плакала. Сцена, кажется, повторяется. Ох, уж эти женщины. Недаром их называют слабым полом – чуть что, слезы текут будто из ведра. Он посмотрел на часы – стрелки показывали пятнадцать минут шестого. Прошел первый трамвай, но до рассвета еще далеко. Успокаивать жену в такие минуты бесполезно. Да что он может сказать в свое оправдание или в ее утешение.

– Какой позор, – всхлипывала супруга, издавая тихие звуки. – Дочь работает врачом, внуки стали взрослыми, а он, седой болван, не в ладах с законом. Ему наплевать на честь семьи, на судьбу детей. Вот что я тебе скажу: сейчас же поедешь в милицию и чистосердечно признаешься в своем поступке. Не надо быть трусом. Ты хорошо понимаешь, что тебя ожидает, если пойдешь против закона.

«Да, сцена повторяется. Вполне возможно, что это только начало». Хозяин накинул шубу и, взяв шапку в руку, направился к выходу.

– Не уходи. Успеешь, – решительно отрезала супруга. – Они еще не ушли. Не такие они уж дураки, чтобы поверить моим словам. Разденься и в тихой обстановке подумай, какие шаги будешь принимать. А через час выйду и проверю сама – ушли они или караулят в подъезде.

Что тут думать. Боровинский решил для себя окончательно – добровольно он им в лапы не ползет. Но семья, дети, внуки... Много он читал о конспиративной работе революционеров, но никогда не думал, что судьба и его проверит на прочность. Отдаваться минутной слабости, плакать в жилетку? Нет, это не в его характере. Так-то оно так, но неожиданный поворот может нарушить душевное равновесие самого хладнокровного человека. Страх, как боль, предупреждает об опасности. Но страх во много раз страшнее, чем сама опасность. Боровинский не был исключением. Его охватило необъяснимое волнение, обуздать которое он не мог даже при огромном усилии. Но оно продолжалось недолго. Он быстро овладел собой и, упрекнув себя за минутную слабость, погрузился в логику расчетов и прогнозов. «Нет, – сказал он твердо и решительно. – Им наплевать на мою объяснительную записку. Они глубоко продумали план своих действий. Статью пришить им все равно что небрежно плюнуть. Любой поступок можно

квалифицировать как мелкое хулиганство. А за него придется отвечать». Боровинский снова погрузился в думу. «Посмотрим, кто из нас трус, – сказал он в приподнятом настроении, когда в окно стал просвечиваться утренний рассвет. – Тот, кто состряпал грязное дело, или тот, кто отказался явиться по повестке, проявил мужество, сорвав их коварные планы».

– В милицию я не поеду, – сказал он уверенно жене. – Нынче дома не жди.

Неожиданно в настроении жены он заметил какие-то перемены. Глаза сухие, в глубине губ светится даже таинственная улыбка.

– Будь осторожен, – сказала она так, будто ее голос могут услышать соседи. – Звонить не нужно, телефон может прослушиваться.

Глава девятая

Ш И Ш К И Н

«Зло, как и добро, имеет своих героев».

Ларошфуко,

французский писатель.

Глава Свияжской администрации самодовольно потирал руки и крупными шагами измерял углы своего кабинета. Когда ему в конце той недели доложили об инциденте, происшедшем на хуторе Станционный, предрайпотребсоюза получил нагоняй. «И вы до сих пор молчали? – сорвал он свой гнев на нем и тут же пригласил секретаршу. – Это редкий случай, когда мы можем проучить этого писаку. Вы не представляете, какой резонанс будет в общественной среде, когда он вместо агитации будет чистить снег у подъезда милицейского здания. Мы убьем несколько зайцев одновременно. Изолируем Боровинского, бросим тень на всю команду Абрамова и...

Вошла секретарша и остановилась у порога.

– Срочно вызовите ко мне начальника милиции.

– Слушаюсь, Филипп Гаврилович!

Через пятнадцать минут в кабинете главы состоялось секретное совещание. С правой стороны журнального столика навалился в кресло начальник милиции. Высокого роста, богатырского телосложения и с невозмутимым видом слушал он рассказ торгового начальника Гогоберидзе, который, закончив повествование, притронулся к стакану с минеральной водой и осторожно добавил:

– Вообще-то в поведении Боровинского...

– Не торопись с выводами, – спокойно остановил его глава и повернул голову к милицейскому мундиру. – Что думает по этому поводу Рифкат Измайлович?

– Криминал всегда можно найти, – ответил Кантемиров на ломаном русском языке.

– Вот видишь, господин Гого. Главное – поставить цель, а средства для ее достижения всегда можно найти.

Он тихо подошел к креслу, где сидел невозмутимый татарин, умеющий выбрать из десятков вариантов тот, который нужен главе.

– Я вас слушаю, – сказал заискивающе главный мент района и в упор посмотрел на своего шефа.

– А мне хочется послушать тебя, Рифкат Измайлович. Думаю, в твоей голове уже созрел план действий. – Завтра туда отправлю...

– Сегодня! Срочно! – поправил его глава.

– Конечно, сегодня. Дело не терпит растяжки. Срочно отправлю в хутор Станционный двух милиционеров. – Надежных.

– Конечно, надежных, проверенных, опытных в этом деле. Они проведут с продавщицами нужную работу, составят протокол, что явится основанием для дальнейших действий.

Глава был мастером создания интриг, но сам любил оставаться в тени. Он ждал от начальника милиции подробного плана, но он был куцым, как общипанный петух.

– Надо организовать очную ставку, – взял на себя роль главного стратега глава и занял место за своим столом. – И эта встреча должна состояться в милиции. С одной стороны. Боровинский, с другой – две продавщицы. Не вздумайте его выпустить. Запрячем в каталажку, а там и выборам конец.

– Я удивляюсь вашему таланту, Филипп Гаврилович. Вам бы работать только в нашей сфере – не было бы вам цены. Разрешите действовать?

– Минуточку, – произнес сидевший до сих пор в напряжении Гогоберидзе. – Я все же должен внести ясность, чтобы не возникли потом недоразумения. Если дело дойдет до суда, мы окажемся в проигрыше.

«Трус», – подумал шеф, но решил выслушать, дабы никто не упрекал его в волюнтаризме. Видимость демократии сидела на нем, как новенький фрак, и он, Шишкин, считал себя великим демократом.

– Мы слушаем тебя, – произнес он ровным тоном, и Кантемиров снова грузно взвалился в кресло.

– Дело в том, что мы незаконно монополизировали магазины, предоставив их для агитации только нашему кандидату.

– Выражайся точнее, чтобы мы поняли.

– Объясняю. Магазины, как собственность, принадлежат не только нам, кооператорам. Львиная доля в руках муниципалитета. Поэтому мы по закону обязаны давать всем кандидатам равные права.

Лицо у главы приняло желтый цвет, как старое сало, крупно стали выделяться желваки, зрачки сузились, а в голосе появилась раздражительность. Он несколько секунд сидел без движения и, желая разрядить обстановку, задал вопрос, которому и сам не был рад.

– Боровинский знает, что существует такой закон? – спросил он тихо и, к его удивлению, мгновенно получил ответ.

– Думаю, да, – ответил Гогоберидзе. – Потому что он несколько раз звонил мне по телефону, назначал даже встречу, но я пока не среагировал на его просьбы.

Воцарилась тишина. Натянутая, тревожная, необъяснимая. Шишкин подошел к окну и скосил взгляд на Порошкова, который сидел в дальнем углу и слегка дремал. На улице бушевала пурга. Площадь перед зданием лежала в сугробах.

– Слушайте меня внимательно и мотайте себе на ус, – произнес он наконец твердым голосом и отошел от окна. – Законы пишутся не для начальников. Пока у власти комбат, мы в безопасности и можем творить что угодно и как угодно. Изолируем главного штабиста от выборной борьбы, поиздеваемся над ним в прессе, а том пусть обращается хоть в Гаагский трибунал. Как говорил великий император Нерон – после нас хоть потоп.

Шишкин любил изящные выражения. Хотя эти слова принадлежали совсем другому императору, для него это не имело никакого значения. Зато как звучит!

Глава десятая

НЕУЛОВИМЫЙ БОРОВИНСКИЙ

«Даже у дураков хватает ума вредить».
Шекспир,
английский драматург.

Попытка вызвать противозаконника в милицию, провалилась. Шеф выходил из себя. Тоном, не терпящим возражения, он отчитал тех, кого считал виновными в провале операции.

– Не можете справиться с одним человеком, который не имеет ни охраны, ни оружия, ни адресов явок! – кричал он на начальника милиции и был прав.

Только болван может посылать двух милиционеров с повесткой. Но всех тонкостей Шишкин еще не знал. Не знал он и того, что Боровинский постоянно опережал их в действиях, а когда в хуторе Станционный оказался накануне предполагаемой очной ставки у начальника сомнений не было – с ним хотят расправиться, как с агентом. Ранний налет милиционеров и наглое их поведение еще больше обострили его чувства и интуицию.

Дочь восприняла случай с отцом сдержанно, но с пониманием. Когда она во всех подробностях узнала историю с листовкой, открыла кодекс законов и внимательно стала их изучать. Время уже ближе к полночи, а она все перелистывает толстенную книгу с разбивкой на разделы, статьи и параграфы, на пункты и подпункты, а отец устроился в соседней комнате, но сон его не берет.

– Зачем звонишь домой? – возмущается жена. Тебя могут засечь, неугомонный дурачок.

– Не могут, – уверенно отвечает супруг. Их действия ограничены рамками района. Они хотят брать меня тихо и боятся огласки.

– Откуда тебе известны такие секреты?

– Я был нынче на двух встречах. Сыщики снуют в толпе народа, а ко мне подойти не решаются.

– Не преувеличивай, пожалуйста.

Да. Боровинский склонен к тому, чтобы факты преподнести в достойном виде. И это делает он в интересах жены, чтобы поднять в ней дух сопротивления.

– Нисколько! – отвечает он ей в настроении. – Я старой закалки революционер. Опыт большевиков кое-чему и меня научил.

Смеется.

Конечно, смешно. Боровинский представляет, что творится в стане врагов. Шеф рвет на голове волосы, которых не так уж много осталось. Авантюра провалилась, но он неумолим – виновник должен быть арестован. Позор!

Проделки Боровинского для Шишкина были сильнейшим ударом. Надул-то его никто иной, а человек, которого считал если не тупым, то во всяком случае недалёковидным. Оказалось, обвел его сквозь пальцы. Нет, Шишкин, у тебя что-то не в ладах с жизнью. Из телеги выпал что ли. Надежная была губернаторская телега, а вот сейчас она стала буксовать. Какие были времена! Бывало, неделями не выходил на работу, как только за что-то надо отвечать, его на работе нет. Заболел! Поласкается у какой-нибудь красотки, а там и гроза, посмотришь, миновала. В кабинет возвращается будто после отпуска – упитанный, полный телом, щеки будто чем-то напичканы. Сейчас вот не можно болеть. Надо быть начеку.

Но эти подробности жене неизвестны.

– Я только что поднялась с подъезда, – шепчет она ему по телефону. – Смотрю, стоит молодой человек, но в гражданской форме. Я сразу заметила в нем сыщика. Смело подхожу к нему и спрашиваю: «Вы, может быть, ко мне? Пожалуйста в гости. А то в прошлый раз я вас не пустила». Называю номер квартиры, а что-то фыркнул себе под нос

и мгновенно исчез. – Я тебя поздравляю, - не менее таинственно сообщает ей супруг. – По какому поводу?

– Ты становишься революционеркой.

Утро. Будильник еще не прозвенел, а дочь уже стоит у изголовья с толстенной книгой в руках. Вид у нее усталый, но держится спокойно.

– Я искала улики против тебя, но не нашла, – говорит она осторожно, словно боится вызвать в нем недоумение или страх. – Ни одна статья не подходит.

– В этом нет никакого сомнения, - сквозь сон бормочет отец. – Спасибо тебе за заботу.

– Может, тебе действительно нужно явиться в милицию? – извинительно произносит дочь и ловит испытующий взгляд отца.

– Какая ты наивная, доченька, - ласково звучит голос отца.

– Ты плохо представляешь моих врагов. Коварству их нет предела, а в интригах и шантажах построена вся их политика.

– Извини, папа, если я тебя обидела.

– Нет, не обидела. Ты еще молода, ты еще не столкнулась с тем, на что они способны.

Он сделал паузу, которую прервал с осторожностью, присущей только разведчикам.

– Что касается извинения, то это я обязан просить его у тебя, – дотронулся он до ее руки и мягко провел ладонью. – Извини, я этого не хотел. Так уж получилось. Видимо, я неисправим.

Дверной звонок заставил их встрепенуться. Бровинский вскочил с дивана, быстро напялил на себя брюки и, захватив рубашку, поспешил в прихожую. Дочь стояла уже у порога.

– Кто там? – спросила она настороженно и взглянула в дверную глазницу. Соскочил засов, и в комнату ворвалась жена. Дышит тяжело, шаль сорвана с головы и торчит в правой руке.

– Вот что, – произносит она впопыхах и в упор смотрит на мужа. – Тебе срочно нужно уезжать. За тобой слежка. Всюду рыщут филеры. Сейчас выхожу из подъезда и отправляюсь сюда. Оглядываюсь по сторонам – никого не видно. Когда оказалась у вашего дома, решила еще раз оглянуться и пришла в ужас – в десяти метрах от меня тянется за мной тот самый мент. Ой, я его сразу узнала. Я мгновенно сообразила, что в подъезд заходить мне нельзя. Остановилась и делаю вид, будто с сапогами неполадки, а сама искоса смотрю на него. Он тоже остановился и напялил глаза на верхние этажи дома. Недолго думая, я выпрямилась и прямым ходом в парк. Два круга сделала, пока не оторвалась.

Она перевела дыхание, направила взор снова на супруга и застыла.

– Что ты рожу разинул, словно у тебя какая-то радость? Очень душевный рассказ. А улыбаюсь потому, что у тебя появились хватки революционерки.

Тут воспрянула дочь:

– Папа, ты не переживай. Мы будем с тобой. Только будь осторожен.

Бровинский одной рукой обнял дочь, вторую положил на плечо жены и промолвил:

– Какие вы у меня хорошие.

– А мы?

Бровинский оглянулся и увидел внуков, стоявших в обнимку.

– А вам еще рано заниматься политикой, – процедил дед. Приняв серьезный вид, добавил, что политика – грязная вещь и держаться надо от нее подальше.

Эту мысль он высказал вопреки своим убеждениям.

– Вот что скажу тебе, дорогой муж, – прервала его мысли жена. – Они охотятся не за тобой, а за Николаем Герасимовичем. Это я поняла только вчера. Я долго думала и пришла к выводу – они хотят отрезать ему крылья. Не сдавайся! Пусть власть почувствует, что она не всемогуща.

ВЛАСТЯМ ЗАКОН НЕ ПИСАН

*«Где кончаются законы,
там начинается тирания».
У.Питт,
английский писатель.*

Боровинский понимал – выиграть выборную гонку им не удастся. В честности и порядочности агитаторов он не сомневался, но силы были слишком неравными. Власти использовали приемы, которые в элитной среде принято называть административными ресурсами. Кандидат от власти в любой трудовой коллектив, в любую школу заходил, толкнув одной ногой в дверь. А кандидату Абрамову вход в любое учреждение был закрыт наглухо. Ответ один – не велено.

Вчера Порошкова приняли в Ольховской школе, где он показывал фильмы о своем предприятии. Нет слов – завод родниковых вод процветает, но почему это дает ему приоритетное право, приходится ломать голову. Все кандидаты имеют равные права – непреложный закон, но власти создают льготные условия кандидату от партии «Наш дом – Россия», нагло и открыто ущемляя интересы других претендентов. Тот, кто в первую очередь обязан соблюдать букву закона, топчет его сапогами, без зазрения совести.

То, что у власти совести нет, что вся ее политика строится на пустых обещаниях и обмане, сомнения не вызывает. Но почему кандидаты от власти легко встают на сомнительный путь и приносят в жертву свой авторитет? Как они могут с открытыми глазами разговаривать с учителями, от которых трудно утаивать – где правда и где ложь. Да, совесть эти кандидаты, как и сама власть, потеряли. А ведь Порошков считает все это в порядке вещей. Зачислил себя в когорту не только талантливых организаторов, но совестливых. Не запятнавших себя позорными поступками. Перефразируя изречение известного сатирика, можно в таких случаях сказать: « Был в округе один порядочный кандидат и тот оказался поросенком».

Писать жалобы в ситуации, когда царят диктат и произвол, бесполезно. На любую жалобу избирком даст ответ, согласованный с властями. А властям закон не писан. Но любопытен не сам факт реакции на жалобу. А с каким изяществом и ловкостью стряпают они ответы. Власти не думают о завтрашнем дне и посему живут по правилу – подписано, так с плеч долой. Выиграть во что бы то ни стало битву, а там хоть потоп. Победителей не судят.

О, как ошибаются власти! Самые непобедимые полководцы, самые великие вожди подвергались в истории беспощадной критике, А Шишкин – не больше, чем шишка на голове.

Боровинский вошел в помещение Овражкинской сельской администрации. Его приняли дружелюбно. Его в этом селе знает каждая собака. Охотно принял приглашение сесть. Сел и глаза вылезли на лоб – на столе разбросаны подписные листы на Порошкова!

– Уберите, пожалуйста, эти бумаги со стола, чтобы их никто не видел, – попросил гость почти шепотом.

– А что? – удивилась миловидная женщина с коротко постриженными волосами

– Не положено вам заниматься этими делами. По закону не положено.

У секретарши еще больше расширились глаза.

– А где им быть? Кроме нас кто еще будет заниматься сбором подписей?

«Совсем обнаглели, – подумал начальник штаба. – Высшие инстанции даже не предупредили, что это незаконное дело. Уверены, что их никто за это не накажет. А сами

мелкие чиновники в законы никогда не заглядывают. Чем меньше они знают, тем лучше для высоких чинов.

Эти мысли Боровинский оставил про себя, а вслух спросил:

– Хозяин на месте?

Петра Бордюрина он знал еще по школе. Высокий, стройный, с густой шевелюрой. Быстрый в ходьбе, энергичен, одевается модно. С людьми приветлив, но взгляд не внушает доверия. Глаза узкие, в постоянном движении, как бегущие строки.

– Я – доверенное лицо кандидата Абрамова, – произнес Боровинский. – Удостоверение предъявить?

– Обойдемся без него, – ответил глава. – Чем могу быть полезен?

– Нужно организовать встречу кандидата с населением.

– У нас подходящих помещений. Клуб не отапливается...

– А школа?

– В школе не положено проводить встречи. Там находится избирательный участок. По закону не разрешается.

– Но в законе о выборах нет такого пункта.

– Нас строго предупредили. Скоро там будут установлены урны.

– А вы разрешите организовать встречу не в актовом зале, где будут урны, а в спортивном, куда, к вашему сведению, отдельный вход.

Петр Акимыч не предвидел такого поворота событий. Он сделал неловкое движение, и стул под ним издал неприятный звук. Боровинский не стал ждать ответа.

– Я понимаю, что тебе нужно согласовать вопрос в верхах, а потому оставляю тебе нашу просьбу.

Он вынул из дипломата исписанный четким почерком лист бумаги и положил на стол.

– Да, да, – засеменил глава сконфуженно. – Ответ вам обязательно подготовлю.

– Сколько дней ждать?

– Зайдите к концу той недели.

– По закону я должен получить ответ через три дня.

– Да, да, ответ вы получите в установленное время.

Боровинский не ожидал, что точно в срок получит ответ. И по полной форме. Он думал, что власти побоятся дать ответ в письменном виде. И Бордюрин в устной форме доведет до его сведения – разрешение, мол, не получено и все в таком духе. Он своим глазам не поверил, когда через три дня глава сельской администрации собственноручно вручил ему бумагу, на которой рукой заведующей районо выведено: «Учебные заведения образования не предусмотрены для встреч кандидатов с избирателями». Аккуратно поставлена подпись, закрепленная гербовой печатью.

«Обращаться в вышестоящие инстанции не имеет смысла, – думал начальник штаба, держа в руке документ. – Шишкин уверен. Что его никто не накажет, если даже факты подтвердятся. Нет такой силы в регионе, способной привлечь его к ответу, пока у руля стоит отставной чин».

Вполне возможно, что заврайоно не сразу согласилась на подпись. В конце концов не ее это дело заниматься выборными делами. На то и создана избирательная комиссия, чтобы следить за исполнением законов. Вполне возможно, что она стала даже убеждать шефа в противозаконности документа, который продиктовали ей в отделе администрации. Вполне возможно, наконец. Что Шишкин лично вызвал ее на эксклюзивную беседу. Хотя он не терпел возражений. Но вынужден был выслушать доводы учителя учителей. Холопская струнка взяла верх – документ увидел свет. Пинтюшкина потеряла покой. Думала о том, что учит директоров и учителей справедливости и соблюдению законности, с пафосом говорит о нравственном воспитании детей, а на деле идет на разрыв с совестью.

Боровинский колесил по району и всюду встречал рогатки и красные флажки, словно расставленные для ловли зверя. Но он ни одно нарушение не оставлял без внимания, хотя

заранее знал, какой опус состряпают власти. Щекотать нервы чиновников он любил. Жалобы его были конкретными, с именами и датами. Просил разобраться и дать ответ.

«12 ноября в 14 часов состоялась встреча с избирателями кандидата Порошкова в Петровской средней школе, – строчил он жалобу в избирком, – а кандидату Абрамову директор этого образовательного учреждения во встрече отказал. Просьба...»

На столе избиркома, покрытым зеленым бархатом, лежали десятки жалоб, исписанных одним почерком. Почти одинакового содержания, если не считать фамилии, даты, названия школ. Председатель избиркома Лаврентий Семиверстов устал обивать пороги кабинета главы района, но свой долг исполнял аккуратно.

Изучив обстановку в районе, Боровинский пришел к неутешительному выводу – властями глубоко продумана схема выборной кампании. Адмресурсы они используют сполна. Давление, шантаж, отказ, видимая принципиальность занимали ведущее место в арсенале их действий. Долго пришлось ломать ему голову, почему не готовы к выборной кампании учреждения культуры, больше половины которых находились то на ремонте, то не отапливались. Ларчик, оказывается, открывается просто. Если клубы готовы к работе в зимних условиях, то они будут предоставлены для встреч всем кандидатам. Такая обстановка нарушала планы администрации.

Боровинский держит в руке сборник постановлений глав районов и городов, в которых дается перечень помещений для проведения встреч. Его, конечно, интересует Свяжский район. Открывает страницу и диву дается – оказывается, для встреч пригодны только четыре клуба из пятнадцати. Нет ни школ, ни других помещений. А вот в Саарском районе, где избирателей кот наплакал, определено сорок четыре объекта! Клубы, библиотеки, дома животноводов, конторы и ... школы. Вот тебе и закон! От комментариев откажемся, но один пункт требует огласки. «Главам администраций поселков, сельсоветов, – пишет Шишкин в преамбуле, – обеспечить своевременное рассмотрение заявлений о выделении помещений для проведения встреч и равные возможности для кандидатов...». Можно только представить, с какой иронией и сарказмом поставил Шишкин свою подпись под такой документ.

У начальника штаба возникает крамольная мысль – организовать митинг протеста. Определить село, пригласить туда независимую прессу и открыть глаза у избирателей на приемы и средства, используемые властями. Таким селом может стать Овражкино.

На стол главы Овражкинской администрации ложится заявка, где указаны дата и место проведения митинга. Цель не скрывается – протест направлен против политики районной администрации, которая не готова к проведению выборов. Боровинский уверен – разрешение будет получено. «Отказать могут только трусливые люди, – думал он в ожидании ответа, – а властям не выгодно выглядеть трусом». Наивный Боровинский! Шишкину наплевать, что о нем думает начальник какого-то штаба, или доверенное лицо. У него один принцип – не пускать! Он не забыл, сколько нервов портили коммунисты. Когда доминировали на выборах. А возглавлял их никто иной, как бездарный Бооровинский. Ему, Шишкину, не забыть бессонных ночей и упреков губернатора, который месяцами не разговаривал и не пускал его в свой кабинет. Нервы были на пределе. Теперь настали другие времена. Пиши, сочиняй, а толку не будет, пока он, Шишкин, находится под надежной защитой. Память у него крепкая. Он не забыл ни Волгина, ни Боровинского, по вине которых чувствительно настрадался. Довольно! Шишкин вернет им сполна за капли горечи.

Глава двенадцатая

СНЯТИЕ БЛОКАДЫ

*«Когда женщина является союзницей,
а не любовницей, успех обеспечен».*

Он рассуждал трезво. Чтобы разрядить обстановку, надо уехать из города. Родственников полно. Можно махнуть в Саранск или Самару. Ждут его и в Минске. Кузина умоляет, чтобы он, Боровинский, посетил могилу сестры, которая похоронена на столичном кладбище братской республики. Вспомнил он и остров в Средиземном море. Молодой парень, слушатель Академии общественных наук в Москве. Увез тогда Зою Петровну, ближайшую родственницу на Кипр. Звали его Ведерико. Помнится, Боровинский предложил ему остаться в России. Ответ Ведерико был оригинален. Он сказал: «Я хоть лишь киприот, но патриот».

Вопрос об отъезде решен окончательно. До конца выборов оставалось две недели, и его присутствие на встречах мало может изменить обстановку. Сценарию, выработанному штабом, ничто не грозило. До мелочей расписано в плане, агитаторы начеку, как говорится, в боевой готовности. Помощники надежны – Царев и Кислов, в мужестве которых никто не сомневается.

Накануне Боровинский сообщил о своем намерении покинуть город Абрамову, которому раскрыл и причину отъезда. Услышав новость, кандидат крикнул:

– Как это могло случиться?! Почему меня не поставил в известность? Я сейчас же свяжусь с начальником милиции, и конфликт будет исчерпан.

Говорил он, как всегда, возвышенно и самоуверенно, будто ему под силу решение любой проблемы. – Бесполезно, – ответил спокойно Боровинский. Сомнений нет, вы имеете огромный вес в высших кругах, но есть вопросы, которые...

– Нет таких вопросов, которые я не смогу пробить, – еще уверенней прозвучал его голос.

И тут начальник штаба попросил его выслушать. За Шишкиным стоит фигура губернатора, а за губернатором – партия власти. Преследование доверенного лица одного из независимых кандидатов – не простая акция. Им во что бы то ни стало нужно протолкнуть своего кандидата. На карту поставлена честь партии власти, и они ни перед чем не остановятся, чтобы достигнуть своей цели.

– Я понятно говорю? – вдруг прервал свой рассказ Боровинский и вопросительно посмотрел на кандидата. – Так что ваше желание вытащить меня из тисков заслуживает всяческой похвалы, но будьте уверены – ваши усилия будут напрасны. К этому добавлю...

Он хотел сказать, что нет нужды кандидату наживать себе неприятности или даже врагов. Если вникнуть в ситуацию глубже и построить логически выверенную цепь, то отношения Абрамова с высшими чиновниками из-за такого пустяка могут резко ухудшиться.

– Я тебя слушаю, – невольно прозвучало в тоне кандидата нетерпение и даже раздражение. Он ждал продолжения рассказа.

Боровинский не удивился такому повороту событий. Ему нравился высокомерный характер кандидата. Жизнь его не так уж длинна, и он еще не успел побывать в катавасиях, которые когда-нибудь выправят его нрав.

– У меня нет дополнений, – четко произнес штабист. – Я высказал свое мнение.

Абрамов еще сильнее заострил пронзительный взгляд. Боровинский не выдержал напора и вынужден был выложить все, что он думал о последствиях шага, если Николай Герасимович решится пойти на него, сломя голову.

– Я согласен с вами, но не считайте меня трусом, – понизил он голос. – Не будем дразнить гусей.

Провожать его на вокзал приехала Катэрина. Стройная, в длинном пальто, она появилась на перроне в тот момент, когда он стоял у газетного киоска. Лицо ее бледножелтое, под глазами заметнее, чем всегда, синие линии, и даже приятная улыбка не покрывает ее внутреннего переживания. Ленивыми шагами она приблизилась к нему и

правой щекой прильнула к его лицу – запах ароматных духов вызвал в нем ощущение, знакомое с тех пор, как впервые притронулся к женским губам.

– Значит, уезжаешь? – спросила она, когда заняли места в привокзальном баре, хотя знала, что билет в дальнюю дорогу лежала у него уже в кармане.

– Обстоятельства вынуждают, – произнес он безразлично.

Официантка приняла заказ и удалилась.

– Обстоятельства не имеют никакого отношения.

Катэрина старалась казаться сдержанной. Она видела в Боровинском героя своего времени, кумира, но оказалось, что ошиблась. Ей показалось, что последние ее слова он пропустил мимо ушей специально, хотя они нуждаются если не в полемике, то в объяснении. Если бы она знала, каких усилий ему стоило принятие данного решения, то из ее уст этот вопрос не вылетел бы. Все эти ночи он не смыкал глаз, волнения были настолько сильны, что обуздать их не хватало сил. С одной стороны, ему не хотелось винить себя за свой поступок – уезжал в интересах общего дела, чтобы власти успокоились и дали возможность спокойно довести дело до конца. С другой, он считал себя трусом, который оставляет своих друзей и соратников на произвол судьбы.

Он смотрел на Катэрину и молчал. Глаза говорят иногда больше, чем язык. За время выборной борьбы он все больше убеждался, что в ее хрупком теле спрятана стальная выдержка и воля, что Катэрина – надежная опора в трудные минуты. Сильная, мудрая, понимающая, готовая поддерживать в нем твердость духа. Такие женщины способны на самопожертвование.

Молчание длилось долго. Они сидели визави и смотрели друг другу в глаза. У Катэрины они карие, светлые, с крупными зрачками, излучают таинственное тепло, а у Боровинского голубые и необъяснимо безразличные. Она никогда не видела их такими. В нем всегда кипела энергия, а во взгляде чувствовались неподдельная доброта и натиск. Может быть, поднимет дух терпкое вино, которому поэты всех времен приписывали особые свойства?

– За что пьем? – восторженно спросил Боровинский, что никак не соответствовало атмосфере.

– За то, чтобы командиры никогда не покидали поле битвы.

У Боровинского в руке застыл бокал. Он долго смотрел ей в глаза, словно хотел вонзить стрелу в глубину ее души. Потом резко встал и покинул зал. Катэрина поняла, что Максим Васильевич пошел сдавать проездной билет.

Боровинский решил в эти дни не ночевать дома, а жену попросил отвечать на все звонки, от которых накаливался телефонный аппарат, одной фразой: «Уехал в деревню, не будет до конца выборов». Родственников у него немало. Двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы... Начну с кузена. Как давно я у него не был. Кажется... Нет, трудно вспомнить.

Начальник штаба чувствовал себя все сильнее по мере того, как шаг за шагом отрывался не только от филеров. Он тайно смеялся над Шишкиным, который, быть может, в первый раз в жизни недооценил своего врага и сел в лужу.

Когда до конца выборов осталась неделя, блокаду сняли. По закону положено. И тут Боровинский сам решил идти в наступление. Вспомнив, что он еще не получил ответа на последнюю жалобу, осмелился появиться в окружной избирательной комиссии. Когда его фигура выросла на пороге небольшого кабинета, где на столах разбросаны газеты и бумаги, глаза у молодого человека стали круглыми и неподвижными. – Вы... явились сюда? – еле вытянул он слова, боясь двинуться с места.

– Как видите, перед вами доверенное лицо Абрамова Николая Герасимовича. По какому поводу я к вам прибыл, думаю, понятно. За ответом на жалобу.

– Какой вам ответ? – разбушевался молодой человек и вскочил со стула. – Вас разыскивали, а вы!..

– Кто меня разыскивал – вы или милиция?

– Какое это имеет значение?

Он нервно стал рыться в бумагах и наконец нашел папку и, вытащив оттуда исписанный лист, протянул Боровинскому:

– Читайте, что вы натворили!

Боровинский аккуратно взял лист. «Объяснительная записка от заведующей магазином хутора Станционный Сердюка Анны Феоктистовны, – прочитал он одним залпом и, не поднимая головы, продолжал: – Довожу до вашего сведения, что 10 ноября сего года в вверенном мне учреждении некий мужчина по фамилии Боровинский учинил скандал. Он сорвал со стенда портрет кандидата Поршкова, разорвал на части, бросил на пол и растоптал».

– А почему объяснительная записка оказалась у вас? Как мне известно, моим делом занималась милиция.

– Я сам выезжал туда и лично разобрался, – достоинством ответил член избирательной комиссии.

– Вон оно что... Значит, главный шантажист вы. Вы состряпали дело на меня.

– За такие слова вы ответите! – крикнул во весь голос молодой человек.

– Успокойтесь, пожалуйста. Хотите знать правду? Сядьте и успокойтесь. Я вас ни в чем не виню. Верю, что вы выезжали и беседовали с продавщицами. Но вы не знаете, что до вас на хуторе работала милиция.

Сыркин нервно сдвинул стул.

– Но объяснительную записку она написала без нажима. Я на нее не давил.

– А где вторая записка? От продавщицы Марины?

– Она наотрез отказалась.

– Вот видите, Валерий Григорьевич, на свете еще не перевелись честные люди.

Глава тринадцатая

ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ

«Совесть – это наш внутренний судья».

Гольбах,

английский философ.

Во всей этой истории имеется момент, на котором следует остановиться отдельно. Когда Боровинский узнал, что готовится очная ставка с продавщицами, рано утром выехал в хутор Станционный. Вошел в магазин и, не поздоровавшись, прошел к стенду. Обрадовался, что листовка висела в сохранности, только углы оторваны. «Значит, не догадались заменить ее новой», – подумал он и вынул из дипломата фотоаппарат. Сделал несколько снимков с разных позиций и подошел к продавщицам, которые внимательно следили за странными действиями гостя. Поздоровался, как всегда, весело, а потом обратился к чистокровной арийке:

– Спасибо тебе, Марина.

– За что? – удивилась продавщица и наградила веселым смехом.

Анна стояла в тревоге, старалась понять, зачем ему понадобились кадры и почему ее подруга удостоилась особого внимания человека, который принес им немало тревог.

– За все, – ответил Боровинский. – Добрая ты женщина и... совестливая.

«Такая на сделку с совестью не пойдет», – думал он по дороге. Еще думал он о том, как низко пали Шишкин и его команда, выбрав продавщиц орудием мести. Они унизили их честь и достоинство.

7 ноября 2003 года состоялись выборы. Власти Свяжского района ликовали – их кандидат Порошков одержал убедительную победу. Но скоро им пришлось огорчиться – когда завершился подсчет голосов по всему округу, на их лицах появилась грусть. Кандидатура Порошкова не прошла, а победу праздновал кандидат «Против всех». Такой исход удовлетворял кандидатов – предстояла новая сражение.

Победа Абрамова с самого начала была поставлена под сомнение. Хотя в Свяжском районе он поднялся на третью ступеньку, в округе занял лишь десятое место. Еще при первой встрече Боровинский сказал ему открыто и бесцеремонно:

– Победы нам не видать как своих ушей.

Абрамов был самоуверен и, как показалось, даже слишком.

– Моя программа реальна для выполнения, а самое главное – она нужна народу.

– Народу наплевать на нашу программу, – заявил Боровинский, вызвав в душе кандидата раздражение и гнев. – Вы не представляете, с какими тузами мы имеем дело. Олигархи первой величины рвутся к во власть, у которых вместо программы толстые кошельки.

Абрамов был неординарен. Поражение не сломило его волю, словно он ничего не потерял в этой борьбе, а приобрел что-то важное и нужное для новых сражений. Он поблагодарил весь штаб за плодотворную работу, а когда началась подготовка к новым выборам, пригласил Боровинского.

– Каковы наши шансы на сей раз? – спросил он его и направил испытующий взгляд на собеседника.

– Выше третьего места не поднимемся.

– Почему?

– Причин много. Во-первых, слаб штаб, не определена стратегия, не выработана тактика. Во-вторых, чтобы донести программу до населения, нужны агитаторы, отвечающие определенным требованиям. С ними надо работать, а для этого нужно время. Но самое главное – нам трудно противостоять административному диктату.

Николай Герасимович охотно согласился с доводами и стал выкладывать свое мнение. Чувствовалось, он основательно проанализировал итоги выборов и готов внести коррективы.

– Штаб мы усилим, – произнес он после короткого раздумья. – Я приглашу москвичей. Стратегия у нас одна – победа, а вот тактику необходимо совершенствовать. Но это делается по ходу борьбы. Вы говорили об отряде агитаторов. Что они, плохо работали?

– Плохо, если не считать единицы.

И Боровинский стал излагать свою программу подбора агитколлектива.

– Многие агитаторы разносили листовки, расклеивали их в нужных местах, а по дому не ходили. А это самая трудная, но необходимая работа.

– Резонно, – заметил Николай Герасимович. – Говорите вы правильно, о чем и я часто думал. Одним словом, наши позиции совпадают. Но я уверен, что административного давления на сей раз не будет.

Удивление, вызванное на лице собеседника репликой, не осталось вне зрения кандидата.

– У вас какое-то сомнение на этот счет? – задал вопрос Абрамов.

– Я ничего вам не говорил. Я молча принял вашу реплику.

– Нет. Весь ваш вид говорит о том, что вы не согласны с моей позицией.

– Я молчу.

– А вы не молчите. Возражайте, протестуйте. Молчание – это хитрость умного человека.

Николай Герасимович стал рыться в бумагах и, вытащив оттуда клочок, протянул Боровинскому:

– Знаешь этого человека?

Собеседник пробежал глазами «Ветлугин Леонид Макарыч».

– Конечно, – последовал ответ. – Известен в нашей среде, как человек мудрый, с твердой позицией и взглядами, но о деловых качествах не могу судить.

– Пригласите его ко мне завтра утром к девяти часам.

Боровинский предвидел трудности, ожидающие его команду на новом этапе, и отрицать их не собирался. Знал он и о том, что раньше Шишкин бросал лишь пробные камни, чтобы убедиться в своей силе и безнаказанности. Первые выборы были для него генеральной репетицией, где проверялись законные и незаконные действия. На сей раз он в полную силу будет использовать административные ресурсы. В городе не так сильно будут чувствовать давление, ибо там люди не слишком зависят от властей. Работают на одном предприятии, а живут в разных концах. Увольнением не напугаешь. На весь район – один глава, не то что в Свяжском районе, где что ни поселок, то глава. Справку глава не выдаст, пока не услышит из уст старухи. Что голосовать она будет за нужного кандидата. Или соберет директор совхоза коллектив и дает наказ – все работники обязаны голосовать за Порошкова. Иначе... Иначе они будут уволены или к ним будут приняты другие меры. А директор сам находится под колпаком у районного шефа. Но откуда знать директору, за кого голосовали работники его ведомства? Результат подскажет. Проиграл кандидат – начинается гонение. Вполне возможно, что на удочку попадет не тот, но главное – нужно показать характер, пустить пар, чтобы неповадно было другим. И на будущее чтобы каждый намотал себе на ус. Директора школ тоже втыканы в эту обойму – учителя должны отдавать свои голоса... Вот и пойми их – директоров ненародного образования. Которые кричат. Школа от политики далека, а на совещаниях бесконечно предупреждают своих коллег об опасности, если победу одержит не тот кандидат.

Во главе этой шайки стоит Шишкин. Если у людей лицо, то у Шишкина маска. Ее носит он всю жизнь. Маска помогает ему скрыть свое истинное лицо. Лесть, двуличье, месть... Диву даешься, как люди, окружающие его, могут принимать эту маску за лицо. А ведь среди них есть и порядочные. Тут, видимо, уместна пословица, которая гласит: «Совестливые люди нужны людям без совести».

Шишкин годами вырабатывал привычку предстать перед людьми в благородном виде. Любую фразу произнесет с той любезностью, какая позволяет ему низость или двуличье. Лыстец первой величины. Перед начальством гнет спину до самого пола, а когда выпрямляется, на лице улыбка шакала. Оскалина! Если нужно, прольет и крокодиловы слезы. Двадцать лет гнул спину перед бывшим губернатором, который вешал ему ордена и медали, присваивал звания. В знак благодарности за все это Шишкин предал своего шефа за одну ночь. Правильно говорят: «Поражение рождает предателей».

Следует особо остановиться на последней награде, полученной Шишкиным на торжественной церемонии. К ордену «За заслуги перед отечеством» представил его бывший губернатор, а вручал новый. «Ты достоин более высокой награды», – шепнул ему шеф в ухо и приколот к ордену специально выпяченной для этой цели гуди.

Когда Черчилль ушли в отставку, его представили к ордену Подвязки. Черчилль отказался в знак протеста. Прошло время. К такому же ордену представили его преемника, его ярого сторонника Идена. Но он тоже отказался от награды в знак солидарности с человеком, который был для него кумиром. Вполне возможно, Шишкин не знал эту историю. Но на ее фоне поступок Шишкина кажется не только низким. Но и подлым.

Вернемся к ситуации накануне новых выборов. Место в Государственной Думе от Волжского края оказалось свободным, что удовлетворяло всех кандидатов, проигравших битву. О том мы уже сообщали. Недовольны были лишь власти, которые не откладывая в долгий ящик, старались довести до сознания масс, что во всем виноваты избиратели. Одновременно сетовали на то, что отсутствие депутата в высшем законодательном органе отрицательно скажется на социально-экономическом положении региона. Уровень жизни, мол, упадет и все таком духе. Во всем, мол, вините себя, уважаемые избиратели. Бросок

рассчитан на дальнюю разметку – на будущие выборы. Чиновники рассчитывали, что сознание масс к тому времени созреет и кандидат «против всех» рухнет как берлинская стена.

По мнению властей, депутат, занимая кресло в Госдуме, должен заниматься выбиванием средств для края. Получается, что 600 мандатников обязаны тянуть одеяло в свою сторону. Кто больше вырвет, тот и станет героем нашего времени. Думай, народ, думай! И ни слова о том, что виновата в провале сама власть. Ни слова о том, что цены неудержимо растут, опережая зарплату и пенсию, тарифы за коммунальные услуги стали непосильны даже среднему классу. Протест в народе зреет, зреет пока стихийно. Но может взорваться в любую минуту. Но ситуация власти не волнует, она снова и снова кормит народ обещаниями.

Глава четырнадцатая

ХОЛОПСКОЕ КНЯЖЕСТВО

*«Во всякое переходное время
поднимается эта сволочь,
которая есть в каждом обществе».*

*Федор Достоевский,
русский писатель.*

– Срочно приезжайте ко мне, – звучит голос Марии Владимировны Сидорчук в телефонной трубке.

– Что случилось? – спрашивает Бооровинский и не находит слов, чтобы продолжить разговор.

– Мне плохо. Мне надо высказаться.

Положила трубку. На душе у начальника штаба стало тревожно. Неужели гонение? Вся выборная борьба полна случаев шантажа, запугивания, издевательства. Филипп Шишкин окружил себя холопами, которые рыскают по населенным пунктам и учиняют беспредел. Чиновники районного масштаба приглашают к себе руководителей хозяйств и предприятий, директоров школ, работников культуры и дают прямое указание – как вести работу за кандидата от власти. С теми, кто на прошлых выборах агитировал за других кандидатов, шла эксклюзивная беседа. Им напоминали, на чьи средства они содержатся.

Еще в 1993 году Шишкин освободил шесть глав администраций, которые позволили коммунистам одержать победу на выборах.. в 1997 году ушли с постов еще три главы.

Андаев Герман Андреевич всю жизнь трудился честно и добросовестно. Работал директором школы и замечаний не имел. Посему и стал главой сельской администрации. В то время Шишкин долго искал себе соперника на выборах и остановился было на кандидатуре начальника почты. Начались сборы подписей и тут выяснилось, что молчаливый почтовик за короткое время представил их в избирком в два раза больше, чем положено. Глава района нахмурил брови и быстро отстранил почтовика от участия в выборной гонке. Дело запахло керосином. Все сроки выдвижения давно прошли, а он все искал себе соперника. Авторитет его был настолько низок. Что боялся он любой кандидатуры. Он готов идти в гордом одиночестве, как это делает туркмен-паша, но демократия требовала альтернативы. Глава не смыкал глаз – надо найти такого человека,

который незаметен в народе. После долгих раздумий его взор перекинулся на не менее тихого главу Речинской сельской администрации Андаева.

Разговор был недолгим. Управделами районной администрации предложил ему написать заявление, в котором Андаев Герман Андреевич выдвигает себя кандидатом на пост главы района. У будущего соперника глаза вылезли на лоб. Долго смотрел на чистый лист бумаги, стандартной формы и крахмальной белизны. Хотел спросить, привлёк внимание именно он, когда в районе немало глав, пользующихся абсолютным доверием и уважением Шишкина. Они-то уж действительно могут составить ему конкуренцию. Но сельский глава быстро смекнул – что и к чему. Он умел держать язык за зубами.

– Почему с большим опозданием? – все же поинтересовался Андаев, на что районный чиновник ответил молчанием. Когда заявление было готово, управделами внимательно прочитал его про себя и попросил поставить дату не сегодняшнего дня, а двухнедельной давности.

– А кто будет собирать подписи? – вырвалось у Германа Андреевича.

– Не волнуйся, без тебя обойдемся, – ответил чиновник и покинул гостеприимный дом.

Итоги выборов ошеломили. Новичок отстал от действующего главы чуть-чуть. А ведь за Андаевым строго следили. Однажды вечером он пошел к другу на чай, прошелся по улице, подышал свежим воздухом, а ранним утром в его квартире позвенел телефонный звонок.

– Вам велено никуда не отлучаться, – хрипел в трубке суровый мужской голос, – а ты ходишь по домам. Агитацией решил заняться.

Герман Андреевич раскрыл рот, но ничего не смог ответить.

Глава районной администрации тщательно анализировал результаты. Вот тебе и новичок! Вот тебе и тихоня! Еще чуточку. И ему, незаменимому, был бы каюк. Но победителей не судят – он остался на троне. За его спиной шушукали, хихикали, но он был невозмутим. А вот выборы в Госдуму не давали ему спокойно спать. Коммунисты снова посадили его в лужу. Снова губернатор не будет разговаривать с ним месяцами. Может и с трона столкнуть. Юрий Волгин действительно отгородился от своего любимчика, но кресла не лишил. Тем временем Шишкин подготовил новый список глав, которых ждет отставка. Первым в списке стоял Герман Андаев.

– Пиши заявление об уходе с поста по собственному желанию. – сказал чиновник, который несколько месяцев назад диктовал текст заявления совсем иного содержания.

У Германа Андреевича ручка застряла между пальцами.

– Что вы со мной творите? Мне осталось несколько месяцев до пенсии.

– Не умеешь бороться с коммунистами.

Андаев мужественно проглотил пилюлю.

А вот у главы Векшанской сельской администрации сердце не выдержало. Молодой, честный работник в расцвете сил ушел из жизни. До начала выборной гонки у Боровинского состоялась откровенная беседа с Катковым.

– Виктор Гордеевич, не бойтесь, что коммунисты победят в вашем воеводстве? – спросил он его, и собеседник ответил со свойственной ему решимостью, что пугает его не победа коммунистов, а позиция районного руководства, которое творит беззаконие. – Не пойму, почему губернатор не снимает его с поста. Ведь из-за него падает авторитет и самого Юрия Федоровича.

Мартовские выборы-2004 обнажили стиль районного начальства. Чиновники словно забыли, что имеются законы, что они, именно они, в первую очередь обязаны соблюдать их и следить за их исполнением. Они настолько обнаглели, что чувствовали себя в роли русских феодалов, живших по принципу – чего моя правая нога хочет.

В кабинете завотделом культуры шел настоящий допрос, которому мог завидовать любой следователь. На лобном месте сидела вчера директор Дубровинского сельского клуба Алла Максимовна Белова, которая еще на предыдущих выборах агитировала за Николая Абрамова.

– Вся моя семья поддерживает Николая Герасимовича, – открыто призналась она. – Я, мой муж, дочь и сын. Разве это противозаконно?

– Вы не доработаете до пенсии! – резко оборвала ее Мокшина. – Не забывайте, что у вас имеется семья. Кажется, ваша дочь работает в школе?

– Да, моя дочь является завучем в местной школе и пользуется, к вашему сведению, признанием.

– Если победит в Дубровине Абрамов, то будете виноваты вы! – крикнула в истерике чиновник от культуры. – Вы и вся ваша нация!

О боже! И эти слова вылетают из уст женщины, которая кормилась молоком матери-чувашки!

На следующей неделе состоялась беседа с дочерью Марии Владимировны.

– Заявление не напишу, – ответила надежда Викторовна спокойно. – Если в ваших силах – увольняйте. Я найду работу в городе.

На этом разговор кончился.

Накануне выборов Тамара Алексеевна Баландина пришла домой раньше обычного. Завершив домашние дела, она проверила тетради и легла спать. Рано утром ей нужно явиться на избирательный участок и занять место члена комиссии. Платье из плотного материала давно висит на кресле. Сапожки начищены. Цепочка из рубина для этого дня купил муж. Ей доверила быть членом комиссии абрамовская команда, и она дорожит этой честью. Настенные часы медленно отсчитывают время. Тишина. Как хорошо, что никто не нарушает ее в такой поздний час. Но Тамара Алексеевна ошиблась. Пятнадцать минут десятого раздался телефонный звонок.

– Тамара Алексеевна? – прозвучал в трубке женский голос. Получив утвердительный ответ, голос принял начальственный тон. – С вами говорит заведующая школами Валентина Изосимовна Пинтюшкина.

– Я слушаю вас, Валентина Изосимовна.

– У меня к вам одна просьба – вы не должны явиться завтра на избирательную комиссию.

– Но я назначена от...

– Я знаю, – перебила женщина на другом конце провода. – Я не думаю, что вам не понять последствий, если вы проигнорируете указание.

– Чье указание?

– Это не важно. Будьте благоразумны и не проявляйте излишнего рвения.

В трубке запиликали короткие гудки. В тот момент Тамара Алексеевна еще не могла оценить всю силу коварства этого шага, но почувствовала какую-то неловкость. Не за себя, а за женщину, которая стояла во главе учительских коллективов. Не она ли доказывала, что школа и политика несовместимы? Не она ли учила армию педагогов порядочности, справедливости, говорила о нравственных нормах? Ей, Тамаре Алексеевне, которая, как зеницу ока, хранит коммунистический билет, двадцать лет проработавшей директором средней школы, сейчас предлагают сделку с совестью.

Не волнуйтесь, Тамара Алексеевна. В эту обойму толкают не только вас. Несколько дней назад к бывшему директору Лесной школы пришел глава Криворотов Ильдар Хакимович. Приспичило, иначе его визит ничем нельзя оправдать. Он хорошо помнил последствия прошлых выборов. Недавно Шишкин снова дал понять, что из тех уроков необходимо делать правильные выводы. Освобождены авторитетные главы, но никто не поднял голос протеста, потому что знали – шишкинскую стену лбом не прошибешь. Все молчаливо ушли с постов, что придало главе дополнительную силу.

Криворотов страшно боялся участи своих коллег. Явился он к местному агитатору словно с повинной. Не пугал, не страшил, а начал напрямик:

– Анатолий Петрович, я знаю вас, уважаю, но и вы поймите меня. У меня пятеро детей. Куда мне податься, если я лишусь такого скромного места?

– Ничего не пойму, – держит ответное слово Бруснин и предлагает гостю занять место на диване.

– Перестаньте ходить по домам и агитировать за Абрамова.

– Ах, вот оно что, – изменился в лице ветеран и всерьез произнес: – Значит, тебе кресла жалко. А народ довели до ручки – тебе наплевать.

– Извините, я знал, что с вами разговор бесполезен.

– Нет уж, посиди и послушай меня до конца. Передай своему Шишкину, что придет время, буду и против него вести активную пропаганду. Неужели ему непонятно, что его время ушло. Предателей народ никогда не любил и не будет любить.

Криворотов молчал, а Бруснин только расхохотался.

– Скажи, почему ты пацанов привлекаешь к этому делу? Почему они срывают абрамовские листовки? Чему мы учим молодое поколение? Стыд и позор!

– Откуда вам это известно?

– Известно вот. Не дело заниматься главе противозаконными действиями... Чаю хочешь?

Криворотов пожал плечами.

– Вот что я тебе скажу, – произнес Анатолий Петрович, когда запахло ароматом луговых трав. – Прояви мужество.

– Не понимаю.

– Сколько глав освободил Шишкин по итогам прошлых выборов?

– Где-то семь или восемь.

– Кто-нибудь написал протест? Нет!

– А толку-то от протеста.

– Будет! Если тебя настигнет судьба твоих коллег, взбунтуйте. Дела у тебя идут хорошо, жалоб на тебя нет. Уволит – иск в суд. Ведь на что надеется Шишкин? На вашу трусость. Один раз потреплет ему нервы, он будет ходить цунгвангом, а не героем.

Криворотов вышел от ветерана с высоко поднятой головой и был рад, что встретился с человеком, который никогда не поступался моральными нормами.

Однажды жители села Строгово были удивлены – с раннего утра над клубом задымили дымоходы. Всю зиму не отапливался, а тут вдруг что-то нашло на начальство. А когда посыльные пошли по домам собирать людей, стало ясно – к строговцам приезжают высокие гости. Раз приглашают – надо идти. Бабушка Державина тоже нарядилась – не гоже посрамиться перед начальством. За столом президиума высокие чины из области и района. На встрече было все – и казачий хор, и обещания. Бедные строговцы! Сколько раз им обещали! И полы в клубе заменят, и колхоз восстановят. Терпением строговцев можно гордиться. Завидное качество! Но если терпение долго продолжается, как заметил мудрец, она смахивает на глупость. Бабушка Державина не выдержала и вышла на трибуну.

– Вы откуда приехали? – бросила она грозную реплику. – Из Америки? Но я вижу вас не впервой. Вон глава района сидит – упитанный, пухленький. Не вы ли, Филипп Гаврилович, обещали золотые горы, когда передавали наш колхоз соседнему хозяйству? Что мы получили? На ферме не осталось ни одной коровы. Всех растащили. Стыдно признаться: умирает ветеран – доски на гроб ищем всем селом. Вот что стоят ваши обещания.

Ветеран сходит с трибуны и идет к своему месту под аплодисменты. А в третьем ряду сидит энтузиаст-патриот Юрий Данилин. У него в руке альбом, где собраны документы и фотоснимки, рассказывающие о селе. Разорили дотла! Котельная с разбитыми рамами и разрушенными стенами напоминает о том, к чему причадили строговцы. Технику растащили местные чиновники. На животноводческую ферму доярки забыли дорогу. К музею боевой и трудовой славы тропа заросла бурьяном. Да, альбом Юрия Данилина останется как документальное свидетельство. Был богатейший колхоз, его не стало. На лицах строговцев появились грусть и недоумение. Потеряна вера во власть. Но они на что-

то еще надеются. Бедные строговцы! Сколько раз вас надували чиновники, сидящие за столом президиума. Послушайте хоть раз абрамовского агитатора, и у вас откроются глаза на многие вещи.

Холопству нет предела. Каждый холоп старается изобрести приемы и средства, которые выглядели бы эффектно. В этом плане изобретение Николая Чижика может претендовать на солидную премию. Если бы не сам Шишкин, оно могло остаться незамеченным. В день выборов глава района как-то решил организовать турне по выборным участкам. Побывав в нескольких местах, он наконец очутился в Овражке. Вошел как всегда размашистыми шагами, в окружении свиты, в которой особенно выделялся переодетый в гражданскую форму начальник милиции. Шишкина мало интересовали члены комиссии. Его внимание привлекали наблюдатели.

– Чьи интересы вы представляете? – подошел он к молодой белокурой девушке.

– Я от Федоровой, – ответила курносая, и лицо ее стало розовым.

– А сами где живете?

– В Овражке.

– В Овражке? – побледнел местный князь и тут же обратился к своему вассалу. – А ты куда смотришь? Под твоим носом вон какие дела творятся, а ты молчишь. Живет в Овражке, а работает на чужака.

Шишкин, видимо, решил проэкзаменовать всех по порядку и перешел к соседке.

– А вы от какого кандидата?

– Я от Чижика, – ответила смущенно девушка, вызвав в свите Шишкина недоумение.

– Какого Чижика? По-моему, в списке такого кандидата нет. Не тот ли Чижик, которого когда-то выдворили из обкома?

– Он самый, Филипп Гаврилович, – подал голос советник главы.

– Чем вы занимаетесь?

– Записываю тех, кто приходит на выборы.

– Разберитесь и доложите, – обратился глава к своему помощнику, – какое новшество изобрел этот бывший партократ и почему я ничего не знаю.

– Будет выполнено, Филипп Гаврилович.

А новшество Чижика заключалось в том, что он накануне собрал коллектив и строго предупредил – кто не явится на избирательный участок и не проголосует за Порошкова, может подать заявление об уходе с работы. Татьяну Вилкову он посчитал самой добросовестной девушкой для этого нового дела. Она действительно аккуратно записывала каждого работника и сдала список лично хозяину.

Холопскую элиту можно продолжить. Но и этих имен достаточно, чтобы подвести черту. Глава района усердно воспитывал в своих вассалах холопский характер. Правда, он и сам был высшего начальства холопом высшей гильдии. Придет время, когда вся эта холуйская команда будет поливать грязью своего хозяина. Придет время, когда они, не моргнув глазом, начнут клясться в верности новой власти, ибо они не имеют ни совести, ни чести.

АБРАМОВ, НА ТРЕТЬЮ ПОПЫТКУ!

*«Человек – все равно что кирпич:
обжигаясь, он становится твердым».*

*Бернард Шоу,
английский писатель.*

Никлая Абрамова пресса как-то назвала темной лошадкой. Действительно, до начала выборов его мало кто знал, а результаты первого круга говорили о том, что он не представляет серьезного конкурента. Но именно этого имени больше всего боялись в Свяжском районе. Именно это имя вызывало страх в среде районного чиновничества. Не имея в арсенале веских аргументов против его программы, они как суслики, спрятались в своих кабинетах и отказались от открытой полемики с абрамовскими агитаторами. Свое жало они пускали им в спину, выбрав грязные средства в политической борьбе, не останавливаясь ни перед законом, ни перед моралью.

Николай Абрамов стал для них грозой.

В небольшом поселке Черный Ключ проживает всего-навсего двести тридцать избирателей, но в период выборной кампании там побывали чиновники самых разных уровней. Вообще-то ничего зазорного нет, если чиновники приезжают для того, чтобы оказать помощь. Пустить в клубе тепло или отремонтировать школу. Но цель у них иная. Все они посетили учительский коллектив и призывали не голосовать за Николая Абрамова. Их не интересовали другие конкуренты, а имя народного кандидата застряло в их горле, как комок. Учителей пугали тем, что в случае его победы школа будет закрыта и педагоги останутся без работы. В день выборов из районного отдела постоянно звонили по телефону, интересовались, как приходят к урнам инженеры детских душ.

Боровинскому были известны закулисные игры чиновников. Он постоянно говорилб «Надо вынуть жало у них жало». Но он был бессилён. Усиленно искал формы противостояния, но не находил. Вся его команда работала на полуправильном положении. Главное – донести до народа программу кандидата, рассказать о кандидате, как о личности незаурядной, мужественной, нацеленной на созидание. Он попросил своего друга написать очерк. Журналист Геннадий Царев обладал талантом улавливать важные штрихи, преподнести их в форме доходчивой, без высокопарных слов и эмоций. Когда появился очерк, Боровинский сказал: «Это то, что нужно народу».

«Созидание – смысл его жизни». – прочитал он заголовок и задумался. Да, созидание – его главная цель. Созидать – трудное дело, а разрушать не надо ни ума, ни сил. Горбачев в один миг разрушил великую державу. Прошла дюжина лет, а в стране не построено ни один завод. «Да, созидание подвластно только людям, живущим интересами народа», – произнес он вслух и залпом прочитал очерк.

Повторные выборы снова не выявили лидера. Снова победил кандидат «против всех». Народ смеялся над властями – их кандидат провалился как пьяный мужик в прорубь. Обстановка в регионе обострилась. В массах нарастала апатия. Власти приуныли. В кулуарах во всех грехах винули главу, рейтинг которого скатился к нулевой отметке. Новые выборы назначили на 5 декабря 2004 года. Они вселяли какую-то надежду – в этот день волжане должны избрать и губернатора. «выборы обязательно состоятся!» – уверенно крикнула власть, а кандидат «против всех» рухнет, как берлинская стена. Но кто займет его место, никто не решался оглашать.

Власти на сей раз отказались выставить кандидатуру. То ли хотели сосредоточить силы на выборе губернатора, то ли не были уверены в победе – бог судья. Но решение властей позволило расправить крылья другим кандидатам. Николай Абрамов пошел на третью попытку, что давало пищу для самых невероятных слухов и вымыслов. Одни считали такой шаг совершенно недопустимым. «Народ ему два раза отказал, а он все лезет», – говорили они вслух и были уверены, что правы. «Народ его еще не понял, – твердили другие и обосновывали свою позицию не менее в веских доводах. – Надо решительней раскрывать его программу, и люди его поддержат». «Даже спортсмену дается третья попытка, чтобы преодолеть высоту, – объясняли трети. – Закон на его стороне. Пусть сделает третью попытку».

Глава шестнадцатая

НА РЫБАЛКЕ

«Характер закаляется в бурях жизни».

*Гете,
немецкий поэт.*

Каждое утро Боровинский закидывал за спину рюкзак и, держа удочку в правой руке, отправлялся к заливу. Не одна прибрежная тропа тянется к нему. И все пересекаются друг с другом не один раз. Коровьи следы, заполненные летним дождем, шлюпают под резиновыми сапогами. Миновав покосы, от которых веет душистым запахом трав, он вышел к поляне, куда еще не ступала нога косаря. Из-под зеленой массы выглядывают желтые пучья зверобоя, красные лепестки иван-чая и еще какие-то травы, названия которых ему неизвестны.

Вот и начало залива. Камыш стоит сплошной стеной, сужая небо над землей. Подует ветер – зашевелиятся верхушки, склоняясь друг к другу, о чем-то начинают тихо шептаться. До излюбленного места еще с полверста, но Боровинский не торопится. Он любит эту утреннюю красоту, пробуждающую в нем вдохновение. Где-то он читал, что Бетховен создавал свои шедевры не в кабинетной тиши, а в движении. Ему нужен был простор, особый ритм жизни, чтобы в голове рождались музыкальные мотивы, которые придя домой, он моментально переключивал на нотную бумагу. То был гений, но принципы, общие правила должны быть присущи всем людям. У Боровинского привычка сочинять во время прогулок утверждалась задолго до того, как узнал биографию великого композитора. Темы менялись, но бетховенский стиль входил в жизнь.

Он и в политике строил свои планы в движении. Проиграли две выборные баталии, но не было никакой горечи. «И только потому, – думал он, приближаясь к излюбленному месту, – что кандидат оказался из той когорты людей, которые не пасуют перед трудностями. Он подобен стреле, пушенной из сильного лука. Не может остановиться на полпути, а поражения его только подхлестывают». Настораживало лишь одно обстоятельство – кандидат рвется к цели без глубокого анализа того, что уже осталось позади, без выработки цельной линии, хотя не уклонялся от коллективного обсуждения проблем. У него неисчерпаемый запас упорства, доходящего до упрямства, которое не дает ему зачастую правильно оценить ситуацию». Иногда Абрамов восклицал: «Вы правы! Я ведь тоже об этом думал и вашу полностью разделяю!». Быстро соглашаясь с доводами собеседника, он так же быстро забывал о них и при принятии новых решений, бывает. Занимает совсем иную позицию.

Абрамов за короткое время одним стал безмерно дорог, другим – страшен. Дорог своей порядочностью, оптимизмом, неумным желанием служить народу. Страшен своей конкретной программой на благо волжан, страшен для чиновников, думающих денно и

ночно о своих карманах. Но к нему все – и сторонники, и противники – относились безразлично.

Боовинский не заметил, как закинул удочку и занял удобное место на небольшом бугорке. Оторвался от мысли лишь тогда, когда поплавок резко ушел в глубину. Плавно потянул удилище на себя, и над потемневшей гладью воды забулькал серебристый карась. Боровинский посмотрел на восток – небо обложило основательно, и черная темень надвигается, как орда. Сдержанное рокотание грома заставило рыбака накинуть на себя отцовский плащ с капюшоном.

Дождь поклевал поплавок. Потом пошли мелкие пузыри и кружочки. Вода в заливе пришла в движение, словно свинцом покрылась. К берегу накатом катятся волны. То высокие, то низкие. Шумно ударяются о песчаную отмель и снова откатываются назад, оставляя за собой белую пену.

Спешить домой все равно не следует. Летний дождь короткий. Хотя каскады его хлещут ему по спине, он спокойно следит, как крупные капли беспрерывно ударяются о волны, словно хотят врезаться в их пучину.

Скоро тучи глухой стеной ушли на запад, и солнечные лучи осветили сначала ветки ивушки, а потом утихающую гладь залива. Прошло еще полчаса, и в воздухе зазвенел зной. Солнце, казалось, неподвижно застряло в зените.

Клев не оставлял времени на размышления. Караси, окуни, красноперки не давали передышки, будто стояли в глубине в очереди за наживкой. Когда он закинул удочку поближе к противоположному берегу, услышал за спиной тихий шелест травы. Оглянулся и своим глазам не поверил – в двух шагах, широко улыбаясь, стоял Николай Герасимович. В спортивной форме, в китайских кроссовках и с удочкой в левой руке. Еще больше удивился он, когда из машины вылезла его жена Вера Алексеевна и помахала рукой.

– Красивые места! – воскликнул гость, оглядываясь по сторонам. – Кругом камыши, а до Волги, чувствуется, рукой подать.

– Но как вы нашли меня? – не скрывал удивления Боровинский.

– Адрес у тебя один – берег реки, – выбросил шутку Николай Герасимович и по дружески обнял товарища.

– Наживка для нас найдется?

– Червей достаточно, хотя карась хорошо клюет и на серый хлеб.

– Я-то рыбак так себе, а вот моя супруга – настоящий мастер.

Вера Алексеевна успела уже переодеться. Небольшого роста, с пухлыми губами и тонкими чертами лица. Спортивная форма ей особенно подходит.

– Удачного улова! – произносит она мягким голосом и скользит глазами по берегу залива.

– Спасибо, – отвечает любитель-рыболов. – Можете занять любое место. Как говорят, здесь места клевые.

– Вы сидите тут, а я поищу место по своему вкусу, – сказала Вера Алексеевна и удалилась ближе к камышам.

Боровинский поймал небольшого окунька и, вытащив из садок, бросил туда рыбешку.

– О, сколько наловил! Наверное, с утра сидишь.

– С раннего рассвета, когда вся природа еще тишиной объята. Идешь по лугу и душа нараспашку – дышится легко и свободно. Какие новости в городе?

– О новостях потом. Хотя рыбалка – не мое хобби, но знаю – она любит тишину.

Так и сидели они, наслаждаясь красотами природы, изредка перебрасываясь словечками да шутками-прибаутками. Абрамов понимает шутку да и сам не прочь задеть за живое – знает, собеседник не обидится. Так прошел этот чудный день. Солнце ушло за горизонт, стали слабеть лучи. Проснулись комары, застрекотали в траве кузнечики. Потух закат. Тьма поглотила берега и опустила на залив. Растворились в темноте камыши, вершины деревьев, ровными рядами высившихся на том берегу. Сумерки выползли словно из-под земли и мгновенно окутали окрест.

– Пора, – сказал Боровинский и стал укладывать снасти. Вытащил садок – забулькали рыбешки.

Абрамов нажал на газ, и машина с ревом стала подниматься по холмистому месту.

– Где вы научились рыбачить, Вера Алексеевна? – поинтересовался Боровинский, когда машина переехала асфальтовую трассу и грунтовая дорога свернула на деревню.

– Была бы рыба, а ловить не мудреное дело, – улыбнулась Вера Алексеевна.

– Не так-то скажи. Рыбалка – это тоже искусство.

– Не спорю. Мы с детства ходили с подругами на Ветлугу. Ребята делали нам примитивные удочки, и мы целыми днями пропадали на речке. С тех пор и осталась эта привычка.

– Для многих великих людей рыбалка была любимым занятием. А недавно прочитал, что даже Антон Павлович Чехов увлекался рыбной ловлей. А для меня она, как сражение. Идет поединок между мной и рыбой. Чем хитрее рыба, тем интересней борьба.

Уха получилась отменная. Немного пшена, разрезанная на мелкие куски картошка и куча зелени – укроп, петрушка, зеленый лук. Расположились в саду. Свет от луны освещает стол и скамейки. Смастерил сам хозяин. С трех сторон – вишневый сад. Вдоль тропинки, ведущей к беседке, цветы: ромашки с крупными белыми лепестками, георгины, хризантема. Они сели друг против друга и наполнили граненые стаканы. Вера Алексеевна заняла место сбоку, под вишневыми ветками. В отличие от залива, в саду нет ни мошкеры, ни комаров.

– Здесь нет болотистых мест, – пояснил хозяин и, процедав уху, чмокнул губами. Хороша!

Как и надо было ожидать, скоро главной темой их разговора стала политика. Вера Алексеевна извинилась и пошла в избу. Удивительная она женщина. Насколько помнил Боровинский, никогда не вмешивается в дела мужа, не участвует в полемике, хотя ему не раз приходилось с ней дискутировать. Умеет отстаивать она свою точку зрения, но знает во всем меру и, как говорят, свое место в обществе.

– Вы спросили о победе, – начал осторожно Боровинский и заметил в глазах гостя крупные черные зрачки, которые особенно ярко отражались при лунном свете. Ему только в цыганский табор податься. – Но прежде чем говорить о победе, мне кажется, нужно оценить ситуацию. Но она пока оценке не поддается.

– Почему?

– Потому что мы еще не знаем, кто будет нашими конкурентами. Если откажется от борьбы Юрий Волгин, обстановка разрядится. В нашу пользу, конечно.

– Он будет бороться за кресло губернатора, – решительно заявил Николай Герасимович.

– Но главным барьером будет административный диктат. – Его на сей раз тоже не будет, – еще решительней произнес гость и наполнил стаканы водкой. – Это я заявляю твердо.

– На чем основывается твоя уверенность?

– Им важнее бросить свои силы на главный фронт, на борьбу за губернаторское кресло.

Наступила пауза, которая оказалась кстати. Собеседники принялись за еду. Луна вышла из-за туч и сбросила световую энергию на стол. Ночь лакала тишину, а в саду разговор только разгорался.

– Провели столько выборов, что у народа, кажется, притупилось чутье, – как бы невзначай проронил Боровинский.

– Да, народ устал, – поддержал его гость. – Но на сей раз протестный кандидат не устоит.

И собеседник изложил свою точку зрения на этот счет. По его мнению, для избирателей появился дополнительный стимул – выбор губернатора. Активность их будет неизмеримо высока, и кандидату «против всех» будет нанесен решающий удар.

Да, мнение Абрамова сходится с тем, о чем беспрестанно трубит пресса. Но Боровинский уверен, что Николай Герасимович пришел к этому выводу без посторонней помощи. В нем сильно развито чувство предвидения и он умеет анализировать факты и события. И это еще одно качество, которое ставит его на голову выше многих руководителей.

– Вы говорили о важности серьезной подготовительной работы, – вернулся Боровинский к разговору на рыбалке. – На этот счет у тебя имеется план?

– В голове. Пока что только в голове. Но мне небезынтересно послушать твои предложения и советы. Кстати, это главный повод моего визита.

– Может, зайдём в избушку?

– Да что ты. Тут такая красота, что покинуть этот райский уголок могут только чудики.

– Что тебя конкретно интересует?

– Я все же хотел бы знать твое мнение о конечных результатах. Как говорил мудрец – заглянуть в конец.

– Но я не пророк. Для меня важно ринуться в бой, но в боевой готовности. Во главе с такими командирами, которые способны к анализу и смене тактики в зависимости от ситуации, тверды, решительны и в состоянии наладить слаженную работу.

– У нас с тобой мнения совершенно идентичны. – Начнем с начальника штаба. Ветлугин, безусловно, подготовлен, рассудителен и хладнокровен. Но он хорош на второй позиции. Он медлителен, не может требовать, не способен к смене тактики, но главное – не в состоянии... Скажите, какую черту русских революционеров вы считаете самой главной?

– Думаю, решительность и мужество.

– Они обладали сильной волей. Так вот. Я считаю, в выборной гонке сильная воля – незаменимая вещь. Нам нужны люди с сильной волей.

– Ветлугин не будет начальником штаба, – прервал его Абрамов и добавил, что на его место будет приглашен человек из столицы. Он стал раскрывать положительные качества москвича, делая акцент на его эрудицию, умение работать с людьми. – Кстати, придет он не один.

Заметив, что Боровинский слушает его с некоторым удивлением, гость выкинул фразу, которой часто пользовался, как приемом для снятия недоразумений.

– Я вижу, вы не согласны с моей инициативой.

– Откуда ты взял, что я не согласен? Я пока ни одного слова не произнес по этому поводу.

– Разве ваш вид не говорит, что ты не разделяешь моего мнения? Нет уж, дорогой товарищ, раскрывайся полностью. Между нами все должно быть прозрачно.

– Вопрос с москвичами, как я понял, уже решен. Поэтому считаю своим долгом ваш запрос оставить без ответа, – произнес хозяин безразлично.

– Какова моя роль в выборной кампании?

– Ты остаешься начальником штаба Свяжского района и будешь моим советником. Мне нравится твоя открытость и мужество говорить правду. Кстати, недавно я прочитал удивительную вещь. Оказывается, у Гитлера был человек, которому он дал право говорить правду. Только правду, какая бы она ни была. Этому был удостоен только один человек, и никто об этом не знал. Вот такое право я тебе и даю.

– Спасибо за доверие, но мне не под силу такая миссия. Чтобы говорить правду, надо много знать, быть в курсе всех событий, регулярно читать прессу, не отходить от телевизора, а я кроме рыбалки ничем не занимаюсь.

– Рыбалку придется на время забыть.

– Может, перебросишь меня в город? В Свяжском районе система отлажена, агитколлектив подготовлен. Неплохо справится на посту начальника и Кислов, если согласится вернуться в нашу команду.

Кислов Василий Яковлевич на прошлых выборах возглавлял в Новогорске штаб Юрия Волгина, который был оппонентом Николая Герасимовича. Он не мог отказать своему кумиру в просьбе, и его решение сражаться в стане противника было принято как оправданная мера. Сейчас Юрий Волгин будет баллотироваться на пост губернатора, и в том, что Кислов вернется в абрамовскую команду, у Боровинского не было никакого сомнения.

– Ваше место в районе, – спокойно ответил гость и посмотрел на небо, усеянное звездными пылинками. – В понедельник за тобой пришлю машину.

В соседнем дворе загорланил петух. Красиво все же в деревне!

Глава семнадцатая

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ

*«Худшие враги – из бывших друзей:
бьют по твоим слабостям, по уязвимому месту».*

*Грасиан,
испанский философ и писатель.*

Шишкин вошел в кабинет губернатора с гордой походкой и самодовольной улыбкой. Ноги ставит на ковровую дорожку, как грач – чинно и аккуратно. Шеф встречает его с крепким рукопожатием и приглашает пройти в комнату, где все приготовлено для приема дорогого гостя. Секретарша уже предупреждена – хозяйина в Белом доме нет. Она точно знает, в какое время принести кофе и как отвечать на телефонные звонки.

– Его нынче не будет, – рокошет ее голос в трубке. – Звоните. Да, завтра он улетает в столицу.

А в кабинетной тиши в это время ведется задушевная беседа.

– Ты превзошел все мои ожидания, – не скрывает восхищения лидер волжан, слегка покручивая усы, которые изящную изогнутую форму.

Штанько смотрит на своего любимца с особым чувством признательности. Но глава Свияжской администрации не торопится с ответным словом. Он поднимает бокал на уровень прищуренных глаз, и янтарный цвет вина отражается на его лице. Звон фужеров нарушает комнатную тишину, обставленную мебелью из красного дерева.

Шишкин приучил себя терпению. Он не знал, по какому поводу шеф сказал в его адрес лестные слова. Подобно страусу он никогда не высовывал голову – вдруг окажешься в смешном положении или попадешь в простаки. Ему в сто раз приятнее слушать хвалебные оды в свой адрес. От них он таял, как сахар в стакане воды.

Шеф досконально изучил слабости человека, который прославился не своими способностями служить на благо народа, а предательством прежнего кумира. Уже одно это обстоятельство делает человека негодяем. Если бы Юрий Волгин знал, что его любимец обладает непревзойденным даром перевоплощаться, то смотрел бы на него другими глазами и давно расстался. Но кумир оказался ослепленным его лестными восклицаниями. Шишкин великолепно сыграл роль преданного вассала. В течение двух десятилетий Волгин не находил ни одного темного пятнышка и грел под крылом двуликого Януса. Знал Штанько и о том, что Шишкин – лжец, прославившийся тем, что свою правоту доказывал лишь одним приемом – безмерно обливал грязью тех, кто был ему неугоден.

Глава Свияжского района ждал, когда шеф откроет занавес и раскроет причину, как он выразился, признательности. Ему и раньше приходилось слышать от него похвалу, но чтобы наедине, с глазу на глаз – он не помнит. Дружба их длится уже целый срок, которая имеет совсем иную окраску, нежели подлинная. Их дружбу можно

охарактеризовать фразой: «Ничто не сплачивает людей, как совместно творимая несправедливость».

Они глотали бургундского вина и смотрели друг на друга. Штанько испытующе и подозрительно, словно готов раздеть его догола, а Шишкин масляными глазами, готовыми меняться в любую минуту.

– Столб упадет – забор не удержится, – вдруг произнес задумчиво шеф и перевел взгляд на огромное окно, выходящее на главную площадь города.

– К чему это вы, Иван Владимирович? – насторожился Шишкин и тихо поставил фужер на столик. – Столб... Забор... Я вас не понимаю.

Штанько встал и подошел к окну. На площади от утреннего дождя блестел асфальт.

– Видишь, снова собирается народ. Снова коммунисты куда-то зовут. Повышение тарифов... Монетизация льгот... И во всем виноват губернатор.

– Но вы не совсем правы, Иван Владимирович. Коммунисты уже не представляют силу. Вон как умяли мы их лидеров. Круглову вы давно закинули на шею аркан, а я в два счета сумел охомутать Нагееву, которую коммунисты до сих пор считают неподкупной, – скривил губы Шишкин и посмотрел на своего шефа. – Что касается митингов, собака лает – ветер уносит.

– Ветер уносит этот собачий лай в столицу, дорогой друг. В столицу! – усилил голос шеф и отошел от окна. – Завтра снова приглашают. Будут снова предлагать посты.

Глава Свияжского района вдруг понял, что дни шефа сочтены, но он, Шишкин, не должен выдавать своего внутреннего состояния. Он привык к переменам, и к новым должен быть готов. Спасибо, шеф, за предупреждение. Как же такое могло случиться? Он посвятил ему в местной газете целые страницы, хвалил его стиль, а сейчас... Как он прозевал грядущие перемены? Необходимо быстро перестроимся, менять шкуру в духе чеховского хамелеона. Он сидел без движения, мускулы задергались, а под глазами выступили синие линии. Он мог сидеть еще долго в состоянии стагнации, но пронзительный взгляд шефа привел его в чувство.

– Что с тобой, Филипп Гаврилович? Готовитесь к новому прыжку? – произнес губернатор, и эти слова окончательно вывели его из шокового состояния. – Но я не дам согласия. – И правильно сделаете, Иван Владимирович. Будем бороться до конца, – торжественно произнес глава района. – За победу!

Но мысли Шишкина бродили уже в другом конце света. В эти дни и ночи ему придется решать задачу с несколькими неизвестными. Необходимо подыскать людей, которые могут оказать услугу. Нельзя терять ни секунды времени. Новую статью из редакции срочно отозвать. Это сделает...

– А пригласил я тебя вот по какому поводу.

Голос шефа прервал ход его мысли, и Шишкин искусственно улыбнулся. Думал, что шеф сходу откроет секрет. Но шеф молчал. Шишкин насторожился, как глухарь на голой ветке.

– Я слушаю вас, Иван Владимирович, – не выдержал он тягостную паузу.

– Как могло случиться, что кандидат от власти в твоём районе набрал в два раза больше, чем Абрамов? В чем сила вашей агитации? Можешь раскрыть мне секрет?

«Вон оно что. – подумал Шишкин, и двуликая ухмылочка пробежала по его лицу. – Да, во всех городских районах кандидат от власти потерпел сокрушительное поражение, а в моем стал героем дня. Никому неведомо, сколько сил потрачено, сколько бессонных ночей проведено, чтобы обеспечить победу».

И Шишкин подробно рассказал о титанической работе, проведенной его командой. В обход всех законов и инструкций. Как в дело были подключены руководители всех уровней и рангов, как сумели заблокировать главного конкурента и его агитаторов. Конечно, главный упор он сделал на свои заслуги. И в этом он был прав. Штанько слушал его с усиленным интересом, что заставило собеседника чуточку поволноваться.

– Спасибо тебе за подробный рассказ, – сказал наконец шеф, и звон фужеров снова заполнил просторную комнату. – Твой опыт нам пригодится.
И только сейчас понял Шишкин, с какой целью пригласили его на прием.

Когда площадь Ленина перед зданием администрации после многолюдного митинга опустела, в кабинет вошел кандидат в Госдуму Николай Абрамов.

– Нет-нет, – встретил его губернатор с улыбкой. – Я пригласил вас не для того, чтобы вы сняли свою кандидатуру.

– Приятно услышать от вас такие слова, – ответил кандидат с некоторой осторожностью и пожал руку губернатора.

Походка у Абрамова широкая и твердая, среднего роста, коренаст в плечах. Разговор с первых минут принял деловой оборот.

– Я обещаю вам, что административные ресурсы мы спрячем пока в сундук под надежным замком. можете действовать, как говорят, не оглядываясь назад. Но и помощи не ждите. Власть переходит на ней-тра-ли-тет.

– Спасибо, но я не уверен, что Шишкин не соблазнится на шаги, которые им уже опробованы. Они сидят у него в крови. На прошлых выборах он изобрел такую систему, от которой демократией и не пахнет.

Абрамов хотел назвать его систему авантюрой, но воздержался от резкого выпада, – не надо слишком натягивать тетиву – может лопнуть.

– Что было, то было, – спокойно ответил Штанько. – Шишкин предупрежден, и он дал слово, что его позиция не грозит вам никакими последствиями. С сожалением могу констатировать лишь одно – вы допускаете большую ошибку, не вступив в ряды правящей партии. Вы могли еще в первом раунде могли получить мандат.

– Я. – независимый кандидат, – не менее спокойно ответил Николай Герасимович. – Я защищаю интересы не одной партии, а народа. Я готов поддержать действия любой партии, если дела ее служат улучшению жизни людей.

Он хотел сказать, что люди стонут от произвола властей. Безработица приняла угрожающие размеры. Следом за ней спешат нужда и отчаяние. Протестные акции и ярость накаливают обстановку до предела. Взамен рабочих мест власти предлагают кабаки и трактиры. Шакалы кинулись на гнилой запах и отвернулись от человеческих бедствий, наживая на горе людей неслыханные барыши. Настроение у горожан мрачное. Недовольство зреет, как земляника в знойное время, но в отличие от ягоды, вкус у этого недовольства горький и неприятный. Протестные акции – серьезный сигнал, но власть чувствует себя спокойно, ибо давно привыкла к волнениям, которые не угрожают ее устоям. Народная рука тянется к топору, но доступ к нему запрещен. Раз революция карается по закону, то власть подобно крыловскому коту спокойно доедает курицу.

– Дай время – улучшение наступит, – убеждает губернатор. – Наша партия существует недолго и с помощью президента она сделает перелом.

– Времени для перелома было достаточно, – ответил Абрамов. – И вы об этом хорошо знаете.

Тут нужно вмешательство политика. Партия власти существует четырнадцать лет. Названия она меняла десятки раз, но корень оставался без изменения. Она словно забыла, ради чего были начаты реформы. Невольно напрашивается аналогия с партией большевиков, которая за четырнадцать лет – с 1922 по 1936 год – измученную и разоренную гражданской войной и военной интервенцией Россию превратила в мощную индустриальную страну. За это время построено 6000 крупных предприятий и ликвидирована безработица! За четырнадцать послевоенных лет – с 1946 по 1960 год – партия большевиков сделала страну мировой державой, где задержка зарплаты на один день считалась чрезвычайным происшествием. Завершилась эта эпоха освоением советским человеком космоса. Партия власти за время перестройки не построила ни

одного завода, а стабилизационный фонд в несколько миллиардов рублей отправлен в США, чтобы еще выше поднять экономику этого хищника.

Николай Герасимович в ходе выборной борьбы часто задавал вопрос – куда движется страна? От выборов до выборов он рос политически, закалялся нравственно, и в нем росла неумная страсть служить народу. Он вырос настолько, что готов вступить в полемику в любую минуту, но понимал, что приглашен сюда для другой цели.

– Мне твоя программа импонирует, – круто изменил тему губернатор. – Она реальна и выполнима. Или я ошибаюсь?

– Ошибки нет, – ответил хладнокровно кандидат. – Если ее удастся реализовать, польза для народа будет колоссальная.

– Обещаю, если я останусь губернатором, ваша программа займет надежную поддержку. Но для этого...

Абрамов насторожился.

– Но для этого мы должны договориться.

– Я вас слушаю.

– Вы должны весь свой арсенал, особенно пропагандистский, заставить работать на меня. Я слышал, что вы создали отряд агитаторов, способный свернуть горы. Я ошибаюсь?

– Ошибки нет. Но я вас должен огорчить. Ни один отряд не в состоянии выполнить свою миссию, если он агитирует за серую личность. Если агитаторы объединятся вокруг человека авторитетного, честного, живущего интересами народа, то они действительно могут свернуть горы.

Наступила тишина. Мучительная, натянутая, неловкая. Преимущество Штанько в этой атмосфере было в том, что беседа проходила его кабинете. Властные ноты в его голосе должны давать знать, что хозяином в разговоре он, отставной чин.

– Вы думаете, я – не личность? Я, к вашему сведению, прошел афганскую войну и получил не одну награду Родины.

– Я ценю ваши заслуги, но ваш рейтинг неумолимо катится к нулю. Неужели вы до сих пор не поняли, что ваше время ушло? Вы потеряли доверие масс.

Глаза у губернатора залились кровью, усы стали дергаться, и он глухим голосом пробасил:

– Вон отсюда!

Абрамов твердой походкой направился к выходу, взялся было за позолоченную ручку, но передумал. Повернулся и четко произнес:

– Иван Владимирович, если не ваш стиль, то не выросли бы такие типы, как Шишкин.

– Вон отсюда! – еще сильнее крикнул губернатор вдогонку.

Его голос вырвался в открытую дверь, прокатился по коридорам Белого дома и ударился о мраморные столбы. А Николай Герасимович чеканил по площади Ленина. Никогда не чувствовал он себя так свободно и легко, как сегодня. Будто свалил с себя груз непонятного, двоякости, неопределенности. Шагал уверенно и четко и думал о том, как еще больше приблизить программу к нуждам простых людей.

На улице стояла октябрьская погода. Желтые листья застилали асфальт, а по небу плыли свинцовые облака.

Глава восемнадцатая

КОНФЛИКТ

«Смотри в корень».

Козьма Прутков.

Заседание штаба посвятили одному вопросу – выработке условий договора с агитаторами. Все понимали, что агитаторы представляют главную опору кандидата. необходимость тщательного подхода к их подбору проверена опытом прежних кампаний. Подбор зависит от штаба, а вот оплату их труда определяет денежная касса кандидата. Но

и она, касса, нуждается в особом подходе. Выбросить деньги на ветер большого ума не требует, а заставить, чтобы деньги работали на пользу, нужно слегка пошевелить мозгами.

– В прошлой выборной кампании агитатор получал 1000 рублей, – начал начальник штаба свой доклад. – Я думаю, сумму нам следует оставить без изменения.

Макарыч, как его звали в окружении, среднего роста, круглолицый с темным загаром и черными глазами. говорит тихо, но басом, подчеркивая каждую фразу акцентом. Самое привлекательное на его лице – усы, угольного цвета, придающие его натуре серьезный вид.

Члены штаба ждали продолжения речи, но докладчик резко повернул голову в сторону кандидата, сидевшего с ним рядом, стараясь, видимо, уловить его реакцию.

«Не понимаю, – подумал Боровинский, – как можно выйти на трибуну, не согласовав вопрос с кандидатом. Неужели они считают, что деньги – пустяковая вещь?».

Но тут же раздался голос кандидата.

– Мне кажется, сумму нужно пересмотреть, – начал он четко и громко. – Цены растут неудержимо, и нам следует идти в сторону повышения. Я предлагаю 1500 рупий каждому агитатору и такую же величину в случае обеспечения победы на участке.

Гул одобрения прошел в стане штабистов. Макарыч фамильярно погладил мадьярские усы, а кандидат продолжил:

– Вопрос на голосование не будем ставить. Думаю, эта сумма удовлетворит всех агитаторов. Еще раз повторяю, что вознаграждение они получают лишь в случае обеспечения победы. Если имеются другие мнения – прошу высказаться.

«Согласны!», «Агитаторы будут довольны!» - раздались голоса со всех сторон. Боровинский повернул голову влево и увидел довольное лицо Олега Семеновича Крабова, а начальник штаба Прибрежного района Анатолий Иванович Бражкин на его взгляд вытянул большой палец – вот это решение! Но увидев хмурое лицо коллеги, он опустил палец и принял деловой вид. Тем временем Боровинский поднялся со своего места и ждал, когда его заметят в президиуме. Макарыч толкнул кандидату в бок – человек, мол, просит слова.

– Вы хотите что-то сказать, Максим Васильевич?

– Мне кажется, условия договора нуждаются в пересмотре. – произнес Боровинский тоном, в котором улавливалась не полная уверенность. – То, что нам сейчас предложили, мне кажется, имеет серьезный изъян. Договор не заставляет агитаторов работать.

Залом охватила настороженность. Ее еще больше усилила пауза. Все ждали продолжения, но оратор на этом закончил свою речь.

– Мы вас слушаем, – осторожно вставил кандидат.

Начальник Свяжского штаба снова встал и погладил волосы на затылке.

– Я предлагаю другой вариант. За исходную сумму брать 500 рублей, а дальше все зависит от конечного результата.

– А что определяет исходную сумму, то есть от чего нужно оттолкнуться?

– Думаю, в основу могут лечь итоги мартовских выборов. Например, на таком-то участке кандидат на прошлых выборах набрал сто голосов. Повторят эту цифру – 500 рублей выложи. Наберут в два раза больше – добавь еще 500 рублей. У агитатора появится стимул, и он должен трудиться в поте лица, чтобы получить более высокий результат и как можно больше денег.

– А за первое место что предлагаете?

– Если кандидат займет на участке первое место, агитатор дополнительно положит в карман 300 рублей.

– Почему так мизерно?

– Потому что первое место на участке еще не гарантирует общую победу. Можно на девяти участках обеспечить первое место в 10-15 голосов, а на десятом основной противник наберет на 200 голосов больше и первым пересечет финишную линию. Поэтому, если кандидат наберет на участке два раза больше, чем занявший второе место, я

предлагаю еще вознаграждение. Тут уж денег не жалеть, ибо такой разрыв можно обеспечить, приложив только колоссальные усилия.

Тишина воцарилась в зале невероятная. «В его суждениях имеется какое-то зерно, – подумал Крабов. – Но зачем лезть в лабиринт? Получил агитатор полторы тысячи и пусть спокойно работает». «Сложная арифметика ни к чему, – согласился мысленно с коллегой Бражкин. – Агитатор должен быть уверен, что деньги будут лежать у него в кармане. А тут все запутано».

– Позвольте сказать слово, – раздался голос с правого крыла, и все облегченно вздохнули.

На трибуну вышел человек высокого роста, крепкого телосложения. Голос у него громовой и походка решительная. Его пока никто не знает, но скоро узнают. Он из группы москвичей. Приглашен для оказания помощи. Их три человека, но никто не знает, кому и какая роль отведена. Этот крутился еще на прошлых выборах. Ничего нового в тактику выборной борьбы не внес, говорил мало, но назидательно. Его выход на первом же заседании штаба кое-кого насторожил. Вполне возможно, он получил от шефа особое задание.

– Мы не можем согласиться с мнением начальника штаба Свяжского района, – начал он без вступительного слова. – Нам нужно создать дружный коллектив, а вариант Боровинского оттолкнет многих агитаторов. Они попросту откажутся от участия в выборной кампании, ибо для них важна гарантированная сумма, а не процентные исчисления. Поэтому я предлагаю принять условия, предложенные кандидатом.

Тишина снова овладела залом. Зал молчал. Это означало, что зал согласен с мнением москвича. «Неужели они не понимают, что загоняют себя в угол? – думал Боровинский. – Опасность гарантированной суммы велика. Договор должен работать на конечный результат, а тут...».

– Ну что ж, – прервал его мысли москвич. – Будем считать, что штаб соглашается с условиями кандидата. Они удовлетворяют всех нас, поэтому пожелаем друг другу успехов.

– Они меня не удовлетворяют! Я не могу согласиться с ними. Мне остается. – Боровинский глубоко вздохнул и, набрав побольше воздуха, четко произнес: – Я прошу сделать исключение для Свяжского района и оставить за ним право самому решать, какие условия приемлемы.

– Не годится! – крикнул москвич. – Не годит-ся! Штаб – не анархия. Должна существовать единая система и единый подход.

– Тогда ищите другого начальника штаба.

Зал зашумел.

– Прошу тишину! Что-то вы сильно стали спорить. Бражкина, вы хотите что-то сказать? – обратился Абрамов к начальнику Волжского штаба.

– Да, у меня имеется предложение. Ничего не случится, если Свяжский район примет свои условия. Даже будет интересней, как бы негласное соревнование что ли между районами. Кто был прав, будем судить по итогам. Цыплят по осени считают.

Вера Васильевна была из той породы женщин, которые обладали железной логикой и сильной волей. В ней бурлила марийская кровь. Лицо продолговатое с резкими чертами и вздернутым носом. Она не знает обходных путей, лезет напролом, но в данный момент сказала так, словно боялась чего-то неопределенного, непредвиденного. Даже она не смогла определить грань полезного, нужного в отличие от шелухи. Вполне возможно, что она жаждет настоящей битвы. Ведь два противоположных полюса все равно когда-нибудь столкнутся и тогда все будет ясно – кто прав, а кто виноват.

– Резонно, – поддержал ее кандидат. – Не будем копыя ломать. Предоставим Боровинскому, так сказать, свободу действий

Когда заседание штаба закрыли, Крабов подошел к другу и сочувственно произнес:

– Думаю, тебя ожидают немалые трудности.

– Нас всех ожидают трудности. Одни не зависят от нашей воли, другие по оплошности, недалёковидности, точнее сказать, по нашей глупости.

– Ну-ну, действуй, – похлопал Олег Семенович коллегу по плечу, – но не забывай, что деньги в наше время решают все.

Боровинский ценил в нем мудрость. Решение принимал, изучив проблему тщательно и всесторонне. Говорил тихо, медленно, но густо. Аудиторией овладевал быстро и было непонятно, чем он берет в плен слушателей: то ли интонацией, то ли мимикой, то ли умением раскрыть тему. Их объединяла давняя дружба, заложенная еще на студенческой скамье. Взгляды их были настолько идентичны, что никогда не чувствовали расхождения. От дискуссий не уклонялись. Наоборот, в них оба нуждались, но каждый раз расходились довольными, обновленными. Но нынче Крабов удивил друга. «Может быть, я в чем-то ошибаюсь? – подумал Боровинский. – Трудности, бесспорно, ожидают нешуточные. Ихние агитаторы получают по полторы тысячи, а наши – кот наплакал. Узнают, что где-то загребли тысячами, поднимут вой. Нужен максимум осторожности и терпения. Поймут агитаторы его вариант – дело будет сделано, не поймут – проигрыш обеспечен».

Трудно находиться в изоляции. Как-то чувствуешь себя не в своей тарелке. Взгляды друзей кажутся чужими, словно кроется в них горькая усмешка, непонятное любопытство, поддельное самочувствие. Будешь тонуть, мол, поможем. Но все один человек поддержал его без обиняков. Тоже похлопал по плечу, но не сочувственно, а восторженно.

– Я рад за тебя, очень рад, – не скрывал он своего довольства. – Я уверен, твои агитаторы будут трудиться в поте лица. Поверь моей интуиции. Те в лучшем случае будут аккуратно развешивать листовки, выкрикивать около магазинов стандартные лозунги типа «Голосуйте за Абрамова! Он самый, самый!.. А твои пойдут по домам. Но тут имеется одна опасность – нужно терпеливо выращивать агитаторов, желающих работать не за деньги, а по зову сердца.

«О, как ты прав, мой друг! За деньги ползет любой. А нам надо найти таких, кто на первое место ставит не кошелек, а желание победить. Воспитание агитаторов требует колоссальных сил и главное – времени. Каждому нужно толковать о кандидате и его программе. Убедительно, доходчиво, чтобы агитатор полюбил кандидата, как человека, чтобы его программу воспринял, как свою. Тогда деньги отойдут на второй план, хотя в них нуждается каждый россиянин. Но именно те, кто больше всего нуждается в копейке, меньше говорят о ней. Но это уже другой разговор».

Это был Геннадий Иванович Царев. Он отвечал в штабе за печатную продукцию, и к условиям договора не имел никакого отношения. Тем приятней его оценка, его повышенный интерес, его внимание. Боровинский выразил свою признательность одним словом: «Спасибо».

Глава девятнадцатая

НУ И ЛЮДИ ПОШЛИ!

«Народ наш глупый. Легковерен»

А.С.Пушкин

Глупость, конечно, от слабости ума или его лишенности. Глупость от наивности, веры обещаниям, из-за недостатка знаний и жизненного опыта. Боровинский в своих речах часто употреблял научное определение – низкая политическая культура. Иногда цитировал пушкинские строки, которыми, как броней, прикрывался от возмущения избирателей. Одно дело – сам сочинишь, другое – когда на помощь приглашаешь мудрецов. Ответственность с тебя снимается, как рыба шелуха, а внимание людей к теме возрастает. Но для этого нужен повод. Веский повод.

Он умел вызывать интерес. Ситуацией в аудитории владел если не в совершенстве, то близко к этому. Знал, как подвести к проблеме, которая никого не может оставить равнодушным, на каком отрезке побудить желание к полемике, как обуздать разбушевавшуюся массу. Но в период выборных баталий люди вели себя в большинстве случаев сдержанно, хотя колкие вопросы часто ставили оратора в затруднение.

– Честных депутатов можно сосчитать по пальцам, – произнес он и внимательно посмотрел на избирателей. Он ждал – кто-то должен возразить против этого тезиса. Тогда он перейдет к проблеме, волнующей его в последние годы. Он раскроет глаза людям – почему депутатские кресла заполнили парламентарии, думающие не о благе народа. Доверенное лицо Абрамова сверлит по рядам, останавливает просящий взор то на одном, то на другом, но никто не догадывается, чего от них хотят. Смотрит удивленными глазами – почему оратор делает длительную паузу, чем она вызвана в момент, когда установлена связь между ним и слушателями. Он еще раз обходит взором зал. На секунду останавливается на симпатичной женщине – густые ресницы ее зашевелились, словно крылышки мотылька. Но голос раздался совсем с другой стороны. Властный, грубоватый, решительный.

– Вы назовите хоть одного порядочного депутата, о котором можно сказать добрые слова. Я регулярно смотрю телепередачи, читаю прессу, но кроме болтовни ничего не слышу. Одни обещания, а там хоть трава не расти.

Боровинский резко перекинулся на него, и взгляды их встретились. Прищуренные и хитроватые глаза сверкают как два острых лезвия. Лицо его знакомо, но сейчас не время думать и гадать. Он должен дать ответ на вопрос. – Я с вами согласен на сто процентов! – орет Боровинский на весь зал. – Но скажите, почему это происходит? В огромной армии депутатов нет ни одного, кого можно привести в пример. Может, мы сами в этом виноваты?

Оратор слегка лукавит. Он в состоянии назвать десятки депутатов, которые не на словах, а на деле борются за права человека. Но в данном случае это не имеет никакого значения. Снова наступает тишина. Еще не было случая, чтобы кто-то обвинил народ. Тихий шепот прошел по залу. Но это только начало. Тем временем Боровинский готов расшифровать свой тезис. Он, как сыщик, напал на след, и дальнейшее развитие события зависит только от него, от его умения навести спор на правильный путь.

– Скажите, по каким признакам мы выбираем себе депутатов? Один восхищается тем, как красиво говорит. Для него не имеет значения, о чем он толкует. Как говорится, не суть важна. Второму понравился его внешний вид – правильные черты лица, умные глаза и усы, вздернутые, как шпиль. Разве это подход?

– А что вы предлагаете? – Я предлагаю совсем другой подход. Как говорил поэт, не смотри, что на груди.

Боровинский снова делает паузу. Нужно убедиться, что интерес у людей не погас к его рассказу.

– Всегда обратите внимание на программу кандидата. Если по вашему уразумению, она отвечает интересам большинства людей, если она реальна для выполнения, то такого кандидата можно и нужно поддержать. Если программа состоит из общих фраз и обещаний, то ему не место в парламенте.

И тут оратор переходит к изложению программы кандидата. База для ее восприятия подготовлена, надо только умело довести рассказ до логического конца. Он говорит о том, что Абрамов предлагает развернуть в широком масштабе строительную индустрию, чтобы в каждом районе города были созданы строительные корпорации по возведению домов. Обеспечение жильем ульяновцев – это не только крыша над головой, что само по себе очень важно, но и появление новых рабочих мест. Нужны будут каменщики, плотники, столяры, маляры, штукатуры. Это новые источники пополнения городского бюджета, что позволит увеличить зарплату и пенсии. Строительная индустрия – это толчок к подъему всей экономики города. Во-вторых, Абрамов предлагает городу

постепенный, плановый переход к автономному отоплению. Опыт корпорации, которую он возглавляет, показывает, как важно иметь независимое от коммунальщиков отопление. Оно снижает оплату за услуги и главное – оно надежно. Жалко смотреть, как мерзнут дети в школах и детских садах, как не отапливаются клубы и библиотеки, не говоря о том, что творится в больницах, когда отсутствует тепло.

– Депутатский мандат для Абрамова – это не цель, а средство для улучшения жизни волжан, – закончил он свою речь, сделал вдох и посмотрел на зал с видом победителя.

Такой рассказ не может не вызвать на откровенный разговор.

– Вы складно растолковали нам программу кандидата. Она действительно конкретна, но для нас она пока написана вилами на песке. Вы лучше расскажите, что будем иметь, ольховцы, от этой программы. Стыдно признаться, но нам негде помыться. Общественная баня закрыта на замок, питьевой водой обеспечивают с перебоями.

Женщина перевела дыхание, что-то еще хотела сказать, но ее прервала соседка, и она села, не совсем довольная собой.

– Без этого вопроса не обходится ни одна встреча, – сказал Боровинский спокойно. – Абрамов не будет в стороне от решения местных проблем, которые имеются в каждом населенном пункте, в каждом микрорайоне. Все ваши просьбы будут отражены в наказах и для их исполнения будут разработаны мероприятия.

– А что вы можете обещать нашей школе? Я директор школы, и мне интересно знать конкретную помощь, которую может оказать кандидат.

– Абрамов ничего не будет обещать, – решительно заявил оратор, что вызвало на лице директрисы заметное удивление и недовольство.

– Тогда мы за него не будем голосовать, – не менее решительно прозвучал властный голос, и душе Боровинского забурлило. «Вот она, политическая культура нашего электората! Не рядового, а руководителя. Вынь да положь, хотя бы обещай, не то вам будет плохо». Но не кипятись, оратор. Спокойно подумай, как ответить. Но так, чтобы не вызвать возмущение и гнев. – Будете голосовать за Абрамова или нет – это ваше право. Но я приведу несколько примеров, которые, может быть, прольют свет на ваше требование, Татьяна Викторовна. Недавно был я в одном детском садике, и заведующая показывает мне калорифер, который подарил им какой-то кандидат. В школе, не назову какой, с гордостью показали магнитофон, в другой – директриса похвасталась тем, что помогли оборудовать музей. Каждый кандидат что-то дарит, что-то обещает. Не хочу обидеть Татьяну Викторовну, но мы сами даем повод для того, чтобы депутатами становились случайные люди. Кто больше дарит, тот и становится депутатом. Разве это – правильный подход? Разве это не говорит о нашей низкой политической культуре? Проходит время, и мы крепко возмущаемся и удивляемся, откуда берутся такие депутаты.

«Народ наш не так уж глуп. – думал Боровинский по дороге. – Два раза прокатили кандидата от власти, а в третий сама власть не отважилась выставить. Но люди поставлены в безвыходное положение. Смешно, когда педагоги Зотовской школы обращаются к кандидату с просьбой выделить три килограмма гвоздей. «Тогда мы всем коллективом будем голосовать за вас», – обращаются они к Абрамову. Но в этом смешном факте – горькие слезы. Люди закованы в кандалы и готовы за пять рублей продать самое святое. Чтобы свободно заиграла демократия, нужно сначала решить экономические и социальные проблемы. Наши вожди выбросили демократию, как кость собаке. Она и застряла в горле у народа. Народ винить не следует. Не он виноват, а власть, которая заплела паутину.

– Домой? – спросил шофер, и только сейчас услышал Боровинский, как работает мотор.

Вместо ответа начальник задал ему вопрос, которого шофер никак не ожидал.

– За последнее время я долго думал о демократии. Меня интересует не сущность демократии, а время ее рождения. Ты не можешь сказать, она когда возникла?

– Вы это мне?

- Конечно, тебе.
- Я думаю... Мне кажется, в советское время о ней не говорили. Значит, она могла возникнуть только с началом перестройки.
- Ошибаешься, Юрий Валерьевич. Демократия возникла еще тогда, когда Адама привели к Еве и сказали: «Выбирай жену».

Глава двадцатая

ИСПОВЕДЬ КАНДИДАТА

*«Не знаю, что лучше – зло, приносящее пользу,
или добро, приносящее вред»*

*Микеланджело,
итальянский скульптор и поэт*

В штабе людно. Совещание объявлено на девять утра, но начальники штабов уже спуют по кабинетам. Надо получить листовки, газеты, упаковать их и завязать узлами. Штаб смахивает на муравейник. Все в движении, будто что-то ищут. На ходу перебрасываются репликами и в суматохе бросаются к штабному начальнику.

- Почему до сих пор не готовы буклеты?
- Когда появится очерк о кандидате в газете «Симбирский курьер»?
- Где график выступлений концертной группы?

Макарыч оправдывается, но его ответ никого не удовлетворяет.

Крабов аккуратно складывает кипу газет и развертывает какую-то бумагу. Поплавок, как всегда, бродит по кабинетам и раздает бумаги, не имеющие никакого отношения к выборным делам. Бражкина с кем-то возбужденно спорит. Ум ее постоянно нацелен на критику. Видимо, не совсем довольна содержанием газеты или листовки. Муж ее, Алексей Фомич наоборот проявляет исключительную выдержку и совершенно лишен критической струнки. Он больше рассуждает, советует. Петрунин сидит с гордой осанкой и думает о том, какие вопросы необходимо поднимать на совещании. В нем развит критический подход. Он наклоняется к Бражкину и о чем-то шепчет в ухо. Тот кивает ему головой – согласен, мол, с твоим мнением, но не думаю, что оно получит поддержку.

За столом президиума пока сидит один человек – Ирина Светланова. Она секретарь штаба и тонет в бумажных делах. Одевается модно, со вкусом, и Петрунину кажется, что она прелестна в любом платье. Голос ее то и дело раздается в небольшом зале, где вот-вот откроется совещание.

– Крабов, вы почему не расписались в получении газет?– кричит она тонким голосом и ищет глазами Олега Семеновича.

– Бражкин, вы до сих пор не сдали ведомость! – снова раздается ее певучий голос, но на сей раз получает быстрый ответ:

– Ведомость лежит у вас на столе!

Не успел начальник штаба открыть совещание и сообщить повестку дня, как прозвучал голос Петрунина.

– Я думаю, – произнес он ровным тоном, – нам надо заслушать отчеты некоторых начальников штабов. Мы варимся в своем соку и не знаем, что творится на других участках.

– Резонно, – соглашается Ветлугин, держа лист бумаги перед собой. – Никто не будет против, если включим отчет Заречного штаба?

– Ну во-о-от, – разводит руками Петрунин. – Получается на свою голову. Я предлагаю заслушать Крабова. Говорят, у него накоплен неплохой опыт.

– Резонно, – соглашается Ветлугин. – Олег Семенович, вы готовы?

– Я готов, хотя и не готовился, – отвечает Крабов и откладывает газету.

Встал и вышел к столу. Среднего роста. Крепкого телосложения и с коротко стриженными волосами. Галстук не носит – то ли не любит, то ли считает не к лицу.

Верхняя пуговица рубахи расстегнута, в светлом костюме. Говорит медленно, обдумывая каждое предложение.

– Работа идет по плану, – выкладывает он первую фразу и прислушивается к тишине. – Недавно собирали агитаторов и организовали деловую игру. Получается любопытная картина. Мы требуем от них эффективности работы и не учим их простым вещам – искусству общения с людьми. Я бы поставил этот вопрос шире – мы не изучаем психологию избирателя, который стал неуправляемым и грубым.

Олег Семенович делает паузу и ждет – нет ли вопросов. Молчат. Даже Петрунин молчит.

– Агитаторы приводили уйму примеров, – продолжает начальник Волжского штаба, и рука его тянется к блокноту. – Надежда Игнатьевна Разеткина решила посетить все семьи на своем участке, но уже первый заход заставил ее сильно поволноваться. Звонит в квартиру, а оттуда мужской голос спрашивает: «Кто к нам пожаловал в такой ранний час?». «Агитатор», – отвечает Надежда Игнатьевна. «За кого будем голосовать?», – спрашивает хозяин, и агитатор называет фамилию кандидата. «Хорошо, мы запомним эту фамилию!», – раздается пискливый женский голос, удаляющиеся шаги извещают о том, что встреча на этом закончилась.

Разеткина подходит к соседней квартире и поднимает руку, чтобы нажать на кнопку, но останавливается. «Где я допустила ошибку, – думает она. – Может, не надо было называть фамилию кандидата?». Времени на размышление нет, и ее тонкий указательный палец вдавливая кнопку. В смотровом стекле промелькнула тень – значит хозяева дома. Защелкнули задвижки, и приоткрылась дверь. Агитатор видит морщинистое лицо старухи и серые ее глаза. «Я вас слушаю», – говорит она хриплым голосом. «Я агитатор и хочу...». Нет, не дала договорить. «Извините, – произнесла старуха жалобно, что не поверить в ее искренность было невозможно. – Я сильно болею. Приходите, пожалуйста, в следующий раз».

Олег Семенович снова делает паузу и ждет – нет ли вопросов. По лицу коллег видит – они имеются, но все думают, что лучше выслушать до конца.

– Она прошла пять квартир, и ни в одной не пожелали встретиться и поговорить с агитатором. Разеткин ухватил ужас. Вошла в шестую и встретила с глаз на глаз с молодой женщиной, которая похожа на торговку. Конечно же, торговка. В ее лексиконе одни отборные слова. За минуту она наговорила такое, что у агитатора уши повяли. «Зачем мне все это нужно?», – подумала она огорченно и решила больше не тревожить никого. Сделала шаг по лестнице, остановилась, постояла несколько секунд, держась за перила, и вернулась назад.

Старуха приняла ее добродушно. Живет с внучкой. Она ушла в магазин и скоро вернется. Хозяйка рада, что гостя слушает ее вниманием. Рассказ ее заканчивается глубоким вздохом – как мы жили, мол, хорошо и наделали с нами сейчас. Агитатор не слишком распространяется насчет политики. Ее задача – рассказать о кандидате. Хозяйка довольна, пошла даже ставить чайник. За чашкой чая разговор вдвойне приятно. В это время раздается телефонный звонок. Старуха спешит к журнальному столику. «Добрый день», – отвечает она громко и, прикрывая трубку, обращается к агитатору: «Соседка». Разговор их длится недолго. До Разеткиной доходят обрывки их беседы, отдельные слова – будь осторожна... шарлатан... сама видела... Лицо старухи становится серьезным и хмурым, глаза заблестели недобрым светом. Положила трубку и процедила: «Вот что, гражданка. Я не чувствую себя совсем хорошо. Нам лучше с вами расстаться. До свидания».

Крабов приводил и другие примеры – и приятные, и неприятные, но вывод был один – наших агитаторов принимает только каждая пятая семья. Этими словами он дал понять, что отчет его закончен.

Минутная тишина, и по кабинету прошел легкий шепот. Начальник областного штаба смотрит на кандидата, который не спешит выступать. Пусть оценивают ситуацию те, кто

каждый день связан с агитационной работой. А он, кандидат, должен делать общие выводы, поднять настрой и вселить веру. Пессимизма в наших рядах не должно быть.

– Прошу слова, – раздается голос Петрунина и, проводя пятерной по лысой голове, он громко и членораздельно начинает излагать свою оценку. – Ситуация повсеместно одинаковая. Меня волнует, по какой причине у народа такое отношение. Третьи выборы проводим, а положение все хуже и хуже. Людями овладела хандра. Они никому не верят.

Петрунин знает, что говорит. Он смотрит в корень, хочет найти причину. Тогда и работа пойдет веселей. Его никто не может винить в пессимизме, но любое дело требует ясности. «Народ, видимо, устал от выборов», – произносит он пониженным тоном и садится.

– Народ устал не от выборов. Он перестал верить властям. В этом главная причина их протеста.

Царев Геннадий Иванович – не новичок на выборном фронте. На вещи смотрит широко, из незначительных фактов делает далеко идущие выводы.

– Люди считают, что любой агитатор – это власть, – продолжает развивать он свою мысль. – Отсюда их отношение к агитатору. Отказ избирателя идти голосовать – это протест. Не имея под рукой другого оружия, народ выражает свое недовольство властями отказом идти на выборы. Что касается, что наших агитаторов принимает только каждая пятая семья, ничего опасного нет. Я не видел ни одного агитатора от других кандидатов, чтобы они стучали в двери избирателей.

В почву брошено зерно для спора. Ораторы кидаются в омут и рьяно доказывают свою правоту. Значит, говорят они, нужно раскрывать политику властей. Пусть об этом знает сегодня только каждая пятая семья, завтра раскроются глаза у каждой четвертой, третьей семьи.

Слово имеет Крабова Алевтина Ивановна. Она – педагог. Но она – умный педагог. Глаза ее всегда приветливы. Волосы темнокоричневые – пришло время их красить.

– В этой ситуации мы упускаем, как мне кажется, один момент, – произносит она тем тоном, который присущ врожденным педагогам. – Мы забываем о том, что протестуя, народ не осознает – прав он или нет. Что я имею в виду? Не пойдём на выборы – это форма протеста. Но это такой протест, который играет на руку властям. Люди думают, что отказавшись идти на выборы, они делают добро. На самом деле они приносят вред. Добро приносит вред – парадоксально, но это факт. Им, властям, и не нужно, чтобы избиратели поголовно пришли к урнам. Нужно количество всегда придет – власти в этом уверены. Им важно, чтобы в кабины для голосования вошли те, кто отдаст свои голоса за кандидата от власти. И поэтому так важен наш призыв голосовать за народного кандидата. Это будет зло для власти и добро для народа.

– А наш Абрамов – независимый кандидат! – не выдержал Андрей Поплавков и высоко поднял голову, будто сделал для себя открытие.

– Наш кандидат не только не от власти. Он ее критикует, – продолжает Алевтина Ивановна. – Прочитайте его критические статьи. Каждая статья – удар по властям, в каждой публикации – конкретные предложения по выводу региона из кризиса.

Отчет Крабова вылился в широкое обсуждение проблем, касающихся и работы штаба, и агитаторов. дискуссия так сильно приковала внимание зала, что за чертой остались другие вопросы. Все смотрели на кандидата, который должен подвести итог речам, репликам, выводам.

– Никогда не думал, что буду заниматься политикой, – начал он чуть взволнованно. – Даже тогда, когда решил бороться за депутатский мандат, думал только о конкретных делах, об улучшении жизни людей. Только о том, какую пользу могу принести обществу и ни о чем другом. Но чем больше втягивался в борьбу, тем больше попадал в паутину политики. Ваши выступления заставили меня сегодня оценить себя, свою позицию, посмотреть на себя вашим глазами, как говорят, со стороны. Я часто спрашивал себя – правильно я делаю или допускаю ошибки. В первую очередь имею в виду свою

партийность, вернее сказать, беспартийность. Единороссы пока не заслужили доверия масс. Они прикрываются именем президента, но не защищают интересы трудового народа. Либералы давно скомпрометировали себя тем, что голосуют за законы, служащие интересам олигархов и властей. Достаточно назвать закон о монетизации, превративший льготы ветеранов в иллюзии. Даже те, кто не согласился на замены льгот на копейки, должны покупать проездные за свой счет. коммунисты превратились в парламентскую партию и занимаются в основном митингами, а партия «Родина» только вылупилась из скорлупы и тратит время на внутрипартийные распри. Партий много, а народ один. Я хочу быть с народом.

Речь кандидата была похожа на исповедь. Он говорил о том, что придет время, когда и он станет членом партии, о том, сколько нервов и сил отняли у него критические стрелы, какому нажиму подвергался со стороны властей и как добивались они снятия его кандидатуры с выборного марафона.

– Депутатский мандат нужен мне не для собственного благополучия, а для того, чтобы претворять в жизнь те идеи, которые служат на благо трудовых людей.

Глава двадцать первая

ТРЕВОЖНАЯ ТИШИНА

*«Из тех, кто рядом с тобой, поощрай тех,
кто бранит тебя за ошибки»
Македонянин,
византийский император*

В штабе с каждым днем росла уверенность в успехе. «Стратегия у нас одна – победа» - не без оптимизма заявлял кандидат и был близок к истине. Все звенья выборной кампании заработали с первых дней четко и с накалом. Повсеместно проводились встречи. В программах концертных групп звучали шуточные куплеты, восхваляющие кандидата. На поддержку прибыла знаменитый ансамбль из братской республики во главе с Христофоровым. появились первые листовки. В целях усиления контроля в штабе появился еще один человек, высокий, худющий и впалыми щеками. Еженедельно заседал штаб, намечали планы, заслушивали отчеты и критику, которой было настолько мало, насколько много оптимистических настроений.

Макарыч откуда-то добывал секретные проценты общественного мнения. Бесспорным он называл нашего кандидата. На лицах штабистов сияла самодовольная улыбка. Чтобы убедиться в достоверности сведений, кто-то предложил заняться собственным опросом. Для этого не обязательно ходить по домам. Достаточно связываться с избирателями по телефону. Результаты превзошли все ожидания – рейтинг Абрамова высок и непоколебим.

Уверенность – черта положительная. Но ее нужно хомутать в определенные рамки. Иначе она, как птица, выпорхнет на волю, станет неуправляемой и превратится в самоуверенность.

В один из зимних дней, когда завьюжило и дороги занесло сугробами, когда на поля снег ложился на мерзлую почву и в душе сельчанина вселилась тревога за судьбу урожая, Боровинский застал кандидата за рабочим столом. Николай Герасимович был в прекрасном настроении доверенному лицу даже подумалось – стоит ли поднимать переполох в момент, когда все идет как по маслу. Но ситуация подсказывала, что важно вовремя бить тревогу.

– Не понимаю, – начал осторожно Боровинский и неуместно выложил правую руку на стол. – Почему перестали собирать штаб?

– Разве штаб не собирается? – мгновенно среагировал кандидат. – Сколько раз просил Макарыча – от плана не отходить ни на шаг, все звенья должны действовать, как часовой механизм. Кстати, где он сейчас?

Абрамов быстро встал из-за стола и, открыв дверь, крикнул:

– Ирина Николаевна, найдите срочно Ветлугина!

Заняв свое место в кожаном черном кресле с высокой спинкой, он стал рассказывать, как вчера к нему пришла женщина почтенного возраста. Полная, щеки, как румяные булочки, вынутые только что из печки. «Я пришла к вам сказать, – начала она тоном, в котором чувствуется твердость духа, – что после долгих раздумий решила отдать свой голос на выборах за вас». Она посмотрела на меня сверлящим взглядом. «Спасибо за доверие», – улыбнулся я ей. «Но у меня имеется одна условие», – таинственно произнесла она и еще сильнее стала сверлить меня бегающими глазами. Я естественно насторожился, что не могло не остаться вне внимания женщины, и выдавил: «Слушаю вас. Извините, не знаю, как вас звать». «Анна Варламовна все меня величают, а фамилия моя Кочергина. Я проработала в сфере коммунального хозяйства двадцать лет. Вы, наверное, не помните, была в городе знаменитая служба Самсоных. Не было ни машин, ни техники, а город содержали в чистоте и порядке. Ох, и женщина была! Не женщина, а черная стрела! Так вот. Я служила в ее команде. Я вас не утомила?». Я сделал вид, что ее рассказ очень интересен. «Я слышала, что вы строите квартиры, – неожиданно перешла она на другую тему. – Не простые, а с каким-то атомным отоплением». Я ее поправил, но она мою правку оставила без внимания и хрипловатым голосом продолжала восхвалять корпорацию. Чувствуется, она скорпуплезно читает все наши листовки и газеты. Когда она стала изрядно надоедать своим рассказом, я осторожно ее прервал «Извините, чем я могу быть вам полезен?». «Как чем? – вытращила глаза женщина. – Мне нужна квартира. Я – ветеран труда, у меня имеется удостоверение». Не глядя на меня, она выставила на стол хозяйственную сумку и стала выкладывать оттуда всякое барахло – полотенце, банку с маринованными огурцами, шпильки, зубную пасту, поговаривая: «Я сейчас вам его покажу... У меня уйма грамот, имеется даже медаль...». «Я вам верю. – говорю ей осторожно, боясь возбудить в ней малейшее недоверие ко мне. – Я сейчас отправлю вас к главному бухгалтеру, и она вам расскажет об условиях...». И я тут осекся на последнем слове – женщина вдруг застыла. Слово мраморное изваяние, пальцы ее сжали ситцевый лоскут. В глазах свернул гнев, и она бесцеремонно выпалила: «Я наплевала на ваши условия! Мне нужна квартира! Даром!». Я не знал, как мне поступить. Сначала мне показалось, что она шутит или не в своем уме. Собрав волю в кулак, мне пришлось ответить культурно, но достоинством.

– Мы квартиры не раздаем, потому что строим на свои деньги. Мы их продаем, – произнес я немного резче, чем обычно, и почувствовал, как нахлынула в лицо кровь.

– Как?! – зарычала она неистовым тоном. – И вы еще собираетесь в Думу и учить нас уму-разуму?

И прочитала мне целую лекцию о том, что такое забота о ветеранах, о морали, приводила множество примеров из истории, фамилии и имени меценатов, спонсоров, доброжелателей. Я объяснил ей, что корпорация – не благотворительная организация, но она...

В это время открылась дверь, и на пороге выросла фигура Ветлугина. Лицо его смахивало на хмурую гладь озера перед дождем. Чем было вызвано его недовольство, никто не знал, но прошло мгновение, и глаза его засияли озарением. Абрамов выпалил:

– Что же ты перестал собирать штаб, дорогой начальник? Или думаешь, что журавль у нас уже в руках?

Макарыч сделал вид, что слушает внимательно, но его мысли витали где-то в облаках. Кандидат заметил его рассеянное состояние.

– Ты слушаешь меня? – произнес он с возмущением и перевел взор на Боровинского. Абрамов любит производить впечатление.

– Конечно, слушаю, – оправдывается начальник штаба и занимает место в кресле. – Но думал, что отвлекать людей в то время, когда дела идут нормально – большая роскошь. Пока никаких перемен не вижу, если не считать артиста, который на той неделе снял свою кандидатуру. Мы должны быть довольны этим решением.

Макарыч прервал свой рассказ, разведив руками, и на лице его появилась мимика недоумения.

– Я согласен, что один из главных наших оппонентов не числится теперь в списке, – поддержал его кандидат. – Но штаб обязан заседать регулярно. Как мы договорились – по субботам. Как думает насчет этого начальник Свяжского штаба?

Снятие народным артистом своей кандидатуры оценили в Свяжском районе, как важное событие. Третий день он, Боровинский, бороздил по населенным пунктам и толковал, что коренным образом изменилась. Вопрос, который он ставил перед агитаторами, сформулировал кратко – кому отойдут голоса артиста, которого поддерживала не только партия «Родина», но и областная администрация.

– Снятие артистом своей кандидатуры вы оценили, как пустяковое дело, – начал осторожно Боровинский. – Допустим, вы правы. Но даже пустяковое дело может иметь стратегическое значение, если мы начнем его разжевывать. За голосами артиста, который по опросам находился в первой тройке, идет охота во всех штабах, а мы сидим сложа руки. Может быть, и обращение татарского общества вы приняли, как пустячное дело?

– Нет, мы внимательно прочитали решение татарских собратьев и благодарны им за поддержку.

– Но это обращение не может реализоваться само собой. Надо приложить много усилий, чтобы оно заработало. В первую очередь нужно привлечь татарских агитаторов. Мы пока что варимся в своем соку, а штаб молчит.

Боровинский выражал тревогу сдержанно, надеясь, что его поймут и его советы станут объектом обсуждения на штабе. Чтобы скрыть внутреннее состояние, он встал и подошел к окну. Погода испортилась окончательно. снежные хлопья, словно ошалевшие мухи, бились об стекло и мгновенно таяли.

Вошел Василий Кислов, который выражал свои мысли всегда эмоционально, с жаром. Сейчас его волновал только один вопрос – почему не блокируем кандидата от либералов Кагановича.

– Он нам не соперник, – решительно заявил Абрамов.

Кислов мгновенно вспыхнул, как вспыхивает огонь при сильном ветре. Редкие его волосы зашевелились.

– Каганович – наш главный соперник. Если не примем меры, он обязательно всех своих конкурентов положит на лопатки. Придет время, и вы припомните мои слова. Но имейте в виду – будет поздно.

– Вы любите плеснуть керосин в огонь. – как всегда тихо произнес Макарыч. – Не надо паниковать. У Кагановича нет ни одного агитатора, а на одном телевидении далеко не уедешь.

– Не так-то скажите. – сдавался Василий Яковлевич. – Создается мнение, что вы не смотрите его передачи. Нет сомнения, что жириновец делает ставку на частные подаяния. Его штаб смахивает на бюро жалоб, но в наше время, когда народ доведен до отчаяния и готов поддержать любого кандидата, кому доступно мелкое, но конкретное ремесло. На этом он делает политику и делает успешно.

Боровинский, как и Кислов, относился к персоне местного жириновца серьезно. В Свяжском районе его агитаторы сумели заблокировать, и рейтинг его резко упал. Не было ни одной встречи, на которой оставалась без внимания не только позиция местного либерала, но и всей его партии. Особенно важна была оценка Ленина, который еще в период революционной ситуации в России предупреждал, что либералы, заигрывая на чувствах народа, в конечном счете всегда тянутся в сторону власти. Нюх у них в этом плане как у шакалов, а местный жириновец обладал особым чутьем. Кто внимательно

следил за его передачами, тот не мог не заметить, как он причаливал то к одному, то к другому берегу, но в коечном счете всегда защищал сильного владыку.

Боровинский согласен с Кисловым не только потому, что он прав. Нельзя в одном месте блокировать, а другом пустить на самотек. Нужна одна стратегия, и установка должна исходить от штаба.

Дальше события развивались из рук вон плохо. Штаб так и не собирали. Это означало, что ситуация выходит из-под контроля. Весь выборный сценарий превратился в фривальный жанр, борьба потеряла четкость и последовательность. Иногда Боровинскому приходила крамольная мысль – всю выборную гонку в районе пустить на инертный ход, но на ментально исчезала, и он с еще большей энергией продолжал борьбу. «Я должен доказать, что выборная баталия – это искусство. Она требует самого серьезного подхода», – твердил он себе и шел по улице Державина, подняв воротник слинявшего полушубка. Ветер хлыстал ему то в лицо, то в спину. Снегопад усилился, появились первые сугробы.

Боровинский решил больше не появляться в штабе.

Глава двадцать вторая

ОТ ПОРОГА ДО ПОРОГА

«С каждым говори на его языке»

Грасиан,

испанский философ и писатель

Катэрина мельком взглянула в зеркало и, прихватив сумочку, пошла к выходу. Улица встретила ее утренней свежестью. Ночью пригостил снег, завьюжило. Даже на крыльце образовался сугроб. Мороз. Тело еще не привыкло к изменению погоды. Ветер порывисто срывает с труб белый дым и катит по крышам. Ленивые лучи солнца застряли на верхушке голых деревьев.

Пройдя несколько домов, она свернула на заледенелую тропинку и остановилась перед калиткой, окрашенной в голубой цвет. Щеколда подалась легко, и Катэрина очутилась в палисаднике. Из-под пушистого снега выглядывают черные, как уголь, комья земли. У самого фасада торчат стебли то ли роз, то ли георгин. «Здесь живет ветеран войны Пастухов Федор Николаевич», – прочитала она вензель на воротах и поднялась на крыльцо.

На звонок вышла хозяйка Марфа Петровна. Она разменяла седьмой десяток, но то ли свойство организма, то ли образ жизни помогли ей сохранить и свежесть лица, и остроту зрения, и добрую улыбку. Увидев Екатерину Петровну, нахмурила брови. «Надоели они своей агитацией», – подумала она, но выразить свои мысли вслух постеснялась. Что ни говори, когда-то она была невестой их единственного сына, но пути их разошлись только потому, что Катя была девушкой разборчивой и высокомерной.

– Я, видимо, не вовремя пришла, – промолвила гостья, заметив на лице хозяйки потаенное недовольство.

– Да что вы, Екатерина Петровна, – спохватилась хозяйка. – Мы всегда рады гостям. Особенно тем, кто хочет добра. Проходите, пожалуйста.

Она смахнула с передника муку, и белые пылинки, медленно кружась, стали спускаться на деревянный пол.

«С чего начать?». – подумала агитатор, следуя за хозяйкой, которая почти без шума двигалась в домашних туфельках, а кожаные каблуки гостьи стучали как на плацу – размеренно и четко, как солдатские сапоги. Она помнила совет своего шефа о том, что беседа с людьми – это большое искусство. «Постарайтесь начать не с того, ради чего

пришли», – предостерегал он. Советы давать все вы мастера, хотя бы раз показали, как это делается – пользы было бы больше. Чем ваши нравоучения. Но в советах начальника штаба были какие-то зерна. Катэрина вспомнила вчерашний случай. Постучалась она в семью, которую нарекли новым поколением. Живут они за высоким каменным забором, окна все в железных решетках. Говорят, что у них имеется телевизор, который фиксирует всех, кто подходит к дому. Правда, к ним редко ходят люди, зато часто останавливаются иностранки, откуда выходят пузатые дяди, с модной начальственной походкой. Они сначала озирают по сторонам и не спеша двигаются к воротам, которые, кстати, сами открываются. У Екатерины Петровны нет никакого желания с ними встречаться, но любопытство – не порок. Пошла она по тому же маршруту, что и пузатые дяди, но ворота так и не открылись. Тогда она приняла серьезный вид и нажала на кнопку. – Мы никого не ждем! - раздался пискливый женский голос.

– Я по важному делу. – ответила гостья и испугалась своих слов. Какое это важное дело – выборы?

– Я вас слушаю – громкий мужской голос заставил ее встрепенуться. Надо же, вдвоем вышли встречать.

– Мне хотелось поговорить с вами... Приближаются...

– Выборы что ли?!

– Как хорошо, что вы уже знаете. По какому вопросу...

– Идите вы к черту с вашими кандидатами! Мы без них живем припеваючи, а от них как от козла молоко. Никакого навара! Ха-ха-ха!

Он еще долго ворчал, но Екатерина Петровна уже не слышала его отборной брани. Подавитесь вы со своим богатством! Остановилась, повернулась и, глядя на телекоробку на фронтоне, высунула язык – вот, мол, мой ответ вам, прожорливые бычки.

– Осторожно, ящики. – предупредила хозяйка. Гостья сделала шаг вправо – тут же загремело ведро. Отворилась дверь, и свет широкой полосой вырвался в сени.

Федор Николаевич сидел за широким столом и рассматривал старые фотографии. Услышав шаги за спиной, он тихо, словно самому себе, произнес:

– Какие были люди, не то что нынешнее поколение.

«Конечно, все вы мастаки ругать новое поколение, - подумала Катэрина. – Старики всегда считают, что на смену им приходят малыши, стоящие на голову ниже, чем они». Но она воздержалась от реплики. – Помню случай, который нас всех до глубины души взволновал. - продолжал ветеран. Он посчитал, что к нему на цыпочках подошла супруга, которая любит над ним подтрунивать. Но долгая тишина заставила его обернуться.

– А, почтальонка, – произнес он протяжно и снова стал рассматривать снимки.

– Она уже давно не почтальонка, – подала голос из кухни хозяйка. – пора тебе знать, старый хрыч.

– Для меня Екатерина Петровна была и остается письмоносной, – откладывает снимки хозяин. – Она постоянно приносила в нашу семью радость. Нет большего счастья, чем получать весточки от фронтовых друзей. Да и газет в те времена была целая кипа. Сейчас сумка почтальонки оскудела, как и сама страна.

Федор Николаевич положил обе руки на стол, осторожно выпрямился и тут же схватился за поясницу.

– Опять проклятая настигла. – застонал он мучительно. – Наверно, никогда не оставит меня в покое. Жена!

Хозяйка, на ходу вытирая руки о фартук, мигом оказалась у стола и осторожно взяла мужа за правую руку.

– Нет-нет, я хочу снова садиться, – почти шепотом произнес ветеран и после некоторых мытарств свалился в кресло. Глубоко вздохнул и жестом пригласил гостью сесть за стол.

Хозяйка ушла, а Екатерина Петровна, заняв место рядом с хозяином, взглянула ему в лицо. Глаза его напоминали желуди, а скулы так сильно выступали, будто приделаны к щекам.

– На чем же застряли мои мысли? – силился вспомнить ветеран, переставляя фронтовые снимки.

– Ну и башка стала, полный склероз.

– Вы говорили о каком-то случае, взволновавшем вас до глубины души.

Екатерина Петровна взяла в руку фотокарточку, с которой на нее смотрели два солдата – один высокий и худой, другой пониже ростом, но оба похожи друг на друга.

– Ах да, случай. На войне как на войне, – осторожно вырвал он у агитатора снимок и безобидным взглядом уставился в него. Видно с ним связаны какие-то воспоминания. – Сталинград. Февральские метели. Паулюс. Как мы ликовали, когда сомкнули кольцо на подступах к городу. Нас собрали в заводском помещении, от которого торчали одни стены – полуразрушенные, пробитые осколками снарядов. Собрали нас по особому случаю, для награждения, так сказать. Помню высокого, статного майора, который пофамильно называл каждого и приглашал к столу, наглухо приделанному к земляному полу.

На кухне засвистел чайник, и дядя Федя облегченно вздохнул.

– Я схожу за чаем, – сказала Екатерина Петровна, но хозяин остановил ее жестом правой руки.

– Не надо, – прозвучал его монотонный голос. – Чай – забота хозяйки.

Екатерине Петровне стало неловко.

– Извините, дядя Федя. Извините, что прервала ваш рассказ. – Так вот. – оживился хозяин. – Командир называет мою фамилию и, толкая своих сослуживцев. Я пробираюсь к столу. Принимаю стойку «смирно» и жду, когда майор прикрепит к моей груди долгожданную награду. К моему удивлению, лицо майора светит в улыбке.

– Ну, кто же из вас Пастухов? – произносит командир звучно и в ответ одновременно раздаются два выкрика «Я!»

Повернул я голову влево и увидел бойца чуть выше меня ростом. Чем-то знакомым, родным отдалось от его взгляда. Я сделал второе движение головой в его сторону и тут же кинулся ему в объятья. Брат! Что творилось в это мгновение, описанию не поддается. Это нужно прочувствовать, пропустить через сердце.

Ветеран умолк. Вынул из кармана носовой платок и провел под глазами. Екатерина Петровна взяла снимок и долго не спускала глаз с двух бойцов, прижавшихся друг к другу.

– Память о встрече, – сказал хозяин.

Принесли чай.

– Ну, рассказывай, зачем пожаловала? – еще больше оживился хозяин. – Не думаю, что пришла слушать старого солдата.

– Ваш рассказ, дядя Федя, перевернул мою душу. Надо бы о вас написать в газету. У меня есть друг, член союза журналистов.

– Спасибо за добрые чувства. А пришла ты, конечно, агитировать. – Да, дядя Федя, я пришла агитировать. Знаете, у него реальная программа...

– Выкинь ты эту программу в мусорный ящик. Ты лучше скажи, что за человек он – добрый или злой, знает дело или словолубец, о себе думает или о народе. Может, портрет его прихватила с собой?

– Ой, дядя Федя, имеется у меня его портрет. Сейчас...

Она вынула из целлофанового пакета буклет и положила на стол. Ветеран не спеша взял его в руки и, отодвинув от себя на расстояние, промолвил:

– Лицо открытое, глаза не врут. Но, сдается мне, слегка самоуверен и упрям. – Да что вы, дядя Федя, он очень хороший человек, умный, энергичный, его программа...

И умолкла – фронтовик смотрел на нее с улыбкой, и в этой улыбке она прочитала какую-то тайну, ей неведомую, недоступную.

Екатерина Петровна вышла от ветерана окрыленная, но в глубоком раздумье. Каждый раз повторяется одна и та же картина – зайдешь и...никакой агитации. Все время уходит на то, чтобы выслушать их рассказы. Начинают со своих болезней и кончают большой

политикой. Нисколько не учитывают наше положение. А нам надо пройти в день не менее пяти семей – такова установка. Но еще больше раздражают их нравоучения. Заходишь агитировать, а они начинают читать нам мораль. Но все равно уходишь от них освеженной, будто какая-то живительная сила влилась в твою кровь. Почему – Катэрина не могла объяснить.

Под ногами хрустит сахаристый снег. Солнце с каждым днем все ниже спускается к горизонту, и его слабые лучи лениво освещают крыши домов. Еще месяц, и нас ждут самые короткие дни.

– Здорово, Катя!

Задорный голос отвлек ее от раздумий.

– Здравствуй, Костя!

– Когда придешь меня агитировать? Не упусти момента. А то я устал ждать, и меня могут перехватить другие агитаторы с миниюбками и накрашенными губами. Или я тебе не нужен? Смотри, я мужик хоть куда.

– Я как раз к тебе и собираюсь.

– О нет! Меня уличная агитация не удовлетворяет. Ты пригласи меня на дискотеку или на танцы.

– Я уже вышла из того возраста, и тебе за ум пора взяться.

– Обижаешь, Катерина. Грешники тоже нужны на земле.

– Зачем они нужны? Чтобы портить воздух и засорять атмосферу? – Представь себе, что нет грешников на земле. Чем тогда будет заниматься церковь? Все попы будут без работы.

– И ты гордишься, что в отряде грешников занимаешь особое место?

– Нет, шучу. За мной действительно нет грехов, если не считать французских духов.

– Складно получилось, почти как у поэта. Грехов... Духов... Но я знаю, что всегда был порядочным человеком. Таких сейчас мало. Я тоже пошутила. Если всерьез, приходи завтра в клуб. Будет встреча с самим кандидатом. Концерт – самый лучший ансамбль «Волжские зори».

– Приду, – сказал Костя и зашагал с Катериной в ногу. – Только мне надобно выяснить одну вещицу. Правду говорят, что Абрамов когда-то выделил деньги на облагораживание нашего кладбища?

– Сущая правда.

– Я недавно прочитал в газете, что по кладбищам, надгробным надписям и эпитафиям судят о нации, о ее культуре или невежестве.

Костя замолчал, а Катэрина протянула руку.

– До завтра? – А ты куда?

– Загляну к молодой паре.

Она свернула на узкую тропу, очищенную от первого ноябрьского снега.

Глава двадцать третья

ИСКУПЛЕНИЕ

«Обиду я могу простить,

но забыть – никогда»

Неизвестный автор

В этот день на другом конце избирательного округа Мария Влдаимировна Сидорчук сидела в своем классе и составляла план урока. По небу плыли свинцовые облака – признак глубокой осени, а на реке ребятня каталась на коньках. Ветер неистово бродил по улицам, а ветки голых деревьев хлестали узорчатые стекла окон.

«Как они могли пойти на подлый шаг? – произнесла она вслух, и ей стало стыдно. Стыдно не за себя, а за тех, кто сидел в Думе и считал себя патриотами. – Не патриоты

они, а предатели. Неужели не понимают они, что этим актом они настраивают народ против себя?»

Она взяла газету в руки и снова стала читать.

Нищая и отсталая Россия! Она имела в виду, конечно, духовную нищету страны, которая куда-то карабкается, не имея ни программы, ни идеологии. Режут сук, на котором сидят. На историю плюют. Ничем не отличаются от большевиков, ошибки которых не отрезвили рьяные головы и наступают на те же грабли. Другое дело – французы. Падение Бастилии, день Парижской Коммуны – национальные праздники, а гимн страны «Марсельезу» поют двести лет! Ни одного слова не заменили, ни одной буквы не выбросили.

Каждый год Мария Владимировна праздновала с классом годовщину Великого Октября. Включала в репертуар детского хора революционные песни, песни отцов и дедов, которые звучат величественно, вызывают в сердцах молодого поколения гордость и восхищение. Она с сожалением вздохнула и вслух промолвила: «Верхи нам не указ. Тем более на календаре года дата отмечена красным цветом». Она взяла ручку, и в это время постучали в дверь.

– Открыто! – крикнула она возбужденно и направила взор туда, откуда раздался голос.

Лицо ее нахмурилось, глаза сузились, губы плотно прижались друг к другу – в класс вошел председатель районной избирательной комиссии Семиверстов. Он шел к столу, широко улыбаясь, что еще больше возмутило учительницу, которой в прошлую выборную кампанию пришлось столько пережить, что хватит на всю жизнь. Сейчас она встанет и плюнет в лицо. Лучше, конечно, дать ему пощечину, как это сделала в Самаре одна женщина, прилепив натруженную свою ладонь к физиономии горе-идеолога Александра Яковлева. Или украсить изящный его костюм тухлым яйцом, как обошлись в одной из западных стран с Михаилом Горбачевым. Жаль, что не прихватила с собой, а их у меня целая корзина. Правда, нет тухлого.

Семиверстов остановился перед столом. Высокого роста с правильными чертами лица, в темносинем пиджачке и с красным галстуком. Держа портфель двумя руками. Он произнес:

– Я приехал, Мария Владимировна, извиняться перед вами. За что – вам известно.

В душе мужественной женщины что-то надломилось. Хотела встать – не смогла: все сила ушла в пятки. Хотела взглянуть ему в лицо, но вместо этого еще больше опустила голову. Соленая слеза нахлынула к глазам, и она сильно зажмурилась. На исписанный лист упала одна капля, вторая... Словно сквозь сон до нее доходило то, что исходило в тот момент из уст человека, которого она еще минуту назад готова была удушить.

– Все мы люди своего времени, – говорил он осторожно, боясь вызвать в ней сильное волнение. – Со своими достоинствами и недостатками. Но человек всегда должен обладать силой воли, чтобы признать свою ошибку.

– Да что вы стоите? – произнесла Мария Владимировна тихо, не глядя на гостя, и почувствовала, что в горле застрял комок. Она постепенно приходила в себя, но не могла что с ней происходит.

– Спасибо.

Семиверстов положил портфель на край стола и, взяв табуретку, сел напротив.

– А я ведь вас знаю еще по комсомолу, – оживилась учительница. – Помню, приехали вы на полевой стан, где я выступала перед механизаторами с беседой. Молодой, с пышной шевелюрой. После подошли ко мне и сказали: «Складно получается у вас, доходчиво, а главное – с местными примерами. А вы не помните, как я ответила на ваши слова?»

– Помню. Вы сказали: «Все вы щедры на хвалебные слова. Лучше бы помогли со строительством школы».

– Мои слова, – улыбнулась сельская учительница. – А школу все же построили. Да, хорошие были времена. Умели работать, умели веселиться. Свой художественный коллектив, кружки, секции... Ой, надо поставить чай. Совсем рехнулась.

– С чаем можно не спешить, – вдруг изменил тон разговора предкомиссии. – У меня к вам просьба.

Мария Владимировна обессилено опустилась на стул и всем видом показала, что готова выслушать.

– Я прошу вас возглавить участковую комиссию.

Наступила пауза, которую прервала учительница.

– А как же хозяин? – Я сам себе хозяин. Ну и как? Согласие получено?

Милость растапливает даже черствые души, а тут сидела женщина с чутким и добрым сердцем.

Глава двадцать четвертая

В Б Ю Г А

*«Какое счастье сидеть
в непогоду в теплой избушке»
Неизвестный автор*

Муж отправился на охоту, и Катэрина решила посвятить день агитации. Давно собиралась в Бахчеевку, да все руки не доходили. Домов-то там чуть больше дюжины, а побывать все равно надобно. Как заметили в штабе - каждый голос на вес золота.

Напялив на голову пуховую шаль, накинула концы за спину, сунула ноги в валенки и вышла на улицу. Погода, что надо – тихая, прозрачная. Пурга, неистово бушевавшая два дня, ушла за ближний лес, и природа задышала звенящим воздухом. Снегу навалило целый пласт, хотя до зимнего месяца еще далеко. Катэрина сошла с крыльца – под ногами захрустело, словно наступила на сахарный песок. Дошла до околицы и спустилась по санной колее в овраг. затаившейся, а оттуда Бахчеевку видно как на ладони. иногда это небольшое селение называют обиталищем пенсионеров. Нет ни магазина, ни медпункта, а недавно срезали единственный телефон. Никто из начальства сюда не заглядывает. Обходят за версту. Два раза в неделю приезжает хлебная кибитка, оживив на полчаса уснувший хутор, и снова наступает мертвая тишина. Ветераны давно смирились с положением, хотя нет-нет да кто-нибудь, выполняя сыновний долг, настроит жалобу, вызвав у бывалых людей ироническую улыбку. Реакция у властей пространная – жалоба адресована в высшие эшелоны, а они спускают ее по инстанции все ниже и ниже. Как-то глава местной администрации Чудаков пришел к Катэристине домой и говорит: «Будь добра, Екатерина Петровна, сходи в Бахчеевку и разберись с этой бумаженцией». Сует ей в руки – прочти, мол. Пробежала Катэрина глазами и отвечает: «Тут без визита все ясно. Написано верно». «Ясно да ясно, – толкует глава, – но надо встретиться с жалобщиком. Таков закон, черт их побери, этих ветеранов. Откуда их столько скопилось?». «Пока их, Аким Акимыч, кот наплакал. Вот когда вы уйдете на пенсию. Их будет тьма-тьмушная» «Юмористка ты, Екатерина Петровна. Тебе только вместо Жманецкого выступать». «Не Жманецкий, а Жванецкий». «Пусть будет Жванецкий, но я на тебя все равно не сержусь. Ну как, договорились?».

Катэрина неспроста вспомнила о поручении сельского главы. она шла и думала – с кого начать свои встречи. Взвесив всесторонне, она решила оставить Владимира Матвеевича напоследок. Он наверняка напомнит ей про последнюю встречу, которая положила конец его похождениям по инстанциям, развеяло все его надежды, которые еще теплились в его душе. Тогда ветеран, увидев гостью, не имевшую никакого отношения к властям, но присланную разбирать жалобу, в конце беседы кратко произнес: «Спасибо тебе, доченька, за разъяснение. Теперь все понятно – в нашем государстве нет государства». Екатерина Петровна не стала вникать в суть сказанного, не задавала

вопросов, не ввязалась в дискуссию, хотя ей не все ясно было в словах ветерана. Сейчас она крепко вооружена. Она не только знает, что такое государство, но и как отвечать на вопрос. Людям не нужна теория, им нужна правда. А она частенько бывает глубоко зарытой. До сих пор помнит урок, полученный ею во время встречи кандидата в сельском клубе. Пожилая женщина, внимательно выслушав речь кандидата, захотела, видимо, поддержать его и резюмировала: «В нашей стране нет государства». Кандидат среагировал на реплику своеобразно. «Государство-то у нас имеется». – сказал он многозначительно и пустился рассказывать, что такое государство с научной точки зрения. Катэрина мелком взглянула на женщину и увидела недоуменный ее взгляд. Когда кончилась встреча, начальник штаба подошел к ней и спросил: «Ну как, есть у нас государство или нет?». Катэрина пожала плечами: «Думаю, ответ был правильный». «Конечно», – протянул Боровинский монотонно, и она прочитала на его лице хитроватую улыбку. Он отошел, оставив ее со своими размышлениями. Потом она поняла – женщина была права, сказав, что у нас нет государства. Какое это государство, если власти не могут или не хотят разбирать крохотную жалобу? Какое это государство, если у него нет дела до простых людей, которые брошены на произвол судьбы?

Екатерина Петровна встрепенулась, когда оказалась у знакомой калитки. Она так замечталась, что ноги сами привели ее к ветерану. Вдобавок хозяин стоял на крыльце, держа лопату в руке. Увидев гостью, крихтя спустился по ступенькам и пошел навстречу неторопливыми шагами.

– Доброе утро, дядя Володя. – поздоровалась Катэрина.

– Здравствуйте, – ответил приветливо ветеран и приставил лопату к калитке.

.Из конуры выбежала собачонка с пушистой шерстью и крупными, как лопухи, ушами. Языком слизнула сначала валенки, а потом варезки.

– Не кусается?

– При хозяине не посмеет, – произнес хозяин и повелительно добавил: – Нюхай, нюхай, Гера. Надо знать, с каким духом приходят к нам люди.

– Неужели угадывает? – Снова пожаловали с каким-нибудь поручением? – отвел разговор в другую сторону ветеран.

– Эй богу, не имею никаких поручений, Владимир Матвеевич, – клянется Катэрина. – Муж ушел на охоту, а я решила прогуляться. Дай-ка, думаю, навещу старых друзей. Привезла свежие газеты, если не потеряли к ним интерес.

Ветеран изучающее посмотрел на женщину, которую знает больше двадцати лет. Левый глаз слегка прищурен, а правым сверлит, как рентгеновым лучом.

Вошли в избу.

– Ну, ну, – закашлял хозяин привычно и, взяв чайник, потопал на кухню. – Садись и рассказывай, какие новости в мире. Не то мы живем словно в дыре. Одно утешение – телевидение и то врет безбожно. Вчера выступает некий Кравцов и предлагает объявить на телевидении неделю смеха. Ему, видите ли, мало юмора и сатиры. Всю страну превратили в поле чудес, а им все мало.

– Как ваши дети, дядя Володя? Приезжают?

– Бывают, – раздается протяжный голос старика. – Им своих забот хватает. Не до нас. Но сыновний долг исполняют. Я на них не в обиде.

«А на кого в обиде?», – хотела спросить Катэрина, но воздержалась. Ответ будет один – на власть в обиде, на чиновников.

Попили чайку – крепкого навара.

– Ну, я пойду, дядя Володя, – встала со стула Екатерина Петровна. – Спасибо за угощение.

– Куда торопиться, коли дел нет. Скоро старуха придет. Она пошла к соседке языки честь. Через овраг живет, а считается соседкой. Поредели наши ряды, словно чума прошла. Старуха тебя шибко любит, – с украдкой посмотрел на гостью хозяин. – Не то что я, старый гриб.

– За что же перестали уважать меня, Владимир Матвеевич? Если, конечно, не секрет.
– Секрета никакого нет. Я вот тебе что скажу – не слишком гни спину перед начальством, не можно оказаться горбатой.

– А я и не гну. Откуда вы взяли, что я...

– Ну, ну, не сердись. Пошли провожу до калитки.

Вышли на улицу. Сильный ветер каскадом ударил в лицо и снова все утихло.

– Непогода ожидается, – лениво произнес хозяин и посмотрел на восток. – Вон как краснеет небо, будто начались лесные пожары.

Прибежала Гера и стала вилять хвостом.

– Какая ты хорошая, – присела к ней Катэрина и в знак благодарности тут же получила поцелуй в щеку. – И очень шустрая.

– Куда путь будешь держать?

– Я и сама не знаю.

– Помнишь Клавдию Васильеву, знатную доярку? Имеет даже орден Ленина.

– Ну как же не помнить. Всегда была веселая, задорная.

– Была да вся вышла.

– Неужели умерла?

– Да нет. Жива и здравствует. Горе постигло ее непомерное. Неделю назад в городе убили сына.

Гостья отвернула голову в сторону и зашагала к домику, где жила Клавдия Андреевна.

Шла Екатерина Петровна по снежному покрову и думала о том, что никакой она не занимается. У всех свои проблемы, а на кандидатов им наплевать. Хорошо, если Владимир Матвеевич развернет газету. Тогда сразу догадается, по какому поводу она гостила у него почти полчаса.

Ветер еще раз каскадом ударил ей в лицо. агитатор накрыла лицо руками и повернулась назад – подняв снежную бурю, ветер покружился над головой и умчался к дому ветерана.

Когда она покинула последний домик в Бухтеевке, снежный буран всюду свирепствовал. Думать о том, что принес этот день в ее агиткопилку, не было времени – надо спешить домой. Хорошо что ветер дует в спину. Дойду до избушки Матвейча, а том тропа сама поведет. Имеется, правда. Другая дорога, по которой ездит хлебная кибитка, но она два раза длиннее. Катэрина ускорила шаги. Сила незаметно прибавилась. Почувствовала, как забурлила кровь, как твердо наступала на снег. Вот и бугорок и домик ветерана. Отсюда начинается длинный спуск в долину.

– Может, доченька, переночуешь? – раздался вдруг знакомый голос.

За калиткой стоял Владимир Матвеевич. Катэрина остановилась в нерешительности. Неожиданная встреча придала ей еще больше силы и, забыв поблагодарить за заботу, она промолвила:

– Нет, дядя Володя, мне нужно домой. У меня семья. Муж ждет со своей добычей, дети пришли из школы да и скотину надо кормить. Ничего страшного – ветер дует в спину.

– Ветер он обманчив. – промямлил ветеран, зная твердый характер женщины, выросшей на его глазах. Попытка – не пытка. Вдруг она откажется от риска. Ведь беда всегда приходит неожиданно.

Где-то залаяла собака. На это Гера ответила длинным волчьим воем – знай, мол, наших.

Катэрина исчезла в снежной мгле. Оглянулась и постояла минуту. Бахчевка еще дышит. Несмотря на непогоду, из труб валит дым, который братается с порывами снега и пускается в пляску. Желтыми глазищами смотрят окна избушек. При свете их видны пушинки снега, порхающие в воздухе. Не доходя до земли, их подхватывают каскады ветра и уносят в неведомую даль.

Ветеран вошел в избу и сел около порога. Сидел долго, думы думал. Ветер гневно ударял о крышу дома. Хозяин мысленно представил долину и тропу, по которой идет Екатерина Петровна.

Да, она шла уверенно. Поземка гуляла по долине, но не ложилась на землю. Ноги твердо чувствовали тропинку. Подъем кончился. Вершина встретила агитатора неистовым хаосом. Будто чья-то рука верховодила всем этим миром. Снежные бури, вой ветров, гул необъяснимых звуков – все это перемешалось в едином порыве и создавало ситуацию безвыходности.

Екатерина Петровна повернулась лицом к долине. Жесткие снега щекочут лицо. Но как красиво в низине! На вершине ветер хищно бросается на тебя и старается свалить с ног, а в долине при вечерних сумерках сказочно багровеет закат. Будто все замерло в безмятежной истоме угасающего дня. Красиво, но надо спешить домой. Повернулась к селу – ураганный ветер с огромной силой хлестнул в спину. Катэрина еле устояла на ногах. Снова все закружилось, завертелось, завихрилось, покрылось мраком.

«Как хорошо, что ветер дует в спину. Но он может оказаться обманчивым», – вдруг почему-то в голову пришли слова ветерана. Она думала о времени. Пройдет не больше часа, и она окажется в кругу семьи. Муж уже сварил щи из квашеной капусты, сын сидит у окна и ждет мать, а дочь включила легкую музыку. Ветер хлыщет ей в спину и помогает ей не сбиться с пути. Небом словно овладели злые духи, но ведьмы боятся спускаться на землю. Недалеко раздался неистовый звук – Катэрина насторожилась. Кра! Кра! Ворон. Значит, где-то дерево. Но откуда оно появилось? За околицей не растет даже кустарник. «Злой дух все же спускается на землю», – улыбнулась спутница. Сделала еще два шага, и ветер ударил ей в правую щеку. Катэрина нахмурилась. Снова все закрутилось, завертелось. Она вдруг почувствовала, что сил становится все меньше, словно отнимают их злые духи. Ветер бесцеремонно влезает под шубу, пощупывает теплые места, проверяет ее стойкость, но она знает только одно – надо двигаться вперед. Она уже потеряла счет времени. Силы быстро убывают, снег становится глубже, а ноги тяжелее. Она не помнит, в каком месте перестала чувствовать твердыню под ногами, но знает точно, что тропинку безвозвратно потеряла.

В это время в доме на бугре царила тишина. Ветер выль в трубу, искал щели меж бревен, буйствовал в сенях. Хозяин встал и подошел к окну – как ошалевшие мухи падали на стекла снежные хлопья и застлали ставни. Хозяин все смотрел, будто ночная тьма имеет какую-то тайну, разгадать которую он не в силах. Вышел в сени, и вернулся с эвенкийскими лыжами – широкими, как лапти, короткими, но с острыми носами. Сам смастерил. Их на скорую руку можно переоборудовать под сани. Нужно только через небольшие кольца, приделанные сбоку, пропустить бечевку и сильно натянуть. Для ляжки тоже сделаны приспособления – на кончиках носков завинчены по одному небольшому кольцу.

– Ты куда? – поднялась жена с постели, когда супруг уже натягивал на себя кожаные ремни.

– Чует сердце – беда случилась.

Евдокия Федоровна никогда не возражала мужу. Знала, коль он решил, никакие уговоры не помогут.

– Бесплезные твои хлопоты, – с тревогой произнесла она.

– Пусть будет без пользы, чем всю жизнь потом каяться. – сказал ветеран. Дотронулся до ручки двери и оглянулся. – Да что ты, старуха, с ума спятила? Не на фронт же уезжаю. Пройдемся с Герой по тропе и вернемся.

– Уж погода прескверная. Не по душе она мне.

Он подошел к постели, сел на колени.

– Ну, старина, будь посмелей. Помнишь, как провожала на финскую? Ни одной слезинки – выдержала, исполнила мой наказ – То было в молодые годы. Сейчас нервы

стали никудышными. Чуть что – слезы начинают капать. Ну ладно, иди. С Богом! Николай Угодник тебе в помощники..

Ветер гуляет по двору, поднимает снежный смерч. На зов хозяина Гера залаяла ленивым голосом, побежала к калитке и уперся передними лапами. Не успел хозяин снять засов, ураган вихрем рванул калитку. Гера, выскочив на улицу, тряхнула лохматой шубой и, задрвав нос, нюхала воздух.

Низина осталась позади. Владимир Матвеевич заметил, как ветер ударил ему в бок, но не заметил, когда он изменил направление. «Она могла двигаться только по ветру», – думает он. И тут же в голову приходит другая мысль – вдруг она уже дома. Сидит себе за столом, сказки рассказывает и не думает о том, как сумасшедший старик движется по ее следу. Снежный гул выбивает из его головы эту мысль, и он снова и снова зовет Геру продолжить поиск. Сделав стремительные прыжки, собака останавливается – поспекает за ней хозяин или надо умерить шаги. Навострив длинные уши, время от времени понюхивает окрест и снова ныряет в крошечную мглу.

Когда силы ветерана были уже на исходе, Гера остановилась и передними лапами стала откидывать снег. следопыт быстро снял лыжи, расстегнул ремень. Катэрина лежала на спине. Взяв за оба конца воротника, ветеран решительно потянул на себя, освободив ее от снежного покрова – слабый стон дал понять, что она жива. Он стал натирать ее лицо мягким, как вата, снегом. Щеки ее краснели, но она лежала неподвижно, изредка издавая стон. Руки, руки надо натирать! Но они оказались почему-то теплыми. видимо, они раньше, чем тело, оказались под снежным покровом. Искал варежки, но их не оказалось. Вынул из кармана полшубка свои и напялил на ее худые пальцы. Потом быстро переоборудовал лыжи под нарту, сволок на нее снежную королеву и накиннул на плечи ляжку. Гера, сидевшая до этого вытянув передние лапы, сделала резкий прыжок и скрылась в снежной вакханалии.

– Всего-то сто метров не дотянула, – сжалился старик, когда нарта остановилась у третьего дома от окраины села.

На звонок отозвались не скоро. Только третий заставил хозяина подняться с постели.

– Кто там? – раздался сонный голос.

– Принимай снежную королеву, – услышался ответ.

Защелкали тройные засовы.

– Жива? – спросил хозяин, когда ее затащили в избу.

– Жива и будет жить, – улыбнулся фронтовик. – А что, ты не знал, где он находится?

– Зна-а-ал. – протяжно зевнул хозяин и скосил глаза на стол, где лежала бумага с коряво исписанным почерком. – но кто мог подумать, что она... Риск – ее стихия. Сколько раз говорил ей, чтобы не лезла не в свое дело. Она все свое. Как это случилось?

– Долго рассказывать, – ответил незванный гость. – Риск – благородное дело, когда не рискуешь ты. Отважная она у тебя и умная. На фронте такие женщины становились героями.

Направился к выходу. Остановился и поманил пальцем хозяина.

– Спирт имеется?

– Первач. Сам гонял. Сейчас принесу, – рванулся хозяин на кухню.

– Не нужно, – почти крикнул ветеран. Приложил лицо к его уху и шепнул:

– Придет в сознание, сделай натирание лица, спины и других чувствительных мест.

– Понятно, – вздохнул хозяин. – Будет исполнено.

– Ну, бывай.

– Спасибо, дядя Володя. Может, переночуете?

– Нет. Дома жена будет волноваться. Не то бы мы с тобой того...первача.

Хитро подмигнул и исчез за дверью.

Улица встретила его удивительной тишиной. Будто и не было пурги и тех испытаний, которые пришлось пережить. Луна, словно желтый таз, застыл на чистом небосклоне. Но фоне лунного света отчетливо видны очертания домов, надворных построек, голых

деревьев, успевших нарядиться в синевато-зеленый цвет. Ветер ушел куда-то за горизонт. Фронтонике встал на лыжи, и, оттолкнувшись палками, прокладывал новую колею. Как бывает в таких случаях – душа его пела. Не часто можно предугадывать события, прогнозировать или предвидеть результаты. Маленькая победа может перевернуть человека, сделать его счастливым, уверенным.

Глава двадцать пятая

КЛУБ ВЕРНЫХ ДРУЗЕЙ

*«Поле полемики,
на котором сражается разум,
страшнее поля битвы»
Бальзак,
французский писатель*

Друзья охотно посещали клуб. Размещался он в Доме дружбы, в небольшой комнате, обклеенной обоями темносинего цвета с национальными узорами. Единственное окно на всю стену прикрывал занавес из японского тюля. Ромбовые столы плотно примыкали друг к другу. Нарушая симметрию, они были хороши и для выступлений, и для обозрения. Когда держал речь оратор, достаточно повернуть голову в его сторону, и ты увидишь его лицо, мимику, жесты руки, которые он заимствовал у какого-нибудь древнегреческого философа. Нет желания видеть его физиономию – сиди прямо, и он исчезнет из поля твоего зрения. Остается его голос, интонация, дефекты речи, афоризмы из лексикона древних мудрецов. Кстати, каждый член клуба облюбовал место, которое он считал не только удобным, но и счастливым. Президент клуба Геннадий Иванович Царев занимал место где-то в середине. Ему предлагали кресло, на котором время от времени можно делать оборот вокруг своей оси. Но он наотрез отказался. Зато потребовал соблюдать этические и иные нормы во время полемики. Никому не нравятся строгие рамки, но президент клуба неумолим. Дисциплина, конечно, нужна, но каждому хочется расслабиться, свободно выразиться, показать себя, на что он способен. Требования президента и желания членов клуба вполне могут существовать мирно, если они служат общим интересам. Вообще-то стычки во время дискуссий происходят совсем по иным причинам.

Геннадий Иванович одет как всегда изящно. В белой, с черными полосками рубашке. Галстук коричневого цвета с горошками. Костюм из темного материала плотно прилегает к его могучему телу.

От характеристики других членов клуба пока воздержимся. Они лучше сами раскроют себя. Когда, спрашиваете? Во время дискуссий, конечно. А она, бывает и интересной, и жаркой.

Царев придал своему лицу нужное выражение и, держа в левой руке лист бумаги, начал:

– Тема дискуссии всем известна – выборные баталии. Я прошу вас не слишком тянуть лямку в сторону. Как говорил мудрец, когда объявляется объект спора, нужно танцевать вокруг него, а не уходить – кому куда вздумается.

– Иногда отступления от темы придают динамику, – слышится голос с правой стороны. – А вот воды надо лить меньше.

– У тебя есть конкретное предложение?

– Какое может быть предложение, когда в наших усилиях никто не нуждается? Я два месяца ищу работу, а мне никто не может оказать помощь.

Нет, прав президент клуба – полемика имеет свои законы. Если дискуссионный клуб хотят превратить в отдел по трудоустройству или социальной помощи, в бюро по разбору

жалоб или контору по приему вторчермета, то эти люди далеки от культуры полемики. Они постоянно будут уводить куда-то в сторону.

– Кто готов начать разговор? – произносит президент, напялив взгляд на коллег над спущенными над нос очками и останавливается на поднятой руке. Он снимает очки и кладет на стол.

– Пожалуйста, Олег Семенович, вам слово.

– За последнее время я стал усиленно изучать историю французской буржуазной революции.

– Ого, куда махнул!

– И сделал для себя любопытное открытие. Двести лет прошло, а как актуальны проблемы, которые были предметом острых противоречий еще в то время.. коснусь лишь одного вопроса – вопроса о собственности. Оказывается, еще якобинцы записали на своем знамени, что собственность неприкосновенна.

Крабов выдерживает паузу обходит глазами зал - может, у кого вызвало недоумение мое начало? Нет, не вызвало – на лицах полное безразличие.

– Я сравниваю действия якобинцев с действиями наших демократов и делаю вывод – как далеки нынешние демократы от своих далеких собратьев.

– Наши тоже приняли закон о собственности!

Кто этот смельчак, который торопится показать себя? Ясно – Александр Митрофанович Закоулкин. Спасибо, коллега. Эта реплика Крабову нужна, как воздух.

– В том-то и беда, – продолжает оратор, – что закон, принятый нашими демократами, защищает только одну форму собственности – частную. Мы все живые свидетели того, как брошены на выживание колхозы и совхозы, которые представляют общественную собственность. Они брошены на произвол судьбы. Значит, власти защищать их не собираются. Если приняли закон о неприкосновенности только частной собственности.

В зале поднялся шум. Даже оконные занавески чуть зашевелились. Царев не вмешивается – схватка полезна. Нельзя допускать лишь рукопашной схватки, как это иногда бывает в высшем парламенте.

– Прошу слова! – раздается голос в правом углу.

Президент клуба дает знать, что тот может начать свою речь. Но оратор нуждается в тишине, и Геннадий Иванович громко объявляет:

– Слово имеет Николай Владимирович Васько!

– Продолжу речь предыдущего оратора. Я долго думал, почему в научной литературе исчезло деление собственности на частную и личную, – продолжает Васько и проводит рукой по лакированной голове. – А ларчик открывается просто. Кое-кому не выгодно такое деление. Если вы помните, в личную входило лишь то, что создано своим трудом., а в частную – то, что скоплено за счет чужого труда. Представить не трудно, что будет с олигархом, если произойдет деление на личную и частную. Его прихватит паралич.

– Как докажешь, что создано тобой, а что присвоено, ограблено, прихвачено? – Очень просто. Документами. Всем известно, что кандидат Изосимов в нашем крае стал олигархом, ограбив народ, а власти никак доказать не могут. Вот почему олигархи спокойно ложатся спать.

– Не один Изосимов обогатился за счет народа. Набили карманы, а теперь все они рвутся к власти.

– А каков наш кандидат? – звучит его голос на весь зал – Начинал с нуля, построил своим коллективом уникальный дом. Средства накопил своим трудом. Я не хочу касаться других сторон, связанных с его личностью. Я спрашиваю – почему мы не в состоянии донести до нашего избирателя этот контраст? Олигархи и кандидаты от власти – это один полюс. Николай Абрамов, стоящий на другом полюсе, народный кандидат. Агитация должна проходить в этом ключе.

Стало как-то душно в комнате. Царев прикидывает в уме – каков коэффициент полезного действия полемики. Пока идет по плану, как и задумано. «Победа – главная

цель, но не любой ценой, – рассуждает он по себя. – Средства и пути достижения должны быть такими же чистыми, как и цели. Но мы еще не разбудили народ. Голосовать в сонном состоянии – все равно что идти на ощупь, с закрытыми глазами».

– Почему наступила тишина?

– Вы просите слова?

– Угадали.

– Ну и начинайте.

Речам Василия Кислова присуща эмоциональность. Он не может спокойно говорить. То ли от рождения, то ли жизненные жернова выработали в нем гнев и ярость. критический ум, ораторское искусство формировали в нем личность Дон-Кихота. Но ему не хватает силы воли. Перед трудностями он пасует, врагов не хочет иметь. Вот такое противоречие. Но главное – в нем совершенно отсутствует чувство юмора. Он постоял несколько секунд без движения, выдал искусственную улыбку и обрушился на штаб.

– Мы совершаем величайшую ошибку, – интригует он необычным началом. – Все вы знаете, что несколько дней назад в нашем регионе гостил Владимир Жириновский. Цель приезда его ясна – обеспечить победу кандидату от либералов. Чует мое сердце – он подготовил нам сюрприз.

– Кандидат Каганович не представляет для нас никакой опасности, – раздается басовитый голос на левом крыле. Все повернули головы в его сторону. Так и есть – начальник штаба Ветлугин решил поставить ретивого оратора на место. Он сидел спокойно. В темной с полосками рубашке на выпуск и в сером пиджачке. Курительную трубку держит наготове, чтоб в удобный момент запустить в потолок дымовые кольца. Его реплика заставила Кислова замолчать, но ненадолго.

– Это мнение штаба или частного лица? – произнес оратор с гневной интонацией.

Ответ последовал не скоро. Ветлугин, видимо, почувствовал какую-то ответственность в этот момент, но постоянные заявления самого кандидата о том, что соперников на выборном лоне нет, позволили ему сделать решительное заявление:

– Да, это мнение штаба.

– Тогда сказать мне больше нечего, – подвел итог своей речи Кислов и сел, косо бросив взгляд на соседа. Тот сидел, качая головой то в одну, то в другую сторону, чуть вытянув губы, подчеркивая свое недовольство. Но чем он был недоволен – понять было невозможно. Сосед понимал – если он выступит, то не может обойти вопроса, который считал главным в тактике. Да, он не может не выступить. Это был Вольский. Он стоял, держа в руке карандаш, и ждал, когда Царев назовет его фамилию.

– Кагановича в штабе нашего района всегда считали главным конкурентом., – сразу взял быка за рога оратор. – В первом туре он сделал резкий рывок, что заставило нас искать контрудары. И мы уже во втором туре обрезали ему крылья. И только с помощью умелой агитации. Либералы возникли не сейчас. Они существуют с тех пор, как возникло рабочее движение и существуют, как опора власти. Почему Жириновский постоянно жонглирует на телевидении? Потому что для власти его партия – неопределимое благо. Обратим внимание на местного либерала. В его руках голубой экран. Смотрите, сколько жалоб он разбирает. Много! И у народа складывается мнение: жириновцы – истинные защитники простого люда. Какими средствами обладаем мы для разоблачения его политики? Сошлюсь на пример. Недавно в одной школе женщина яростно защищала Жириновского. Я ей показываю газету «Правда России», где приводится поименное голосование за отмену льгот ветеранам. Она смотрит и глазам своим не верит. Заявляет: «Вы убили во мне веру в либералов». Если вы заметили, на местном телевидении жириновец никогда не рассказывает, как они голосовали в Думе. Другой пример, связанный с отменой льгот. Приходит к местному либералу фронтовик с жалобой на лишение ему льгот. Каганович возмущается и плачет с фронтовиком в одну жилетку, обещает разобраться и помочь. Сидел я перед телевизором и мне стало стыдно за эту

партию. Жириновцы проголосовали за монетизацию, а тут местный либерал зарабатывает дивиденды на разоблачении этого закона. Низко, подло, недостойно!

Бражкина посчитала, что оратор закончил свою речь и, не дожидаясь, когда он свалится на свое место, произнесла:

– Выборы дали немалую пищу для размышлений. размышлений о демократии, свободе, плюрализме мнений. Декабрьские выборы были лишь пробным камнем. Свяжский район в этом плане особенно контрастен. Нарушения были очевидны, а реакция на них нулевая. Почувствовав безнаказанность на мартовских выборах чиновники перешли все границы. Главный удар они обрушили на абрамовских агитаторов. Пугали всем, чем могли – зарплатой, увольнением, отключением света, выселением из квартир. В арсенале не было лишь виселиц.

«Меня скоро схватит инсульт», – шепчет женщина с правой стороны своему соседу.

«Я знаю отличное средство от этого недуга», – отвечает ей сосед.

«Какое?»

«Нужно завести в квартире не тараканов, а клопов. Укус клопа – и это доказано древними учеными – верное средство от инсульта».

Царев не может оставить без внимания ни один шорох. Он грозно смотрит на тех, кто нарушает порядок, и голос Бражкиной продолжает звучать в зале. Страшно выходить не только на улицу, но и своей квартире люди чувствуют себя в опасности.

– Чтобы существовал мир, нужны и предатели, и воры, и палачи, – раздаётся голос с другого конца. Если их не будет, то нарушится симметрия.

Его тут же поддержал другой оратор. – Ведь были времена, когда матери гордились сыновьями, служившими у палачей и мечтали о том дне, когда их дети наденут красные штаны и получать большие деньги.

Что он хотел сказать, понять было трудно. Видимо, ему не по душе, что сейчас большим авторитетом пользуются люди, потерявшие совесть.

– Люди все равно тянутся к власти, какая бы она ни была. С властью они связывают свои надежды. Потому что она власть.

– Сейчас не стало модным говорить об укладе. Классов не стало. Оказывается, можно жить и без классов. Жаль Маркса и Энгельса – столько труда вложили.

– Глубоко ошибаешься – социалистический уклад не ими придуман. О нем говорили еще янки в пору гражданской войны в Америке 150 лет тому назад.

– Выборная борьба – это лишь внешнее проявление нашего движения. Сущность ее зарыта глубоко – ее надо искать в карманах олигархов.

– Ха! Жириновский снова отделался легким испугом. За драку в Госдуме ему лишили слова. Кажется, на один месяц. Смешно!

– Зато синяк под глазами получил.

Когда дискуссия кончилась, один из ораторов подошел к Цареву и спросил:

– Как ты считаешь, я был прав?

– Конечно, – ответил Геннадий Иванович.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что кроме тебя никто не выступал на эту тему.

Глава двадцать шестая

МАТВЕИЧ

*«Я всякую беду согласен перенести,
но не соглашусь, чтоб пострадала честь»*

Корнель,

французский писатель

Каждое утро, просыпаясь, Катэрина думала о муже. Как могла она ошибиться в своих помыслах? Почему не сделала ни одного шага, чтобы найти путь к примирению? Нет, не такой уж он у меня никудышный. Все хозяйство держится на нем. Ну и что же некрасив. Красота не всем дана. И ни к чему она в наши годы. Вон у Варвары Петляевой муж урод уродом, а живут в полном согласии, людям на зависть.

Катэрина делает глубокий вдох и поворачивается на другой бок. Солнечный луч украдкой проникает между шторами и начинает играть на ее лице, вызывая в ней кокетливую улыбку. На кухне кто-то возится. Звон ложек и вилок, струй воды, запах утренней стряпни – как приятно, когда о тебе кто-то заботится. Дети, конечно, в школу помчались. Большие стали, умные. Витя учится в девятом, а Лена пошла в пятый. Кем они станут, главное – какими? Что их ожидает в будущем – трудно представить.

Катэрина снова делает глубокий вдох и поворачивается на другой бок. Солнечный луч, обидевшись, покидает спальню, носит с собой яркие краски утренней зари. В спальне становится чуть грустно. Катэрина прислушивается. Чуткий слух улавливает каждое движение, каждый звук кухонной возни.

– Митрофан! – кричит больная, чуть приподнимаясь с постели. – Митрофан, ты меня слышишь?

Сейчас войдет в ее комнату муж, и она узнает всю историю: как он разыскал ее в такую пургу, когда приличный хозяин и собаку на улицу не выпустит. Надо же, спас от верной гибели. Спас меня, которая все время твердила: ненавижу, ненавижу, ненавижу.

– Митрофан! Что же ты мешкаешь? Поди сюда!

Послышались медленные шаги, раздвинув портьеру, в комнату вошла соседка Ольга Федоровна. Недавно отметили ее юбилей. Всю жизнь прожила в Ольховке, и ее на селе знают в каждом дворе. – Что так сильно орешь? Не глухая – слышу. – произнесла она поучительным тоном и обтерла руки о фартук.

– А где Митрофан? – удивилась Катэрина.

– Где ему быть? На работе.

– Он не работает. Он в отпуске, – повысила голос хозяйка и закашляла.

– Тебе волноваться вредно. Видишь, как кашель одолевает. Сейчас будет суп из курицы, чай из целебных трав.

– Где мой муж? – прозвучал решительный голос хозяйки, что заставило соседку основательно поволноваться.

– Почем мне знать? – оправдывается соседка и, видя, как поднимается хозяйка с постели, пятится к портьеру.

– Он не мог уйти, не сказав ни слова.

– Сказал, сказал, – заторопилась Ольга Федоровна. – Рано утром пришел за мной и говорит – схожу. Мол, по одному важному делу, а к обеду вернусь. Попросил приготовить завтрак и ухаживать за тобой. Больше я ничего не знаю.

Катэрина устало свалилась в постель. «Какая я стала глупенькая, – прошептала больная. – Не к женщине же он поехал, а по делам. Может, махнул к моей сестре – не волнуйтесь, мол, идет на поправку». Заметив, что соседка все еще стоит в комнате, произнесла:

– Извините, Ольга Федоровна, за мое поведение. Не знаю, что со мной происходит.

– Вот с этого и надо было начинать.

И ушла, бормоча себе под нос. Все мы, мол, женщины из одного теста вылуплены. Нам всегда нужно больше, чем мы имеем. Отсюда все наши беды.

Муж в это утро долго сидел за столом и думал. О чем он думал, остается пока тайной. А вот торопливые его шаги в сторону Бахчеевки не могли оставаться в тайне. Распахнулась калитка, и Митрофан с победоносным видом ворвался в дом ветерана.

– Здорово, дед?

– Здорово, Митрофан!

– Долг платежом красен. Обещано – сделано.

Митрофан вынимает из рюкзака двухлитровую бутылку и грациозным движением руки ставит на стол. И закуска не дурна – подобрана со вкусом. Нет только красной икры.

Старуха снова у соседки. Тем лучше. У мужчин тоже бывают тайны. В стаканчики пуль-пуль – о, как режет горло! Митрофан плохой собеседник, даже первач не в состоянии развязать ему язык. Посидели, поболтали обо всем понемногу. И гость встал со стула.

– Спасибо, дед, за теплый прием, как говорится.

– Спасибо тебе, Митрофан, что уважил старика своим посещением. Первач – чище спирта. Мы в финскую...

– Чуть не забыл, – прервал его Митрофан и стал рыться в рюкзаке. – Вот, в прошлый раз забыли, а сейчас возвращаю.

– А, варежки, – улыбнулся ветеран и изучающее посмотрел на гостя.

– Что еще, Митрофан Николаевич? Кажется, так величают тебя по отчеству.

– Ничего, дядя Володя. У меня вид часто не внушает доверия.

– Так просто не бывает. Что-то с Екатериной Петровной случилось? Может, здоровье ее...

– Да что вы, Владимир Матвеевич. Здорова, как корова.

– Тогда выкладывай, что лежит на душе. Начистоту. Полуправда – хуже лжи, а сердце не для того дано, чтобы таскать ненужный груз.

– Может, вы меня неправильно поймете и будете даже осуждать, если я выскажу свою просьбу.

– Выкладывайте, – прозвучал решительный голос ветерана. И гость почувствовал в нем приказ бывшего командира роты или даже батальона.

– Катя не знает, что спасли ее вы, Владимир Матвеевич, – глядя вниз, произнес гость и еще ниже опустил голову. – Она думает...

– Это же хорошо! – громыхнул старик на всю избушку. – Пусть остается все это нашей тайной.

– А вы меня не выдадите?

Слова, вылетевшие из уст гостя, мгновенно протрезвили ветерана. Улыбка исчезла с его лица. Скулы сдернули, зрачки позеленели.

– Как ты мог, любезный человек, выбросить в мой адрес слова, которые оскорбляют мою душу, – тихо начал фронтовик, но интонация его поднималась словно по ртутной шкале. – Меня, который прошел фронтовыми дорогами полземли, освобождал Сталинград, Орел, Киев, Белград, между боями получил партийный билет и закончил войну на Дальнем Востоке.

Нет, уже не те силы, чтобы одним залпом выложить всю обойму и поставить человека в рамки. Владимир Матвеевич сделал глубокий вдох и, подойдя к столу, поманил гостя.

– Садись, – и сам сел. – Наливай! Если всерьез, то вот что тебе скажу. Разве имеет значение, кто спас человека от беды. Главное – жив человек. Вот смысл немудреной философии. Выпьем стоя. Даю слово, что тайна останется между нами. Слово офицера Советской Армии, члена партии большевиков, узника Бухенвальда!

Прошла неделя. Заседание штаба открыл Ветлугин Леонид Макарыч. Поправив черные казачьи усы, устремившиеся ввысь, он хрипловатым голосом прочитал повестку и продолжил не совсем обычно.

– Наши агитаторы проявляют поистине чудеса храбрости и часто, рискуя жизнью, ведут агитработу, – произнес он возвышенно и поднял бумагу на уровень головы. – Мы только что получили сведения о том, в какие невероятные условия попала Черевичкина Екатерина Петровна. В ночь с 11 на 12 ноября она возвращалась...

Дальше она не слышала речи начальника штаба. Кровь хлынула в лицо, в глазах потемнело. Ее не покидала лишь одна мысль – кто мог донести столь нелепую новость.

«Только благодаря мужу», – долетели до не слова оратора, и они словно разбудили ее ото сна. «Муж», – чуть не вскрикнула она на весь зал. Он сочинил опус в то утро, он ушел

куда-то по сочному делу. Он! Он! Он! Она подняла голову. Начальник штаба все еще держал бумагу в руке и с пафосом заканчивал свою речь.

– Вот они какие, агитаторы абрамовской гвардии! Наша Гордость!

В это время в задних рядах кто-то сдвинул стул, издав пронзительный звук. Ветлугин весь во внимании – видимо, Черевичкина сама хочет сказать слово. Похвально! Она идет широким размашистым шагом. Оратор встречает ее в широкой неподвижной улыбке с шеренгой белых зубов. Она останавливается перед трибуной. Взгляды их схлестнули в безмолвной схватке. Улыбка исчезла с лица оратора – что-то тут не то! Взгляд ее свирепый, губы поджаты. Еще секунда, и она резко вырывает лист из рук начальника штаба и таким же размашистым шагом покидает зал.

Наступает немая сцена.

Маршрутка выбрасывает Катэрину перед ее домом. На ходу расстегивая шубу, она врывается в избу и застает мужа за чтением газеты.

– Что же ты надо мной издеваешься, Митрофан? – протяжно выкладывает она то, что так сильно потрепало ее душу. – Позор! Посмешище! Я, конечно, благодарна тебе, что спас мне жизнь, но зачем нужно было голосить об этом на всю округу?

Она еще долго говорила о семейных узах, о доверии и счастье, о каких-то моральных нормах, пока из уст супруга не вырвались слова:

– А я тебя не спасал.

На Екатерину Петровну словно вылили ушат холодной воды. Силы ее покинули, как покидают звери во время пожара. Лицо ее приняло бессмысленный вид. Она устало ввалилась в кресло.

Муж встал и пошел на кухню. Катэрина безмолвно сидела в шубе, с шапкой-ушанкой в руке и не знала, что делать. Вскочила, выскочила на улицу и ушла по знакомой тропе.

Она прижалась к его груди и плакала. Тихо, с рывками.

– Плачь, доченька, плачь. Легче станет, – успокаивал ее Матвеич.

– Я же знала, я же была уверена, что Митрофан на это не способен. Ночами не спала, все размышляла. Но мое желание, моя романтика победили мои сомнения. Я поверила, но спросить так и не хватило времени, или, может быть, гордости. Наконец он сам признался.

– Это уже хорошо, – произнес Владимир Матвеевич, когда гостыя успокоилась и села на стул. – Значит, в человеке проснулась совесть.

– Не понимаю, дядя Володя, о чем вы ведете речь.

– Что тут понимать. Дело простое, житейское. Он же мог все это присвоить себе. Нет, не пошел на нечестный поступок.

– А в штаб зачем он припер, кто его просил? И те тоже хороши, готовы сделать из меня героиню.

– О, ты тут не совсем права. Скажу проще – любит он тебя, но не знает, как подобрать ключ. Ты думаешь, написал он хвалебную оду ради своей корысти? Нет, доченька. Он хотел показать свою заботу о тебе и гордится тобой – вот, мол, жена моя тоже не лыком шита.

– Вы всегда в шутку, дядя Володя. Можно было искать ему другие пути. Я ему всегда говорила: постарайся понять меня получше, изучай меня со всех сторон и ты заметишь, как улучшатся наши отношения. А он мне – вас все равно до конца невозможно понять.

На лице ветерана появилась потайная улыбка.

– Что, я в чем-то не права?

– Конечно, не права. Запомни – если женщина будет до конца раскрыта. Распознана, она потеряет всякий интерес. Женщина – это тайна, и мы всегда стоим у порога этой тайны.

Чай пили глотками, с наслаждением, с перерывами. хозяйка молчала. Она все время молчала, будто ее не было дома. Но и для нее рассказ супруга был откровением, и она

изредка, с особым чувством, а может быть, даже иными глазами смотрела на своего мужа и гордилась им.

– С этого дня я решила полностью посвятить себя семье, – подвела итог встрече Катэрина. – Не надо мне никакой политики, никаких выборов. Штабов, встреч, агитлистовок. Одни мучения от них и скандалы, а силы надо беречь для других дел. Какое надо иметь терпение, чтобы выдержать хамство богачей, косые взгляды чиновников, ухмылочку только что вылупившихся особ, которые сами не стоят выеденного яйца, а воображают из себя черт знает кого.

Ветеран терпеливо выслушал длинный монолог женщины, которая еще молода, но имеет свои взгляды, свои суждения. Катэрине показалось, что старожилу не понравилось ее решение, но он почему-то не дает ответа. Да его и нету – ответа. Надо что-то оценить самокритично, над чем-то серьезно подумать, а ответ сам придет.

– Ну-ну, – закашлял Матвейч. – Скажи, Екатерина Петровна, Абрамов – человек порядочный? К делу, кажется, подготовлен он неплохо. Организаторские способности не вызывают сомнения. Программа его привлекает конкретностью. Мне хочется знать твое мнение – стоит за него бороться и тратить на него силы? Не секрет, депутаты, как и чиновники, исчерпали кредит доверия. А каким видится Абрамов с мандатом депутата?

На душе Катэрины стало тепло. Значит, Владимир Матвеевич не только читал материалы, а внимательно их изучал и готов бороться за этого человека. И тут она воспрянула.

– Скажу честно, дядя Володя. У меня никогда не было доверия ни к властям, ни к депутатам. Но встречи с Николаем Герасимовичем перевернули мою душу. Я поверила в его искренность. Он обладает силой убеждения, прост в общении и, как мне показалось, очень хочет помочь простым людям.

– Ну-ну! Наши мнения сходны. Это хорошо. Мои силы не так уж велики, но я готов сказать слово о Николае Герасимовиче нашим сельчанам. Можешь передать мои слова нашему кандидату.

Так и сказал: «Нашему кандидату».

– Ой, Владимир Матвейч, как я вам благодарна! Я обязательно передам и привезу вам еще материал. Появились интересные буклеты и календари с церковными праздниками. Я вам...

– Ну-ну! Я перестаю тебя понимать, Екатерина Петровна. Если не изменяет память, ты только что говорила, что политикой больше не будешь заниматься, а тут меня начинаешь агитировать.

Гостью словно приковали цепями. Она долго сидела без движения, а потом озарилась в широкой улыбке. – Вы меня переубедили, Владимир Матвейч. Я буду бороться!

Фронтовик встал и подошел к небольшой полке, где лежали книги. Достал брошюру, подержал в руке и протянул Катэрине.

– Всякая борьба требует мужества и силы воли. Прочти эту небольшую книжечку. Она поможет тебе выработать характер, не пасовать перед трудностями. Она – о революционере-народнике Николае Морозове. Двадцать лет он просидел в Петропавловской крепости. Врачи предсказали ему близкую смерть на втором году заточения. Но он не только выжил, а написал в камере несколько томов по медицине. Но главное – он вышел на свободу и снова ринулся в бой. Прожил он девяносто с лишним лет. Встретил октябрьскую революцию, участвовал в разгроме иностранной интервенции, был свидетелем победы советского народа в борьбе с фашизмом.

Глава двадцать седьмая

ПРИШЛИ В КАНОССУ

«Есть поражение к чести,

есть к бесчестию»
Ольга Форш,
советская писательница

Голосование на избирательных участках подходило к концу. Машина взяла курс на самую дальнюю точку, чтобы успеть к началу подсчета голосов. Боровинский лично решил присутствовать на одном из избирательных участков, а потом проехать отсюда по всему району, чтобы собрать за ночь все протоколы. Члены комиссии и наблюдатели были предупреждены и ждали появления начальника штаба в любую минуту.

Удивительная погода выдалась в эту декабрьскую ночь. Туман низко висел над землей. Временами он совсем рассеивался, и на смотровое стекло падал лунный свет. Легковушка ныряет в туманную мглу, и шофер резко нажимает на тормоза – в двух метрах ничего не видно. Проходит несколько секунд, и снова открывается чудная панорама. Начальник штаба просит остановить машину. Теплый воздух обдаёт лицо, и чувствуется какое-то лечебное свойство воздуха. Невольно взгляд устремляется в небо, усеянное бездной звезд. В эти минуты полнее ощущаешь тишину, внимательней прислушиваешься к шороху жухлой листвы, перекличке птиц. Однако пора!

Не успели садиться в машину, сырой, рыхлый туман грудью лег на равнину и замер в неподвижности. Шофер снова переключает скорость. Сегодня он молчит – словно в ожидании чего-то, словно вся битва еще впереди. Но это только кажется. Мы пожинаем плоды выборной борьбы. Сейчас уже ничего не изменишь, сейчас можно только ждать.

Юрий Мустафин объездил с начальником штаба весь район и так увлекся выборными делами, что начал считать их частью своей биографии. Никогда не сидел в машине, а присутствовал на встречах, интересовался положением на участках. От него часто можно было слышать – хорошее впечатление оставляет агитатор или тараторит, как кузнечик, а толку никакого нет. Но сегодня и он молчит.

Избирательная комиссия заседает в школе. Боровинский представил документ доверенного лица и занял свободное место. В напряжении члены комиссии и наблюдатели. Ждут, когда стрелки часов остановятся на 20.00. Предкомиссии ходит по комнате и что-то обдумывает. Походка его неторопливая, ноги ставит широко, осторожно. Одет в пиджачок не первой свежести, в серую рубашку без галстука и темные брюки, аккуратно заправленные в валенки.

Боровинский с ним не знаком, а вот Галину Фискарнееву знает хорошо. Его ученица. Красивая татарка с карими глазами. Умная, рассудительная. Окончила сельхозтехникум и застряла в этой глуши. Но для нее Дубравка – малая родина, самое лучшее село на свете. Она была готова помочь своему учителю в агитработе, но статус не позволяет – член комиссии с решающим голосом.

– Начинаем, – поизносит тихо предкомиссии и объявляет порядок работы.

Когда закончили погашение неиспользованных бюллетеней, открыли малые урны. С открепительными талонами никто не приезжал, и комиссия приступает к подсчету голосов.

Тишину никто не нарушает. Слышно, как шелестят бюллетени. Взоры наблюдателей направлены на столы, где решается судьба кандидатов. И тут открывается дверь и раздаётся женский голос:

– Вы скоро?!

На ее реплику никто не реагирует. Она, видимо, повар, и ей не терпится начать процедуру подведения итогов. Не получив ответа, она громко захлопнула дверь и скрылась.

Боровинскому кажется, что комиссия работает медленно. Но он ошибается. Он просто торопит время, а члены комиссии, не торопясь, шаг за шагом приближаются к концу. Торопливость нужна при ловле блох, а тут нужна скорпуплезность. Снова открывается дверь и раздаётся тот же голос:

– Вы скоро?!

На нее никто не обращает внимания. Дверь закрывается, издав недовольный скрип.

– Не ваша жена? – бросает реплику Боровинский, обращаясь к председателю.

– Да что вы, Максим Васильевич. – отвечает за него Галина Фискарнеева. – Разве она похожа на его жену? Она у него красавица. Но вы же понимаете...

– Конечно, понимаю. Но слишком уж агрессивно и свободно ведет она себя.

Результаты превзошли все ожидания. Половина избирателей проголосовала за Николая Абрамова. А ведь в списке было одиннадцать кандидатов! Начальник штаба благодарит наблюдателей и держит путь в соседнюю деревню.

Туман стал еще гуще, но ветер гонит его на восток. мягкий, ласковый. Машина движется с такой скоростью, будто невидимая рука сдирает с пути туман и открывает простор. Луна лениво ползет по небосклону, освещая голую лесопосадку и мокрую от пара трассу.

В Петровке подсчет голосов завершен. Агитаторы встречают начальника штаба с улыбкой и ждут похвального слова.

– А где Иван Васильевич?

– Он у нас дома празднует победу, – отвечает его супруга.

Характер его можно выразить в двух словах: когда он под хмельком – настоящий оратор, а если во рту сухо – слово из него не выбьешь. Это он твердил все время: «Победа будет за нами!».

Предкомиссии Степан Роцин поставил подпись под протоколом и, шлепнув печатью, протянул Боровинскому:

– У нас, Максим Васильевич, полный порядок, действуем только по закону.

– Это вы мне? – удивляется начальник штаба, получая протокол.

– Конечно, вам, Максим Васильевич, – раздается голос за спиной предкомиссии.

– А, это вы, Надежда Александровна. Извините. Слона я и не заметил.

Боровинский действительно не заметил, как выросла фигура главы сельской администрации.

– А надо бы замечать старых друзей, Максим Васильевич. Мы немало сделали, чтобы Абрамов победил на нашем участке. Ирина Николаевна не даст соврать.

– Да, да, она мне рассказывала. Спасибо, – машинально вылетела из уст начальника штаба.

– Кстати, работа вашего агитатора заслуживает самой высокой оценки. Имейте это в виду.

– Учтем, – слышится в ответ спокойный голос, и начальник штаба спешит в машину.

«Однако как люди быстро меняются». – думает Боровинский в кабине машины. На ум приходит предвыборная кутерьма в этом селе, а нынче приняли его как старого друга. Нет, люди просто не меняют свою шкуру. Их переделывает система. В иной обстановке они наверняка готовы отдать последний кусок хлеба, но сейчас они на это не способны – система очерстила их сердца.

Выехали на Цивильский тракт. Уже перевалило за полночь. Юра набирает номер по сотовому телефону и получает первую информацию – на участке победил Каганович. За исход борьбы в районе можно быть спокойным, но за город сомнения, кажется, подтверждаются. Каганович, Каганович, Каганович...

Боровинский думал о том, как трудно было выдержать выборную гонку. Но они вышли из положения с честью. Действовали только в рамках закона, честно. Интересно, будет анализировать свою работу штаб? Трудное это дело – признавать свои ошибки. Легче все промахи переложить на противника.

Он представил атмосферу в штабе. Пока там наверняка тишина. Ирина Светлана с недовольным видом принимает информацию от своих коллег. Ей выпала самая неприятная миссия – собирать данные, которые никого не могут радовать. Ветлугин безмятежно сидит в кожаном кресле и, крепко держа трубку, пускает дым к потолку. Лицо

его ни о чем не говорит. Но это лишь внешнее проявление. Никто не знает, что творится в его душе. Но он в любой обстановке сохраняет несокрушимое спокойствие, подобно лошади под проливным дождем.

Пройдет немного времени, и в штаб начнут стекаться начальники штабов. Каждый из них думает о том, какие причины более убедительны для оправдания итогов выборной борьбы. Лишь Зоя Михайловна Кузьмина может праздновать победу. Ее агитаторы в Новогорске проделали огромную работу и заслуженно принимают почести. призыв – от порога до порога – они выполнили честно, как говорят, по зову сердца. И пример в этом показывала сама Зоя Михайловна.

Но на звание героя дня претендует, бесспорно, Василий Кислов. Его лицо всегда напоминает вид великомученика, присущий только клиентам, стоящим у касс по коммунальным платежам. Но нынче оно сияет салютным цветом. Можно представить, как он открывает дверь и с порога кричит: «ну, кто был прав? О чем я вас предупредил? О том, что Каганович – опасный противник! Теперь вы видите – я был прав!». Кислов не претендует на великого оракула, но его рейтинг за несколько часов вырос до такой степени, что может ходить целую неделю с высоко поднятой головой.

На восклицание коллеги Ветлугин отвечает кольцами густого дыма от курительной трубки, а Ирина Николаевна издает порывистые звуки, а потом слезы застилают ее глаза и соленые капли падают на заполненный цифрами лист. Она готова орошать слезами стол, но сделает это, видимо, тогда, когда в штаб войдет Николай Герасимович. Слезы ей всегда помогают искренне выразить свои чувства.

Да, тернист путь к депутатскому мандату.

СОДЕРЖАНИЕ

1.Катерина.....	5
2.Повестка	14
3.Хутор Станционный	18
4.Переполах	23
5.Предупреждение	30
6.Независимый кандидат	37
7.Охота началась	43
8.Маневр	49
9.Шишкин	52
10.Неуловимый Боровинский	56
11.Властям закон не писан	60
12.Снятие блокады	66
13.Провал операции	72
14.Холопское княжество	78
15.Абрамов, на третью попытку!	88
16.На рыбалке	90
17.С глазу на глаз	98
18.Конфликт	106
19.Ну и люди пошли!	112
20.Исповедь кандидата	117
21.Тревожная тишина	124
22.От порога до порога	131
23.Искупление	138
24.Вьюга	141
25.Клуб верных друзей	151
26.Матвеич	159
27.Пришли в Каноссу.....	168